

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Э.Ф.Патокова, В.Г.Петренко,
Н.Б.Бурдо, Л.Ю.Полищук

ПАМЯТНИКИ
ТРИПОЛЬСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
В СЕВЕРО-
ЗАПАДНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1989

**ПАМЯТНИКИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИ-
ЧЕРНОМОРЬЕ / Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю.;
Отв. ред. Субботин Л.В.; АН УССР. Одесский археологический музей. —
Киев : Наук. думка, 1989. — 144 с. — ISBN 5-12-000686-8.**

В монографии обобщены результаты многолетних исследований памят-
ников трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье.
Значительное внимание уделяется социально-экономическим отношениям
и идеологии населения.

Для археологов, историков, музейных работников.

Ответственный редактор Л.В.СУББОТИН

Утверждено к печати ученым советом
Одесского археологического музея АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике

Редактор А.А.ЗОЛОТАРЕВА

П 9504000000-531 74-89
M221(04)-89

ISBN 5-12-000686-8

© Э.Ф.Патокова, В.Г.Петренко, Н.Б.Бурдо,
Л.Ю.Полищук, 1989

ВВЕДЕНИЕ

Изучение памятников трипольской культуры или, как ее теперь чаще называют, культурной общности Триполье-Кукутени тесно связано с разработкой проблем истории Юго-Восточной Европы эпохи энеолита и начала раннего бронзового века. Обилие и разнообразие археологических материалов позволяет проследить общее и особенное в историческом развитии трипольско-кукутенских племен, влияния культуры этого населения на другие этнические группы в различных историко-географических регионах. Неслучайно именно выделение локальных культурно-хронологических вариантов и групп составляет одно из приоритетных направлений в исследованиях памятников культурной общности Триполье-Кукутени. В последние годы наметилась даже тенденция выделять отдельные археологические культуры внутри этого феномена, существовавшего необычайно долго — с IV и до середины III тыс. до н.э. по радиоуглеродной хронологии или в V—IV тыс. до н.э., с учетом дендрохронологических поправок к условным радиоуглеродным датам. Обе системы хронологии этапов Триполья приведены в таблице. Причем за основу взята схема, предложенная Т.Г.Мовшей [106; 108]; только верхняя хронологическая граница соответствует разработкам Д.Я.Телегина [159] и датам, содержащимся в настоящей монографии. Что касается калибрации условных радиоуглеродных дат, приближающей их к реальным, историческим датам, то она выполнена по таблицам М.Кларка [194].

Настоящее издание посвящено изучению памятников трипольско-кукутенской культурной общности в Северо-Западном Причерноморье. Монография состоит из двух частей.

Первая часть содержит обобщенные результаты полевых изысканий в южной полосе Лесостепи Буго-Днестровского междуречья, где еще сравнительно недавно были известны лишь единичные памятники. В настоящее время в этом районе выделяется александровская группа памятников раннего периода и открыта серия поселений, отражающих различные фазы конца среднего и начала позднего периодов Триполье-Кукутени. Вторая — посвя-

Хронология трипольско-кукутенской общности

Этапы	Радиоуглеродные даты, г. до н.э.	Калиброванные даты, г. до н.э.
A	4000–3700 (3650)	4845–4520 (4485)
VI	3700–3350 (3650–3300)	4520–4160 (4485–4095)
VI–VII	3350–3200 (3300)	4160–3990 (4095)
VII	3200–3000	3990–3785
CI–II	3000–2800 (2750)	3785–3580 (3530)
CI–II	2800–2500 (2750–2400)	3580–3245 (3530–3175)

щена усатовской локальной группе. Именно в период Усатово формируется культурно-историческое единство Циркумпонтийской зоны [173], совместившей напряженный поиск новых форм существования и начало эпохального эксперимента с примесями к меди, повышающими ее твердость и престижную ценность [77]. Тогда же, кроме Усатово, сложился целый каскад культурных групп в лесостепном Триполье периода CI [44] и в азово-днепровских степях [113] — и над всем этим наслоение нового блока культур, прежде всего ямной общности, возникших уже на пределе энеолитического прогресса. С точки зрения концепции "блоков культур" [167] группа Усатово и традиционно к ней относимые курганы Дунайско-Днестровского междуречья (которые можно считать зачатком особой нижнедунайской группы) могут рассматриваться как гибридные образования на периферии трипольского пласта — с чертами выхватинской и гординештской групп соответственно, с сильной примесью степных и балкано-дунайских элементов. С уважением и благодарностью вспоминают авторы, что много сил и творческой энергии отдал исследованию усатовских памятников один из старейших советских археологов Михаил Федорович Болтенко [1888–1959 гг.], столетие со дня рождения которого отмечалось 2 сентября 1988 г.

Дополняют текст Приложения. Антропологические материалы из могильника Маяки подготовлены И.Д.Потехиной, новые остеологические материалы поселения Маяки исследованы Е.П.Секерской.

Затронутые в книге проблемы в значительной степени базируются на ранее не публиковавшихся коллекциях Одесского археологического музея АН УССР.

ТРИПОЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ ЛЕСОСТЕПНОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕСТРА И ЮЖНОГО БУГА

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ГРУППА РАНИЕТРИПОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ

История изучения. В конце 40-х годов север Одесской обл. в междуречье Днестра и Южного Буга оставался белым пятном на археологической карте. Случайная находка при строительстве дамбы у с.Кирилловка в Кодымском р-не поселения Александровка в 1949 г. привела к раскопкам этого памятника и планомерным работам здесь экспедиции Одесского археологического музея АН УССР. В результате усилий сотрудников музея за несколько полевых сезонов на археологической карте Одесской обл. появились десятки трипольских поселений [52, 53]. Некоторые результаты этих работ опубликованы [54]. Однако со многими можно ознакомиться лишь в фондах и архиве ОАМ АН УССР. В основном эти материалы не были введены в научный оборот. В результате многолетних полевых исследований музея под руководством А.Л.Есипенко изучено в Александровке 12 жилищ. А.Л.Есипенко обнаружены кроме Александровки два раннетрипольских памятника — в с.Тимково [54] и на западной окраине Слободки, на них был получен небольшой разведочный материал.

Исследования трипольских поселений на севере Одесской обл. были возобновлены ОАМ АН УССР в 70—80-х годах. В Александровке К.В.Зиньковским было раскопано одно жилище [67]. Опубликованы работы по стратиграфии [72], датировке Александровки [21], результаты исследований производственного инвентаря [147; 148], пластики [64], кухонной [66] и другой керамики [65]. Все это позволяет подвести итог многолетнему изучению Александровки и дать интерпретацию полученных данных.

В 80-е годы продолжены исследования ОАМ АН УССР в Кодымском р-не. На поселении Слободка-Западная, первые находки на котором значатся в полевой описи А.Л.Есипенко за 1957 г., исследованы остатки трех жилищ разной степени сохранности [22; 25]. В 1981 г. удалось раскопать одно жилище, остатки постройки и участок культурного слоя на поселении Тимково [24]. Археологическими разведками в 70-х годах обнаружены несколько раннетрипольских поселений в северных районах Одесской обл., одно из них — Партизанские Конюшни — расположено в непосредственной близости от Александровки.

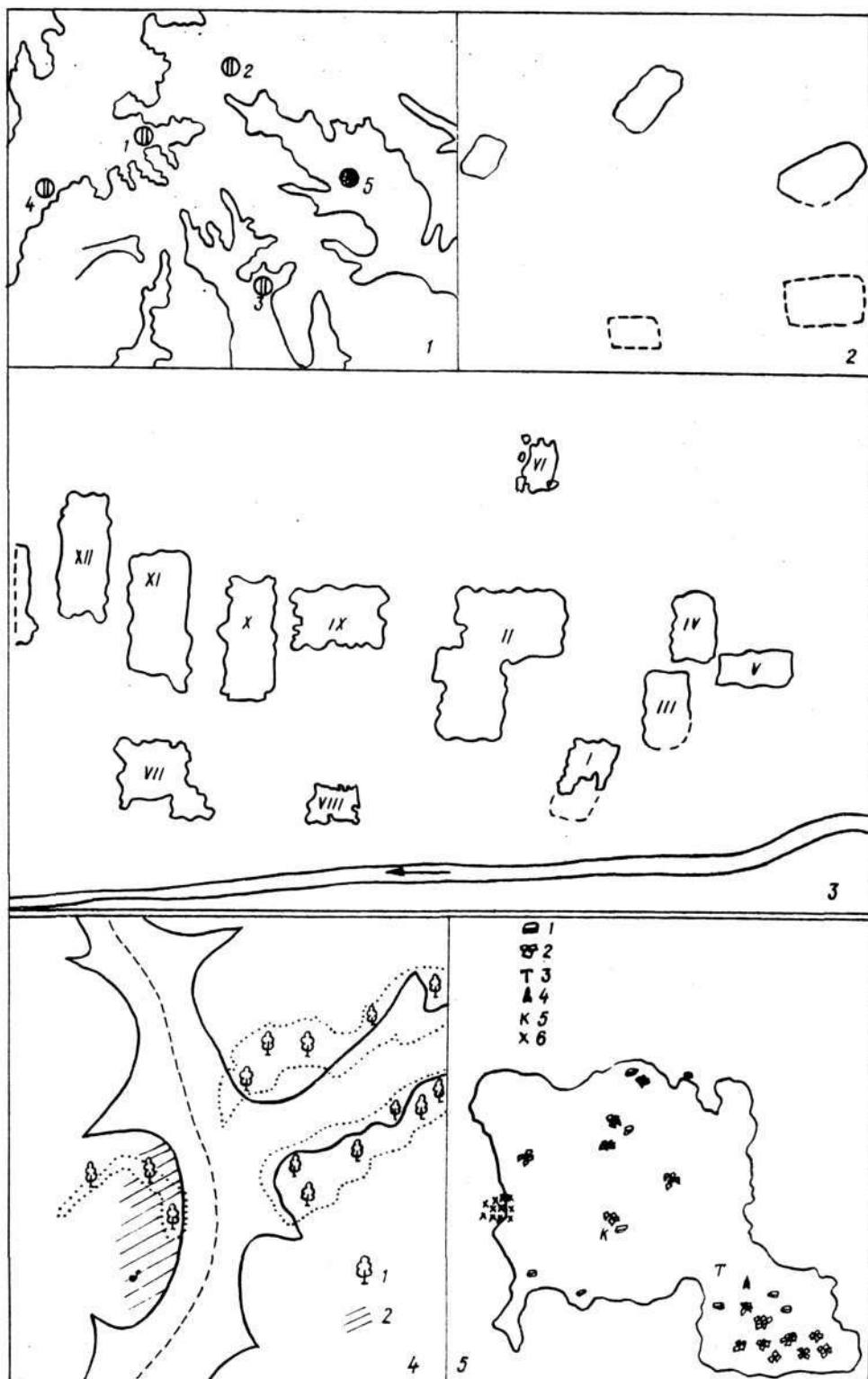

Рис. 1. Александровская группа раннетрипольских поселений: 1 - топография памятников (1 - Тимково, 2 - Слободка-Западная, 3 - Александровка, 4 - Партизанские конюшни, 5 - Слободка-Лесничество); 2 - планировка Слободки-Западной; 3 - планировка Александровки; 4 - схема уроч. Александровка (1 - зернотерка, 2 - фрагменты керамики, 3 - топоры, 4 - стрела, 5 - камни, 6 - кремневые изделия и отщепы)

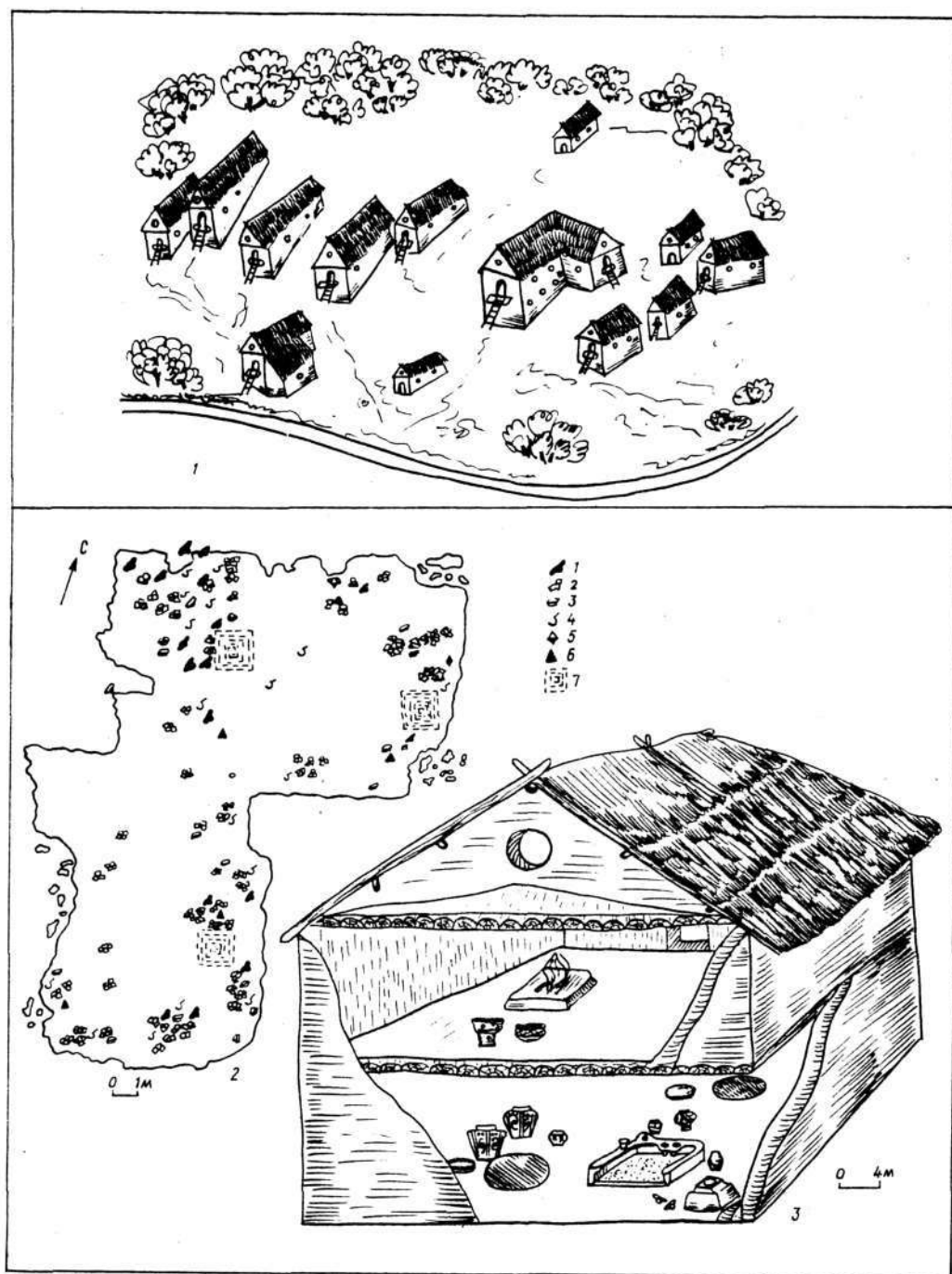

Рис. 2. Реконструкция поселения. (1) и жилища 2 (2) в Александровке, жилища 2 в Тимково (3)

Таким образом, в настоящее время источниками по изучению раннего Триполья в междуречье Днестра и Южного Буга служат материалы трех раскопанных поселений и одного известного по разведкам. В задачи данного исследования входит изучение раннетрипольских памятников в Кодымском р-не Одесской обл. в районе поселения Александровка на площади около 30 км². Поселения удалены друг от друга на расстояние около

5 км и при картографировании раннетрипольских памятников выделяются в отдельную группу, удаленную от Днестра и Южного Буга (рис. 1, 1). Такое положение поселений, а также очевидное сходство их материалов позволяют рассматривать в целом данные о трех исследованных памятниках, входящих в александровскую локально-хронологическую группу раннего Триполья.

Поселения. Жилищно-хозяйственные комплексы. Поселения Александровка, Тимково, Слободка-Западная расположены на пологих склонах балок, входящих в днестровскую гидрологическую систему. Кодымский р-н Одесской обл. представлен пересеченной местностью, изрезанной балками. Изучаемый участок отличается плотными черноземными почвами, сформировавшимися на основе тяжелых суглинков. В настоящее время местность изобилует источниками, грунтовые воды близко подходят к поверхности.

Культурный слой на всех поселениях носит одинаковый характер. Строительные остатки залегают на границе чернозема и суглинка, в местах их залегания насыщенность культурного слоя интенсивная. Между жилищами культурный слой, как правило, едва заметен или совсем не прослеживается.

Площадь поселений невелика. Самое крупное — Александровка (около 5 га), 2 га занимают Тимково и Партизанские Конюшни, 1,5 га — Слободка-Западная.

О планировке поселений можно судить по Александровке (рис. 1, 3; 2, 1) и Слободке-Западной (рис. 1, 2). В Слободке-Западной постройки образуют круг диаметром около 100 м. В Александровке — квартальная планировка.

По размерам жилища Александровки, Слободки-Западной, Тимково подразделяются на четыре группы: мелкие (до 30 м²), средние (30—60 м²), крупные (60—100 м²), очень крупные — более 100 и 200 м². Последние встречаются редко на всех трипольских памятниках. На памятниках описываемой группы они известны только в Александровке — это жилище II, Г-образное в плане (рис. 2, 2) и прямоугольное жилище XI. Обе постройки находятся в центре поселка в окружении крупных, средних жилищ. Основные данные о жилищах на поселениях александровской группы приведены в табл. 1. Предварительные публикации материалов Александровки [52; 71], Слободки-Западной [22; 25], Тимково [24] позволяют опустить описание строительных остатков и перейти к реконструкции жилищ.

Все постройки представлены строительными остатками в виде завалов обожженной глины. Принцип интерпретации таких залеганий, как остатки глиняной забутовки деревянных потолочных перекрытий, впервые предложен В.И.Маркевичем [96] и подробно разработан К.В.Зиньковским [68], в том числе и непосредственно для жилищ Александровки [71]. Сооруженные по единому принципу дома имели конструктивные особенности. Постройки чаще всего прямоугольные в плане, реже — квадратные или сложных очертаний. Выделяются два типа глинобитных построек — дома с чердаками и двухэтажные (рис. 2, 3). При этом критерием для отнесения к тому или иному типу служат наличие одного или двух слоев обожженной глины с отпечатками дерева, мощность глиняной забутовки деревянных перекрытий, расположение бытового инвентаря в соотношении со слоями обмазки. Двухэтажные постройки, реконструируемые в Александровке, представлены остатками мощной глинобитной забутовки толщиной 0,2 м, уложенной на перекрытие из бревен и горбылей, оставивших отпечатки на обожженной глине. Бытовой инвентарь располагается на забутовке, а также под слоем обожженной глины с отпечатками дерева. Большая часть находок располагалась на земляном полу жилища. При разрушении дома на предметы, стоявшие на полу, упали перекрытия, то, что стояло на полу второго этажа, оказалось на глиняной забутовке межэтажного перекрытия.

Таблица 1. Жилища на поселениях александровской группы

Памятник	Номер жилища	Длина, м	Ширина, м	Площадь, м ²	Мощность обмазка, см	Отпечатки	Обжиг обмазки	Обжиг инвентаря	Интерьер	Яма
Александровка	1	10,7	8,6	92	10-20	бревен прутьев	очень сильный	+	вымостка	-
	2			396	10-35	"	"	+	3 вымостки	-
	3	13,6	8	103,8	10-35	"	сильный	+	вымостка	-
	4	11	?	77	20	бревен	сильный	+	-	-
	5	13,5	6,4	87,4	20	"	сильный	+	-	-
	6	10	7,1	71	10-20	прутьев бревен	сильный	+	-	-
	7			145	5-25	"	сильный	+	-	-
	8	9,3	6,4	59,5	10-20	"	сильный	+	-	-
	9	15,7	10	157	20-30	"	сильный	+	-	-
	10	21	9	189	25-30	"	сильный	+	-	-
	11	22,1	10,7	236,5	25-35	"	сильный	+	-	-
	12	20,7	8,6	178	20-30	"	сильный	+	-	-
	13	17,1	10?	170?	?	?	?	?	?	?
	14	9,4	3,2	30,1	20	прутьев бревен	сильный	+	-	-
Тим- Слободка- ково Западная	1	10	5,5	55	6-10	бревен	средний	+	вымостка	-
	2	14	4	126	20-30	"	сильный	+	-	-
	3	10,5	6,5	68	20	"	средний	+	?	-
	1	?	?	?	10-20	"	сильный	+	?	?
	2	8	8	64	10-20	бревен прутьев	сильный	+	2 вымостки	2

Наличие двух слоев обожженной глины, верхний из которых — малой мощности, свидетельствует о существовании чердачного и межэтажного перекрытий. То есть реконструируется двухэтажная постройка с чердаком, как жилище 1 и 2 (рис. 2, 3) в Тимково. Не всегда сохранность остатков жилищ позволяет с уверенностью судить об их конструкции, но многие из них могут быть реконструированы достаточно точно. Жилища Слободки-Западной сохранились гораздо хуже, чем на других поселениях. Однако и здесь можно провести реконструкцию их и сравнение с другими памятниками. Поселение Слободка-Западная уступает Александровке в размерах и в монументальности построек. Здесь обнаружены остатки перекрытий в виде глиняных обожженных завалов, но бытовой инвентарь находился под слоем обожженной глины мощностью 0,1 м с отпечатками бревен. Относительно небольшая мощность глиняной забутовки деревянных перекрытий, отсутствие на них бытового инвентаря свидетельствуют, что в Слободке-Западной были глинобитные одноэтажные дома с чердаками.

При раскопках жилищ в зависимости от степени сохранности удается проследить детали интерьера. Прежде всего это вымостки из глины. Высота вымосток 5—7 см, размер 1—2 м². Они обнаружены на земляном полу или на полу второго этажа. В самом крупном, Г-образном жилище Александровки обнаружены 3 вымостки. На втором этаже располагалась вымостка в жилище II Тимково. Такие вымостки принято считать очажными устройствами. На первом этаже этого жилища обнаружен очаг более сложной конструкции. Вымостка из глины служила подом очага, к ней был примазан мощный бортик из глины со значительной примесью мякины толщиной 10 и высотой 20 см. Очаг был квадратный в плане (1x1 м). Бортик очага имел роговидные выступы и отверстия, в которые могли устанавливаться сосуды, обнаруженные непосредственно среди развала очага. К деталям интерьера относится стоящее возле очага небольшое сооружение из глины с примесью мякины. Оно квадратное в плане (30x30 см) высотой до 40 см.

Рядом с очагом находилась яма диаметром 1 и глубиной 1,7 м. В жи-

лище II обнаружена еще одна яма диаметром 1 м, глубиной 0,9 м. Все жилища Александровки, Слободки-Западной, Тимково обильно насыщены инвентарем. Находки группируются вдоль стен и вокруг очажных вымоستок. Это сосуды, залегающие чаще в виде развалов, кремневые, каменные изделия, отходы производства, предметы пластики, кости животных. Большая часть инвентаря располагалась на первом этаже.

Жилище II в Александровке обращает внимание не только Г-образной формой и большим размером (396 м²), но и составом инвентаря. Находки группируются вокруг очажных вымоستок. Это сосуды, статуэтки, зернотерки. Кроме того, в пяти местах найдены куски кремня, медная проковка, 22 обломка черпаков, отщепы; изделий из кремня и камня немного. Жилище II расположено в центре поселка. Все это указывает на особое значение постройки. Обилие пластики, черпаков, краски позволяет предположить, что здесь проводились культовые церемонии всего поселка.

Таким образом, для александровской группы поселений характерны монументальные глинобитные дома с чердаками или двухэтажные, при строительстве которых применялись бревна и глина с примесью половы. Очажные устройства представляли собой глиняные вымостки. Круг аналогичный таким постройкам достаточно широк. Однако прежде всего наиболее близки им по конструкции и размерам глинобитные жилища Сабатиновки II [92]. М.Л.Макаревичем в жилище 3 поселения Сабатиновка II обнаружены детали интерьера, интерпретируемые им как культовое сооружение. Они напоминают отдельные детали тимковского очага из жилища II, где рядом с очагом обнаружено хранилище из глины с примесью половы [24]. Обломки аналогичного сооружения найдены в Сабатиновке II. Похожее сооружение на поселении Прекукутени Подурь найдено с обгоревшим зерном [110]. Вероятно, такие емкости служили в жилищах для хранения зерна наряду с крупными сосудами-зерновиками. Традиционное использование таких вместилщ продолжается на более поздних этапах Триполья [186]. Глинобитное жилище из Греновки близко домам александровской группы по конструкции, а также по составу инвентаря, в котором преобладают миски, как в жилище II Слободки-Западной.

В отличие от большинства раннетрипольских памятников, на которых обнаруживают углубления (землянки, полуземлянки), домостроительство поселений александровской группы представлено наземными жилищами. Крупные монументальные постройки этих поселений, в которых находят развалы сосудов, другой бытовой инвентарь, отличались от глинобитных жилищ такого памятника, как Бернашевка, где остатки построек в виде маломощных завалов обожженной глины насыщены тысячами фрагментов керамики, кремневых изделий, костей животных. Состав находок в жилищах Бернашевки ближе по характеру к заполнению раннетрипольских углублений.

Анализ домостроительства поселений александровской группы показывает его высокий уровень. Они относятся к типу стационарных долговременных поселков, постройки на которых сочетали в себе жилые и хозяйственные функции. Именно этот принцип домостроительства получил дальнейшее распространение в развитом Триполье.

Орудия труда на поселениях александровской группы немногочисленны. Самая большая коллекция собрана в Александровке и обработана Н.Н.Скакун [148].

В качестве сырья для кремневых изделий использовался серый, желтовато-серый и черный непрозрачный кремень. Обнаружены крупные конкреции кремня, нуклеусы, заготовки и готовые изделия, отходы производства. На всех поселениях найдены аморфные, конусовидные и цилиндрические нуклеусы (рис. 3, 10). Наиболее многочисленны — скребки. Абсолютное их большинство сделано на отщепах. В качестве заготовок ис-

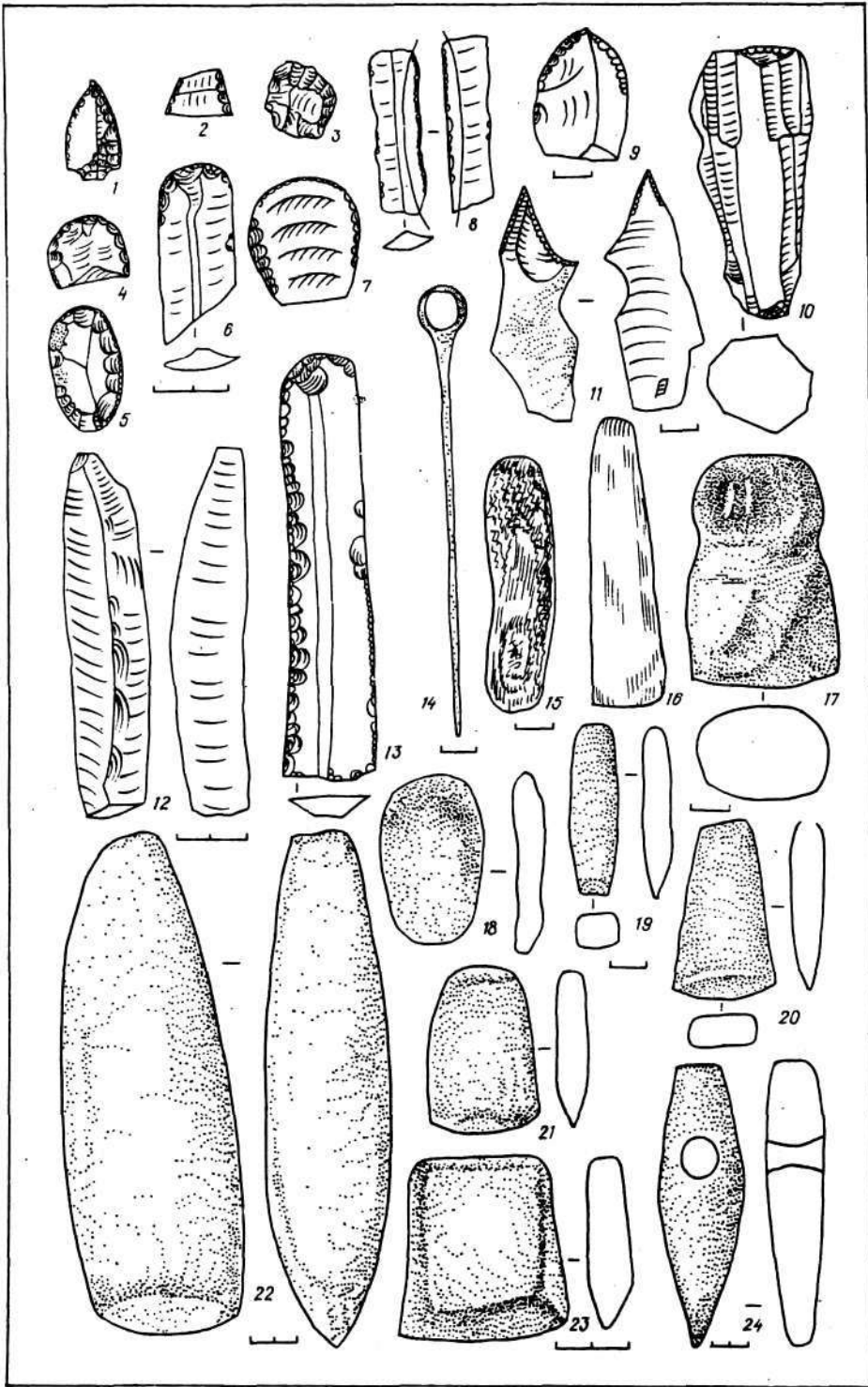

Рис. 3. Раннетрипольские орудия труда из Александровки (1, 4, 6, 7, 9-17, 22-24), Слободки-Западной (2, 3, 5, 18, 19) и Тимково (8, 20, 21): 1-13 - кремь, 14 - медь, 15, 16 - кость, 17-24 - камень

пользовались крупные и массивные отщепы, средних размеров округлой или овальной форм. На небольших отщепах изготовлены скребки, близкие к микролитическим (рис. 3, 3). Боковые скребки изготовлены на удлинённых отщепах с ретушью на дуговидном крае (рис. 3, 5), концевые — на средних отщепах с правильным дуговидным рабочим краем напротив ударного бугорка (рис. 3, 4). Двусторонние скребки — на овальных отщепах, у которых ретушированы боковые края (рис. 3, 7). Наиболее многочисленны округлые и овальные скребки, ретушированные по всей или почти по всей окружности. Стрельчатые скребки изготовлены на отщепах с подтреугольным краем. Боковые стороны, сходящиеся к клювовидному острию, ретушированы (рис. 3, 9). Ножевидные пластины небольших и средних размеров представлены изделиями правильной формы, с параллельными краями, треугольные или четырехгранные в сечении (рис. 3, 12). Как правило, они не подвергались вторичной обработке, но встречаются и пластины с мелкой приострающей ретушью с брюшка или спинки. Крупные ретушированные пластины (рис. 3, 13) единичны. Изредка встречаются вкладыши серпов (рис. 3, 8). Проколки изготовлялись как из отщепов, так и на небольших пластинах (рис. 3, 11). Микролиты геометрической формы обнаружены в Александровке и Слободке-Западной (рис. 3, 2). В Александровке найдены две кремневые стрелы (рис. 3, 1), а также заготовки наконечников копий и дротиков, выполненные путем двусторонней обработки крупными бессистемными сколами.

Состав кремневого инвентаря, определяющийся преобладанием скребков на отщепах, единичными микролитами, позволяет сопоставлять александровскую группу с поселениями Флорешты, Бернашевка, Сабатиновка II, Гайворон. Заготовки наконечников копий и дротиков близки находкам на памятниках днепро-донецкой культуры [147, рис. 38, 3; 37, 2, 9]. Из кремня изготовлялись также шаровидные отбойники, использовавшиеся вторично как песты.

Сырьем для каменных орудий служили сланец, песчаник, диабазовый порфирит. Наиболее распространены тесла, часто изготовленные из сланца. Длина мелких изделий всего 4 см, крупных — до 10 см. Тесла трапециевидные, края расширяются к лезвию, уплощены, в сечении прямоугольные. Обухек прямой или слегка закруглен, лезвие дуговидное, иногда асимметричное в профиле (рис. 3, 20, 21, 23).

Долота — узкие прямоугольные орудия из сланца с параллельными или слегка выпуклыми боковыми гранями. Лезвие прямое, чуть зауженное (рис. 3, 19). Крупное долото длиной 10 см обнаружено в Александровке, в Слободке-Западной и Тимково найдены маленькие долота длиной 5 см. Из твердых пород камня изготовлены топоры, отличающиеся от тесел большими размерами и меньшей толщиной. Найдено несколько клиньев-топоров и их обломков из диабазового порфирита (рис. 3, 22).

Проушные боевые топоры представлены обломками в Тимково, Слободке-Западной, Александровке и целым топором из Александровки (рис. 3, 24). Они изготовлены из твердых пород камня, в Александровке выявлены обломки сверленных топоров из сланца. Особый интерес представляет топор-молот из песчаника (рис. 3, 17), применявшийся, по определению Н.Н.Скакун, для размельчения медной руды. На всех поселениях встречаются терочки, точильные камни, растиральники, массивные зернотерки, обломки орудий, песты из песчаника в виде шаров со стертymi поверхностями. В жилищах Александровки, Тимково, Слободки-Западной найдены небольшие гальки, служившие, по мнению Н.Н.Скакун, лопилами (рис. 3, 18). Запасы сырья в виде кусков кремня, камня, заготовки каменных орудий обнаружены в Тимково, Александровке.

Изделия из кости немногочисленны. Чаще всего это шилья. Есть роговые мотыги и их обломки (рис. 3, 15) с диагонально расположенным рабочим лезвием, встречаются экземпляры с просверленным отверстием

для крепления рукояти. В Александровке обнаружено костяное ложило (рис. 3, 16).

Медные изделия известны только из Александровки: булава (рис. 3, 14), обломок четырехгранного изделия, ромбическая бляха и бусины. Анализ медных предметов проведен Н.В.Рындиной.

Посуда. Наиболее частая находка на поселениях александровской группы — фрагменты сосудов. Чаще всего они происходят от развалов сосудов из жилищ. Принято выделять две большие группы в раннетрипольской керамике — столовую и кухонную. В качестве типобразующего признака избрана форма сосудов.

Кухонная керамика изготовлена из грубой комковатой массы с примесью шамота или песка, причем частицы примеси иногда довольно крупные. Поверхность сосудов лишена тщательной обработки, часто ей намеренно придавалась шероховатость. Лошению подвергались только горловины и сосуд изнутри. Для весьма бедного и примитивного декора применялись три приема: пальцево-ногтевые защипы, обмазка жидкой глиной, после которой на сосуде оставались разводы от пальцев, имеющие разное направление, рельефные изображения. Большинство изделий сильно и равномерно обожжены, но встречаются (особенно в Слободке-Западной) слабо обожженные сосуды. Формы сосудов устойчивы и разнообразны и позволяют выделить следующие типы.

Горшки по размерам делятся на крупные толстостенные (1—2 см), диаметром по венчику 40—60 см, сосуды-хранилища, средние диаметром по венчику 25—35 см и малые (10—20 см в диаметре) изделия. Чаще всего встречаются горшки средних размеров. Профилировка их различна (рис. 8). В основном горшки украшены одним или двумя рядами защипов под венчиком, сосцевидными налепами (рис. 8, 21). Встречается и по несколько рядов защипов, которые занимают половину или почти весь корпус горшка (рис. 8, 20). Наиболее многочисленны они в Тимково.

Кувшины представлены несколькими экземплярами на всех поселениях. Высота кувшинов обычно составляет 25—30 см, но встречаются и более крупные. Венчик невысокий, слегка отогнут наружу, шейка невысокая, цилиндрическая, корпус шаровидный или слегка вытянут. Венчик и шейка залощены, корпус шероховатый. В Тимково найден кувшин, вся поверхность которого покрыта мелкими сосцевидными налепами (рис. 8, 22). На некоторых кувшинах парные сосцевидные налепы по два или одному расположены на плечиках. Кувшины находят аналогии в Окопах, Гайвороне, Сабатиновке II.

Цедильники обнаружены на всех поселениях. Это конические миски с отверстиями на цилиндрическом поддоне. В Тимково найден крупный цедильник на поддоне с антропоморфными чертами (рис. 8, 27). Моделировка поддона имеет аналогии в Луке-Врублевцевой [11, рис. 54, 55] и Греновке.

Фруктовницы представляют собой глубокие миски на высоком цилиндрическом или расширяющемся книзу поддоне. Наиболее многочисленны они в Тимково. В поддоне фруктовок часто бывают овальные или круглые крупные отверстия (рис. 8, 23). Судя по сохранившимся фрагментам, фруктовок не были украшены орнаментом. Аналогичные изделия происходят из Бернашевки [59, рис. 70, 15], Ленковцев [174, табл. IX, 3], Сабатиновки II. По мнению Б.А.Рыбакова, это жаровни для сушки зерна [139, с. 172].

В Александровке обнаружены фрагменты нескольких жаровен (рис. 8, 26), аналогичное изделие есть в Гайвороне.

Многоручные сосуды представлены во фрагментах на всех памятниках, два сосуда из Александровки реставрированы (рис. 5, 1). Венчик сосуда невысокий, отогнут наружу, шейка невысокая, цилиндрическая, корпус шаровидный. Сосуды достигают крупных размеров, высота их 25—

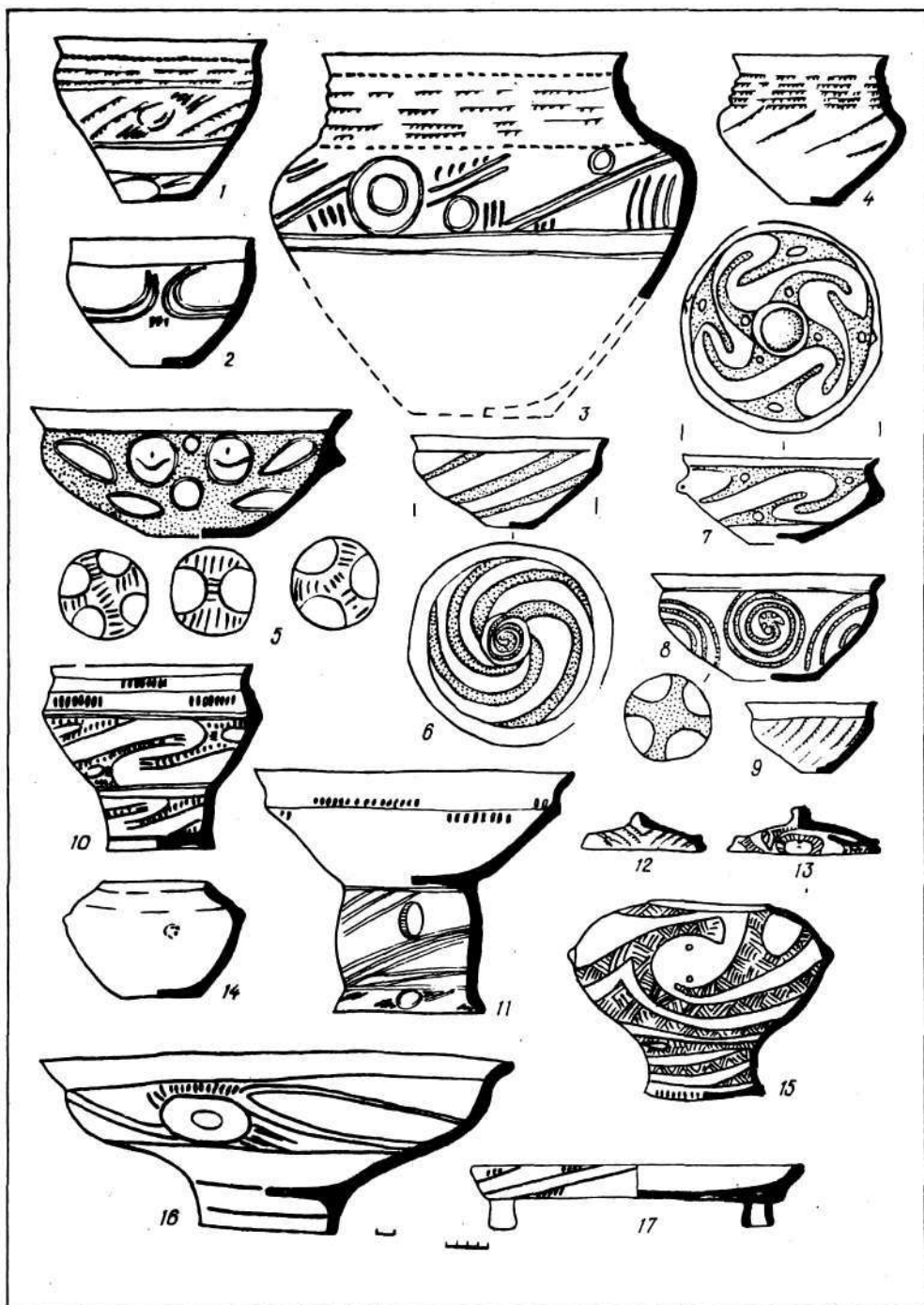

Рис. 4. Столовая керамика из Александровки (2, 5, 8, 9, 16, 17), Слободки-Западной (3, 6, 11, 15) и Тимково (1, 4, 7, 10, 12-14)

30 см. Шейка залощена, корпус покрыт вертикальными пальцевыми разводами, на плечиках — парные налепы. Пять ручек расположены на сосуде асимметрично, у двух ручек прослежено рельефное изображение кисти руки. Фрагменты аналогичных сосудов найдены в Гайвороне, Греновке. Похожий сосуд происходит из гумельницкого поселения Озерное [154, рис. 28, 1], а также из карановского поселения Капитан-Димитрово [136,

рис. 9]. Фрагменты сосудов с рельефным изображением руки (лапы) обнаружены в Луке-Врублевцевой [11, табл. 57] и Тырпештах [177, табл. LXI, 10, 11].

На памятниках александровской группы встречаются редкие типы кухонной керамики: крышки (рис. 8, 25), грушевидный сосуд (рис. 8, 21). Комплекс кухонной керамики находит наиболее полные аналогии в памятниках на Южном Буге и восточнее его.

Столовая посуда количественно преобладает. Она вылеплена из хорошо промешанной глины с примесью мелкотолченого шамота. Поверхность ее тщательно заглажена, заложена, но лощение высокого качества встречается редко. Обжиг сосудов сильный, равномерный, за исключением явных следов повторного обжига, когда сосуды деформированы и ошлакованы. Цвет керамики варьирует в желтых, кирпичных, реже — серых тонах. Обжиг сосудов окислительный и восстановительный. Интересен тот факт, что из ямы жилища II в Тимково происходит много фрагментов керамики с восстановительным обжигом. Можно предполагать, что в жилищах было много сосудов с черной поверхностью, но в результате повторного обжига во время пожара они получили повторный, окислительный обжиг и приобрели кирпичный и желтый цвета. Столовые сосуды, как правило, более тонкостенные, чем кухонные, они украшены орнаментом. Для его выполнения использовались различные приемы: процарапывание по сырой глине линий при помощи желобчатого орнаментира — прочерченный (углубленный) орнамент; оттиски накольчатого штампа, круглого или квадратного в сечении; каннелюры; прокраска красной краской, инкрустация белой пастой прочерченных линий орнамента. Перечисленные приемы орнаментации выступают в различных сочетаниях: углубленный орнамент и каннелюры; углубленный орнамент, прокраска, инкрустация; углубленный орнамент, каннелюры и штамп. Прочерченный орнамент, штамп, каннелюры использовались и в качестве самостоятельных приемов. Наиболее распространена керамика с прочерченным орнаментом, часто в сочетании с каннелюрами и штампом. Сосуды, орнаментированные только каннелюрами, штампом, с прокраской встречаются редко.

Наблюдается определенная связь между формой столовой посуды и способом нанесения орнамента. Так, сочетание прочерченных линий со штампом и каннелюрами характерно для горшков, кубков. Прочерченный орнамент чаще на грушевидных сосудах, а прокраска — на мисках. Технические приемы нанесения орнамента не связаны с сюжетами и мотивами орнаментальных композиций. Орнаментальные композиции видоизменялись в зависимости от формы сосуда, на котором они размещались. Это и дало множество вариантов орнаментации, ее элементов и деталей, характерных для столовой посуды.

Выделяются следующие типы столовых сосудов: закрытые — грушевидные и шаровидные сосуды с крышками, кувшины; открытые — горшки, кубки, миски, вазы, фруктошницы, кратеры. Разновидностью столовой керамики являются черпаки и ковши.

Формы — типы столовой посуды, связанные со способами нанесения орнамента, обуславливают также наличие орнаментальных зон на сосудах. Орнаментальные зоны определяются четырьмя основными фигурами, к которым могут быть сведены керамические формы. Корпуса грушевидных, шаровидных сосудов, кувшинов приближаются к сфере, миски, горшки, корпуса кубков, ваз, фруктошниц — к полусфере, поддоны грушевидных сосудов, ваз, фруктошниц — к цилиндру; ручки крышек и донья сосудов представляют собой круг.

Горшки различны по размерам: крупные — диаметром по венчику до 20 см, средние — 15 см, малые — около 10 см. Выделяются два основных подтипа. Первый — довольно глубокий горшок, сильно профилированный, с конической придонной частью (рис. 4, 1). Для горшков характер-

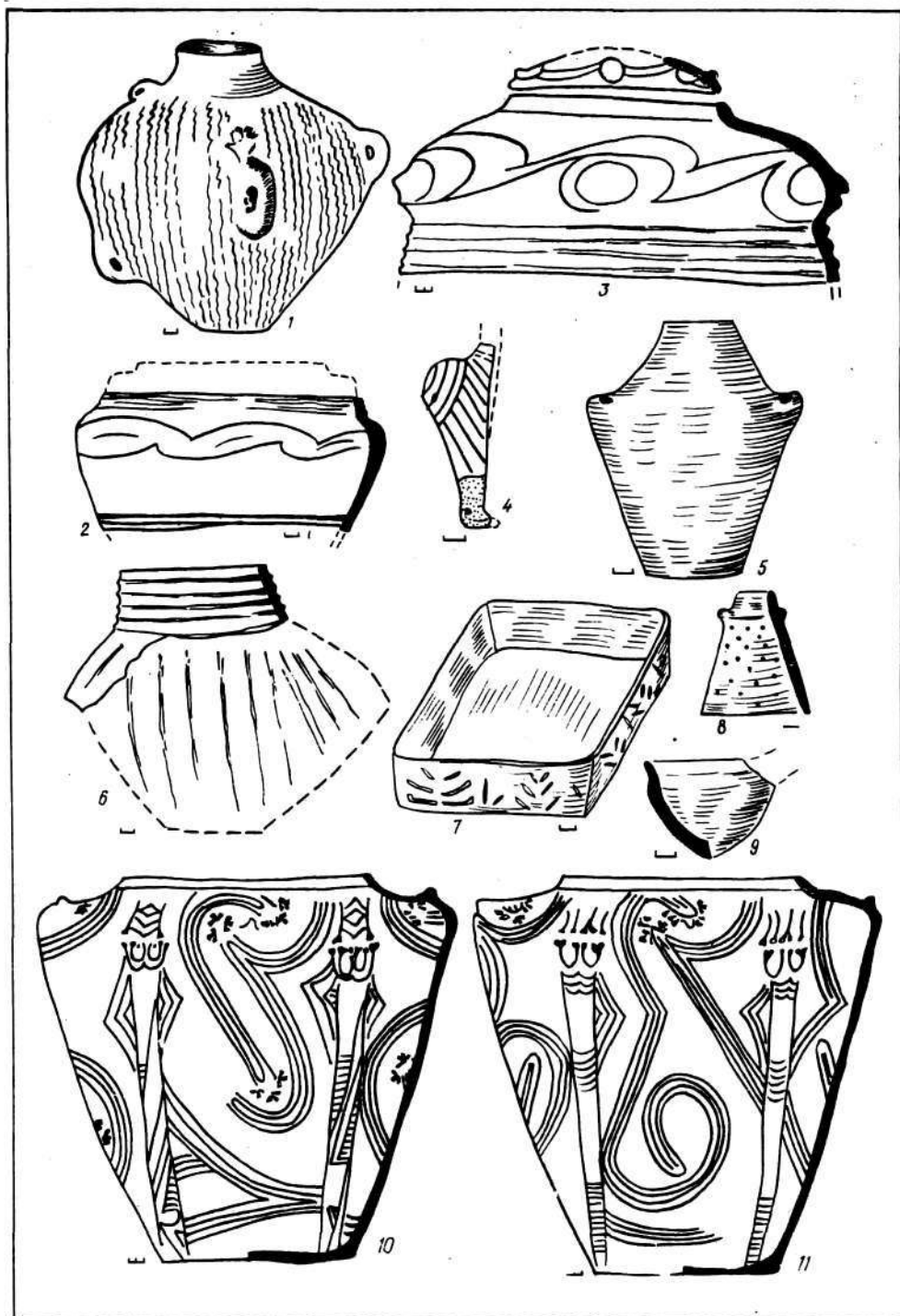

Рис. 5. Керамика из Александровки (1-7), Слободки-Западной (9-10) и Тимково (8, 11)

на одна орнаментальная зона, занимающая корпус сосуда, построение композиции симметричное, двух- или четырехчастное (рис. 6, 1-4), иногда венчик украшен насечками. Наиболее часто встречающийся орнамент — круги или овалы с лучами. Горшки второго подтипа более редки. Они имеют более округлый корпус, на этих горшках чаще встречаются двухчастные композиции из вытянутых овалов (рис. 4, 2).

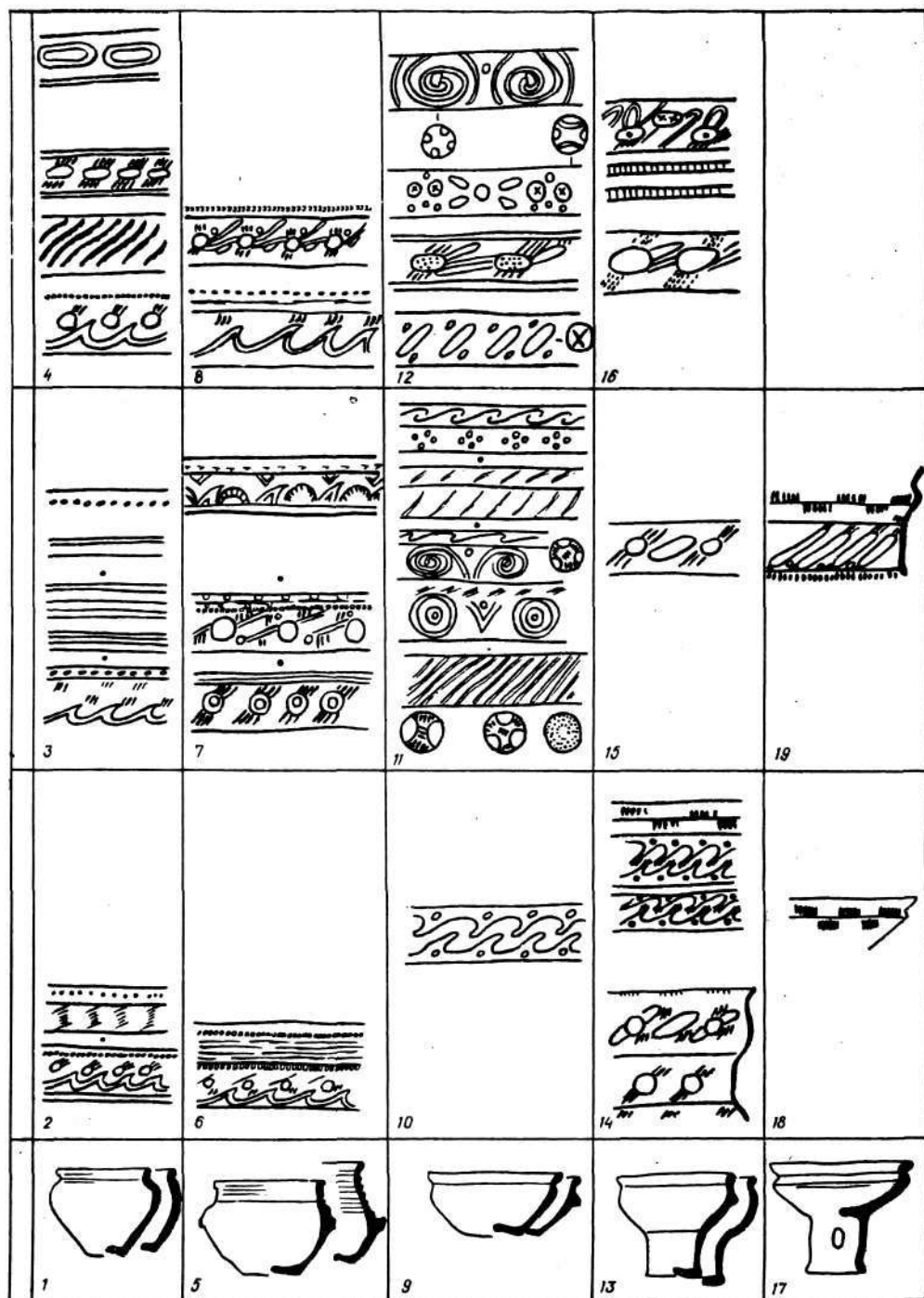

Рис. 6. Типология форм и орнаментация столовой керамики
(раннегрипольские поселения александровской группы)

Кубки — близкий к горшкам тип. Бывают средних размеров (диаметром 15 см по венчику) и совсем маленькие (диаметром меньше 10 см). Венчик и корпус их сходны с теми же частями горшков. Как и на горшках, на плечиках встречаются сосцевидные ручки-ушки, однако кубки имеют цилиндрическую шейку, обязательно украшенную горизонтальными каннелюрами (рис. 6, 5). Высота шейки может быть незначительной, состав-

лать 1/4 часть высоты сосуда, но бывает и очень высокой, достигая более 1/2 высоты кубка. Орнамент тот же, что и на горшках (рис. 6, 6—8).

По форме миски близки к горшкам первого подтипа, отличаются по соотношению диаметра венчика к высоте сосуда, составляющему 2—2,5. Диаметр венчика от 10 (малые) до 20 см (средние), 30 см (крупные). Единичные изделия из Александровки орнаментированы, как и горшки, композициями из овалов (рис. 6, 3—16) или косыми каннелюрами. Большинство мисок украшено прочерченными линиями, инкрустированными белой пастой, промежутки между которыми покрыты красной краской. Для данного стиля орнаментации присущи специфические композиции (рис. 6, 3—10, 11, 12). Миски на всех памятниках александровской группы одинаковы по форме, но отличаются по орнаментации. Орнамент занимает весь корпус миски, в некоторых случаях начинается у дна (рис. 4, 6), встречается на доньях мисок из Александровки (рис. 4, 8) и Слободки-Западной (рис. 4, 5). В некоторых случаях орнамент с покраской является негативно-позитивным (рис. 4, 7). Миски находят аналогии в Бернашевке, Греновке и Сабатиновке II, а также в Луке-Врублевецкой, но на последнем памятнике широко применяются в орнаментальных композициях ямки, а покраска есть и на других сосудах [11, табл. 63; д; 70, в, е, ж].

Вазы — редкий тип керамики, однако различные их подтипы встречаются на всех памятниках. Это миски на высокой, составляющей до 1/2 части изделия, цилиндрической донной части, слегка сужающейся ко дну на плитчатом кольцевом поддоне. Размеры ваз колеблются от малых (высота 10 см) до крупных (высотой 30 см) изделий. По моделировке корпуса выделяются два подтипа — с глубоким полусферическим корпусом и с менее глубоким — усеченно-конической формы (рис. 6, 13). На корпусе — крупные сосцевидные налепы и ручки-ушки (одна или две пары), включенные в орнамент. На вазах две орнаментальные зоны — на мисках и на донной части. На верхней зоне — композиции, встречающиеся на горшках и мисках, чаще всего это круги и овалы с лучами (рис. 6, 4—16), но бывают и другие изображения, например — на вазе из Тимково стилизованное изображение змей (рис. 4, 10). Нижняя орнаментальная зона обычно с той же композицией, что и верхняя. Вазы чаще всего орнаментированы углубленными линиями, но встречается и орнамент из каннелюр или оттисков штампа.

Фруктовницы отличаются от ваз тем, что донная их часть трансформировалась в высокий поддон цилиндрической или конической формы. Высота поддона может более чем в два раза превышать высоту корпуса. Выделяются два основных подтипа по моделировке корпуса. Первый подтип — глубокие профилированные миски на высоком цилиндрическом поддоне (рис. 7, 1). Такие фруктовницы найдены в Александровке, Тимково, Слободке-Западной. Орнаментация корпусов и поддонов не отличается от декора на вазах (рис. 7, 2—4). В поддонах иногда два или четыре круглых или овальных отверстия. Фруктовницы второго подтипа отличаются неглубоким резкопрофилированным корпусом (реберчатые фруктовницы). Орнаментация поддонов та же, что и на первом подтипе. Корпус орнаментирован чередующимися вокруг ребра группами коротких линий (рис. 6, 17—19). Отдельные экземпляры реберчатых фруктовниц выявлены в Тимково и Слободке-Западной (рис. 4, 11). Наиболее близкие аналогии они находят в Гайвороне [58, рис. 8, 16], Сабатиновке II [58, рис. 8, 13], Гребенюковом Яру [181]. Прототипом реберчатых фруктовниц на памятниках Александровской группы являются сосуды из Бернашевки, Флорешт, Рогожан, Окопов с архаичным выемчатым узором [58, рис. 2, 19; 100, рис. 24].

Грушевидные сосуды — обнаружены в Тимково, Слободке-Западной, но особенно многочисленны они в Александровке. Форма сосудов своеобразна: корпус приближается к сфере, придонная часть высокая, состав-

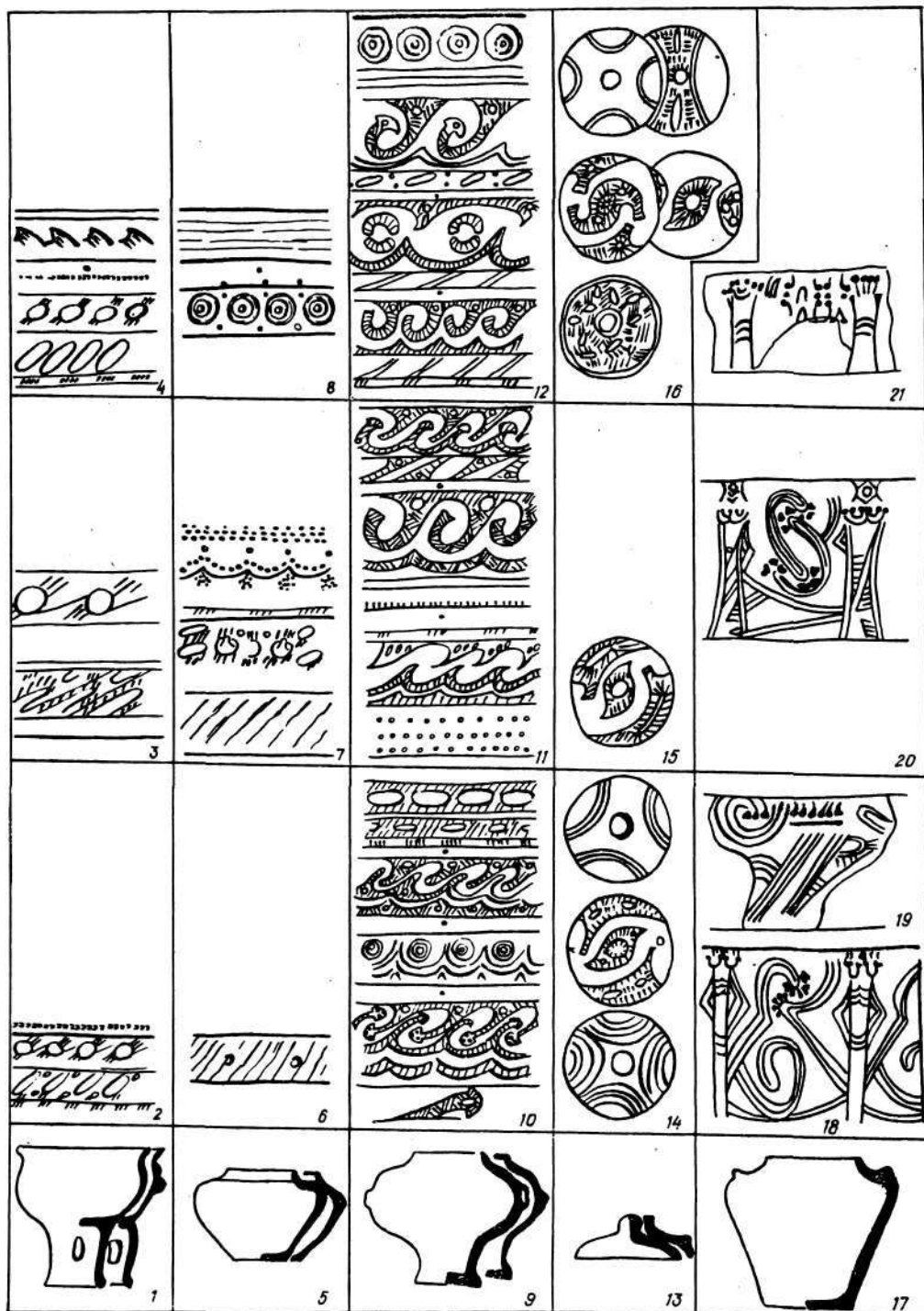

Рис. 7. Типология форм и орнаментация столовой керамики (раннегрипольские поселения александровской группы)

ляет около $1/3$ высоты сосуда, цилиндрической или усеченно-конической формы на плитчатом поддоне. Размеры сосудов различны: малые — высотой 15 см, средние — 25 см и крупные — 40 см. Наиболее распространенный способ орнаментации — прочерченные линии, но есть сосуды, украшенные оттисками штампа и каннелюрами. Как правило, сосуды снабжены двумя

или четырьмя сосцевидными налепами или ручками-ушками с вертикальным отверстием, налепы включены в орнаментальную композицию. На грушевидных сосудах две орнаментальные зоны — корпус и донная часть (рис. 7, 9). Встречаются все описанные на других типах посуды орнаментальные композиции, кроме наклонных каннелюр. Чаще всего орнамент строится при помощи заштрихованных и свободных зон. В орнаментальные композиции входят вытянутые овалы, круги, ромбы, заштрихованные ленты, изображения змей. В плане орнамент на грушевидных сосудах чаще всего крестообразный [23]. Композиции с использованием в различной степени стилизованных изображений змей преобладают (рис. 7, 10—12). Каннелюры обычно украшают малые грушевидные сосуды (рис. 7, 12). Несколько концентрических кругов, образованных каннелюрами вокруг сосцевидных налепов, сверху образуют крестообразную композицию. Грушевидные сосуды александровской группы находят близкие аналогии в Сабатиновке II, Карбуне, Гайвороне, Греновке [58, рис. 12; 36, 15], Ленковцах.

Сосуды с шаровидным корпусом изредка встречаются на всех памятниках александровской группы. По форме они близки грушевидным сосудам, но не имеют вытянутой придонной части, корпус их приближается к сфере. Высота шаровидных сосудов около 10 см, чаще всего они украшены каннелюрами, образующими концентрические окружности вокруг ручек-ушек или сосцевидных налепов (рис. 7, 5—8). В Слободке-Западной найдены сосудик с зооморфными чертами и углубленным орнаментом [22] и сосуд со штампом [25].

Крышки предназначались для грушевидных и шаровидных сосудов. На памятниках александровской группы крышки невысокие, конические с крупной грибовидной ручкой в центре и четырьмя или двумя сосцевидными налепами или ручками-ушками с вертикальным отверстием по краям. Орнамент на крышках полностью соответствует декору сосуда, дополняет его. Орнаментировалась не только поверхность крышки, но и верхняя часть ручки. Орнамент часто двух- или четырехчастный (рис. 7, 13—16), редко трехчастный. Орнамент на ручках крышек во многих случаях идентичен изображениям на доньях сосудов.

Кратеры представлены единичными фрагментами. Это крупные сосуды диаметром более 30 см по венчику. По форме они не отличаются от кубков, то есть у них отогнутый наружу венчик, невысокая шейка, покрытая каннелюрами, и резко профилированный корпус. Близки и орнаментальные композиции (рис. 4, 3). Фрагменты аналогичных сосудов известны в Сабатиновке II и Гребенюковом Яру.

Особую группу керамики составляют крупные толстостенные сосуды — зерновики, орнаментированные углубленными линиями. Размеры, толщина стенок и качество теста сближают эти сосуды с кухонной керамикой. Однако способ нанесения орнамента, мотивы и построение композиции такие же, как на столовой посуде (рис. 7, 17—20). Удалось полностью восстановить два таких сосуда из Тимково (рис. 5, 11) и Слободки-Западной (рис. 5, 10). Близкие по орнаменту фрагменты сосуда найдены в Тимково, а обломки двух сосудов — в Александровке. Диаметр сосудов 28—30 см, высота 40—45 см. Венчик невысокий, прямой, высоко расположенные плечики сосуда резко переходят в корпус почти под прямым углом, придонная часть коническая. Сосуды украшены широкими прочерченными линиями и треугольниками выемчатого орнамента. Орнаментальная композиция четырехчастная, занимает весь сосуд до самого дна. В основе композиции — вертикальное деление, несвойственное раннетрипольской орнаментации. Сюжет — парное изображение змей, стилизованные изображения голов которых сделаны с помощью треугольников в технике выемчатого орнамента (рис. 4, 7, 9). Эти зерновики имеют архаичный облик, совершенно не соответствующий остальным керамическим материалам. Достаточно сказать, что ближайшей аналогией им является сосуд из

памятника времени докукутени III Траян-Дялул-Вией [198]. Фрагменты с подобным орнаментом найдены во Флорештах [118], Извоаре [219], а также в Гребенюковом Яру. Возможно, сохранение отдельных архаичных черт является особенностью раннетрипольского населения, оставившего памятники александровской группы, да и всех южных раннетрипольских поселений.

Глиняные ковши, черпаки, ложки составляют значительную часть керамического материала в Александровке (более 80 фрагментов). В Тимково обнаружены 11 обломков черпаков, в Слободке-Западной — 5. Изделия можно реконструировать по обломкам ручек и вместилищ.

Особую часть керамической коллекции памятников александровской группы составляют культовые предметы и изделия, не характерные для раннетрипольской культуры. В Александровке найдено несколько миниатюрных сосудов (рис. 12, 14; 22, 23), один — с головкой бычка (рис. 12, 17). Ближайшие аналогии — в гумельницких материалах [197, рис. 27, 10, 13; 23, 3, 8]. Вероятно, культовое назначение имело крупное блюдо на четырех кольцевых поддонах из Александровки (рис. 4, 17).

Наиболее полные аналогии керамический комплекс александровской группы памятников находит в Карбуне, Сабатиновке II, Гайворон, Гребенюковом Яру. Очевидно, что круг восточных аналогий наиболее широкий, материалы памятников на Южном Буге ближе александровской группе, чем днестровские. Особый облик керамическим комплексам памятников александровской группы придает наличие в них отдельных архаических черт и сходство отдельных изделий с гумельницкими.

Пластика. Наиболее представительная коллекция происходит из Александровки [64]. В двух жилищах Тимково найдены 19 целых и фрагментарных статуэток, в Слободке-Западной — одна фигурка (рис. 8, 1). В описании пластики мы придерживаемся классификации А.П.Погожевой [130]. Статуэтки типа "а" представлены только в Александровке [64], это орнаментированные фигурки (рис. 8, 11), в Тимково и Слободке-Западной они не выявлены. Тип "в" — редкий для всех коллекций, представлен четырьмя статуэтками в Александровке и одной в Тимково. Аналогии этому типу статуэток есть в Луке-Врублевцевкой и Новых Русештах [130, рис. 6]. Орнамент у этого типа фигурок расположен в виде коротких штрихов на бедрах, ноги разделены. Тип "с" на памятниках александровской группы наиболее представителен. В связи с фрагментарностью материала затруднительно его разделение на подтипы "с₁"—"с₃". Статуэтки типа "с" неорнаментированы, углубленной линией бывает подчеркнута линия живота, разделены ноги. Грудь изображалась маленькими налепами, голова коническая, иногда с проработкой лица (рис. 8, 10). Поза статуэток "полусидячая". Фигурки изображают женщину со стройным и изящным корпусом, тонкой талией и преувеличенно крупной нижней частью тела, с более или менее выраженной стеопагией, ноги конусовидные. Некоторые статуэтки укороченных пропорций. Этот тип статуэток находит аналогии в наиболее ранних трипольских памятниках — Бернашевке, Окопах, Рогожанах, а также в Сабатиновке II и Гребенюковом Яру. В Александровке и Тимково выделяется подтип статуэток с согнутыми в коленях ногами, колени моделированы в виде налеса (рис. 8, 5).

Особый тип статуэток представляют семь фигурок из Александровки и одна из Тимково (рис. 8, 2). Они лишены орнамента, ноги моделированы раздельно. Фигурки изображают сидящую женщину, аналогичные статуэтки известны в Луке-Врублевцевкой [11, табл. 796].

В Тимково найдены два обломка статуэток со слегка расширенным к низу цилиндрическим основанием (рис. 8, 4), отдаленно напоминающих тип "с₃" трипольской пластики Побужья на этапе В/2. Обращает внимание находка в жилище I Тимково модели постройки (рис. 8, 12) рядом со статуэтками и глиняными стульчиками. Миниатюрные глиняные стульчики

Рис. 8. Кухонная керамика и пластика из Александровки (6, 7, 11, 14-19, 25, 26), Слободки-Западной (1, 24) и Тимково (2-5, 8-10, 12, 13, 15, 20-23, 27)

с рогатыми спинками представлены в Александровке и Тимково. Сиденья стульчиков круглые, реже — квадратные, спинки зооморфные (рис. 8, 8). Встречаются стульчики на ножках, спинка которых с перекладиной (рис. 8, 9). Вероятно, стульчики предназначались для "полусидячих" ста-

тузток, размеры их, как и фигурок, различны. Наиболее полные аналогии ступльчики находят в материалах Сабатиновки II.

Хозяйство. Реконструкция некоторых сторон хозяйственной деятельности жителей поселений александровской группы может быть проведена на основании таких источников, как находки орудий труда, костей животных, остатки и отпечатки злаков.

Н.Н.Скакун здесь выделены следующие отрасли хозяйственной деятельности: производство орудий труда, переработка продуктов скотоводства и охоты, земледелие, деревообработка, керамическое производство, приготовление минеральной краски, производство украшений, обработка медной руды и изготовление орудий из меди. Набор орудий из Тимково и Слободки-Западной позволяет распространить эти выводы на все памятники александровской группы, исключая три последних вида деятельности. На основании анализа производственного инвентаря Н.Н.Скакун сделала вывод о наличии в Александровке развитого производящего хозяйства, основанного на скотоводстве и земледелии, при ведущем значении скотоводства [148, с. 23]. Вывод о ведущей роли скотоводства сделан на основании численного преобладания орудий, связанных с переработкой продуктов скотоводства и охоты. На спорность такой методики определения направленности хозяйства указал В.Г.Збеневич [59, с.150]. Имеющиеся данные не позволяют определить точно соотношение тех или иных способов получения продуктов питания в экономике поселения Александровка, можно судить лишь о наличии тех или иных отраслей.

Несомненно, земледелие являлось важной отраслью хозяйства. Обработка земли велась с помощью роговых мотыг. В жилище II Тимково выявлены обгоревшие зерна пшеницы. Сбор урожая производился с помощью однолезвийных серпов карановского типа [163, с. 18]. Зерно размалывалось с помощью курантов на зернотерках. Инвентарь, связанный с земледелием, обнаружен во всех жилищах.

Скотоводство, вероятно, занимало существенное место в хозяйственном комплексе поселений александровской группы. Подавляющее большинство костей животных относится к домашним видам (табл. 2). Инвентарь, связанный с переработкой продуктов скотоводства, обработкой шкур и кож, равномерно распределен по жилищам. Проживавшие в них коллективы обеспечивали переработку сырья для своих нужд. Свидетельством переработки молочных продуктов служат керамические цедильники.

На поселениях александровской группы производилось 20 основных видов орудий, треть из них — из кремня. Следует обратить внимание на большое количество отходов кремнеобработки и нуклеусов в жилище VII Александровки, найденных у каменной плиты рядом со стеной дома. Здесь могла производиться и переработка кремневого сырья в значительных масштабах в интересах всего поселения (рис. 1, 5). Рядом с жилищем 1 в Тимково обнаружены остатки мастерской по изготовлению каменных топоров. Здесь компактно лежали заготовки, пикетажные камни, шлифовальные плиты, сырье (камни и куски кремнистого сланца). Возможно, существовала определенная специализация в изготовлении кремневых и каменных орудий.

Особого внимания заслуживают орудия Александровки, связанные с металлургией и металлообработкой. Это три рудодробилки, три шарообразных куранта, оселок и песчаниковый топор-молот [148, с. 18], обломок литейной формочки из камня для отливки изделия в виде стержня диаметром около 5 мм. Эти факты свидетельствуют, что среди жителей Александровки были люди, сведущие в обработке руды и изготовлении медных изделий. Факт местной металлообработки в раннем Триполье доказан Н.В.Рындиной [140]. Состав и типология раннетрипольских медных изделий указывают на тесные связи раннетрипольской металлургии и металлообработки с Балкано-Карпатской металлургической провинцией

Таблица 2. Остатки домашних животных на поселениях александровской группы

Вид животного	Тимково		Слободка-Западная			
	кости	особн	жилище 1		жилище 2	
			кости	особн	кости	особн
Мелкий рогатый скот	8	1	7	1	1	1
Бык домашний	103	3	6	1	4	1
Свинья домашняя	6	2	2	1	-	-

[172]. Металл в виде руды или готовых изделий поступал к раннетрипольским племенам через население гумельницко-карановского культурного круга, о чем косвенно свидетельствуют многочисленные импорты керамики, обнаруженные на поселениях александровской группы. Возможно, крупные сосуды (рис. 5, 2, 3) использовались в качестве тары при транспортировке руды. Изучение Н.В.Рындиной медных изделий из Александровки показало, что по приемам изготовления (холоднаяковка) они связаны с карбунским кругом металлообрабатывающих мастерских. Металлургия и металлообработка на александровском поселении не выглядят для этого времени исключением, если учитывать исследования Н.Н.Скакун гумельницких материалов и наличие среди них орудий, связанных с металлургией и металлообработкой [149].

Деревообработка, изготовление краски, украшений зафиксированы благодаря находкам самих изделий и орудий труда, связанных с их изготовлением. Посуда свидетельствует о высоком уровне керамического производства. Качественный обжиг, устойчивость типов сосудов на разных поселениях, однотипность орнаментации — свидетельства наличия определенного круга людей, обладающих знаниями в технологии, и искусстве орнаментации.

Данные о хозяйстве поселений александровской группы позволяют прийти к выводу, что каждое из них в хозяйственном отношении было вполне самостоятельно. Отдельный поселок, в свою очередь, состоял из 5—15 домохозяйств, в каждом из которых выполнялись все виды работ, необходимые для их жизнеобеспечения: от занятий земледелием и скотоводством до изготовления большинства видов орудий труда. В то же время отдельные микроколлективы-домохозяйства брали на себя в большем объеме, чем другие, отдельные виды производств, связанных с первичной кремнеобработкой, изготовлением орудий труда из камня, металлургией и металлообработкой. Это свидетельство намечающейся внутриобщинной специализации.

Намеченная микрохронология александровской группы позволяет предположить перемещение одного-двух коллективов в пределах района с целью смены сельскохозяйственных угодий через определенные промежутки времени. Продолжительность цикла зависела от многих причин: темпов роста коллектива, свойства грунтов, на которых велось земледелие, набора культур.

Исходя из планировки жилищ, набора инвентаря в них, можно считать, что каждое жилище принадлежало малой семье. На поселении проживало, следовательно, 10—15 семей. Такой поселок, насчитывавший несколько десятков обитателей, являлся минимальной хозяйственной единицей в раннетрипольское время. Значит, можно говорить о существовании поселенческой общины, связанной внутри родственными связями. Александровская группа поселений представляет собой следы обитания одной-двух таких общин, которые перемещались внутри небольшого района, переносили поселения с места на место. Период их обитания в районе Александровки кратковременный, о чем свидетельствуют относительно небольшие различия в керамических комплексах, которые послужили основанием для периодизации памятников группы. Эти общины являлись частью более крупного объединения, которое можно выделить на основании археологических

данных на южной границе Лесостепи — от бассейна р.Реут на западе до бассейна р.Синюха на востоке, вдоль южного пути расселения раннетрипольских племен, намеченного Е.К.Черныш [176]. Подобное объединение могло соответствовать племени. Таких племен, как считают исследователи, могло быть несколько [60; 176]. Часть одного из них — общины, оставившие памятники александровской группы.

Вопросы идеологии. Имеется три основных вида источников изучения идеологии жителей поселений александровской группы. Это предметы непосредственно культового характера — статуэтки, модели построек, культовая посуда, амулеты, бытовой инвентарь, прежде всего керамика с элементами культовой символики.

Некоторые выводы позволяет сделать пластика. Можно предположить, что хотя все женские статуэтки связаны с общеземледельческой идеей плодородия, особенности разных типов пластики объясняются неодинаковым их использованием: в культовых обрядах, отображением различных, пусть и связанных между собой, образов, что вполне согласуется со сложностью и многообразием древнеземледельческих культов плодородия. О различном использовании фигурок пишет А.П.Погожева [130]. Т.Г.Мовша предложила функциональную классификацию трипольских женских статуэток [105]. Некоторые данные для исследования в этом направлении дают наши материалы. Прежде всего четко выделяется образ беременной женщины, общепризнанно связываемый с идеей плодородия вообще, зарождения жизни. Обращает внимание связь образа беременной женщины со змеей, помещенной на животе, по общепризнанной гипотезе, охраняющей плод во чреве женщины (рис. 8, 11).

Еще один яркий, представленный большим количеством находок образ — женщина, сидящая на "троне", причем спинке "трона" придаются зооморфные черты. Характерна для статуэток этого типа особая полусидячая поза, преувеличенно натуралистическая передача седалищной части, схематичное изображение остальных частей тела и деталей. Спинки стульчиков-тронов чаще всего моделированы в виде стилизованной головы быка, то есть для данного образа женщин характерно сочетание с образом быка, что символизирует, по мнению исследователей, соединение женского и мужского (бык) начал [177].

Среди пластики александровской группы нет ни одного достоверно мужского изображения. Две статуэтки из Александровки трактуются как мужские, с изображением фаллоса [130, с. 40]. По нашему мнению, раннетрипольские статуэтки с моделированными руками, в которых находится продолговатый предмет, передают образ человека с жезлом (рис. 8, 6, 7).

Образ сидящей женщины передают реалистично выполненные статуэтки с раздельными ногами. Они известны в основном в обломках. У одной из таких статуэток моделированы руки, одна из которых поднята к лицу, другая опущена.

В Александровке найдена статуэтка, опущенные руки которой образуют угол у талии. Возможно, этот жест сближает образ, переданный этой фигуркой с образом человека с жезлом.

Еще одна группа статуэток передает образ женщины со сложенными под грудью руками. Этому жесту большое внимание уделяет в своем исследовании С.Н.Бибииков [11], считая его жестом плодородия.

Еще один образ иконографии раннетрипольской пластики — стоящие женские фигурки, богато орнаментированные. В одной из них есть полость для закрепления статуэтки в вертикальном положении [130]. Элементы орнамента на статуэтках — ромб, спираль, концентрические окружности — связаны с древнеземледельческой символикой, подробно исследованной Б.А.Рыбаковым, с орнаментом на керамике. Образ стоящей фигурки с узором бывает связан с образом змеи, помещенной на животе.

К культовым предметам можно отнести модель постройки, найденную в жилище 1 Тимково. Отсутствие в ней каких-либо деталей интерьера, ши-

рокий вход, по сторонам которого моделированы головы быков (рис. 8, 12), позволяет предположить в ней модель не жилища, а постройки, связанной с культовыми обрядами. По мнению Б.А.Рыбакова [139, с. 164], модели с изображением скота можно считать моделями овчарен, общественных хлевов.

К посуде, связанной с культовыми церемониями, можно отнести ковши и черпаки [65]. По мнению Е.К.Черныш, они служили для ритуальных возлияний [177, с. 246]. Определенную семантическую нагрузку нес орнамент на черпаках и ковшах, а ручки их, передающие образ быка или женщины, прямо связывают их с культовыми действиями.

Для раннего Триполья не характерна зооморфная пластика, но в Александровке найден грубо вылепленный миниатюрный сосудик ладьевидной формы с головой быка (рис. 8, 19). Стилизованное изображение бычьей морды есть также на сосуде из Слободки-Западной [22]. В Тимково (рис. 8, 13, 15) и Александровке (рис. 8, 14) найдены фрагменты сосудов с зооморфными налепами, вид животного неопределим. Б.А.Рыбаков [139, с. 157] считает зооморфные налепы на сосудах оберегами. Учитывая изображения образа быка в керамике, зооморфные ручки черпаков, спинки стульчиков с рогами, можно сделать вывод, что образ быка представлен в материалах александровской группы довольно широко и занимает второе место после образа женщины. Это наблюдение вполне согласуется с земледельческо-скотоводческим хозяйственным комплексом.

Следующий по значению образ, представленный в орнаменте, как и образ быка, часто связанный с женским образом, — это змея, или, как считают некоторые исследователи, — дракон [37; 59]. В материалах александровской группы изображения змей многочисленны и разнообразны. Во-первых, это змея, свернувшаяся в клубок. Такие изображения встречаются на животах статуэток, по два — на мисках, по четыре — на грушевидном сосуде из Александровки [21]. Во-вторых, это изображения вытянутых змей с четко моделированной головой. Головы изображены одинаково и у свернутых в клубок, и у вытянутых змей. Стилизованное изображение головы змеи встречается на доньях мисок, ручках крышек, а также в виде медальона на грушевидных сосудах [25]. В материалах александровской группы широко представлены парные изображения змей, устремленных навстречу друг другу (рис. 7, 10). На сосуде из Тимково отмечено изображение одной змеи в замкнутом пространстве. Этот сюжет находит ближайшие аналогии в Бернашевке [59] и Гребенюковом Яру [181]. Орнаментальные сюжеты с моделированными головами змей характерны для грушевидных сосудов, которые могли служить для хранения припасов, а также для мисок. Возможно, это указывает на особое место сосудов с таким орнаментом в керамическом комплексе.

Встречаются стилизованные изображения змей двух типов. Голова совсем не моделирована (рис. 4, 7) или вместо головы изображены несколько коротких лучей (рис. 4, 10). Стилизованные изображения змей также парные. Обращает внимание тот факт, что при рассмотрении орнамента в круговой развертке змеиный сюжет из парных изображений змей, а также свернувшихся в клубок, образует крестообразную (рис. 4, 7) композицию [22]. Это указывает на сюжетную и семантическую сложность представлений древних земледельцев и на связь образа змеи с солярными символами (небесный дракон, по В.Н.Даниленко). Столь многообразные и сложные змеиные сюжеты в материалах александровской группы памятников прослежены впервые. Здесь образ змеи нашел наиболее полное воплощение в орнаментальных сюжетах из всех известных нам поселений. Наиболее близкие аналогии змеиным сюжетам встречаются в раннетрипольских памятниках на Южном Буге, Бернашевке, а также в гумельницкой орнаментации.

В керамике отражен также образ женщины. В.И.Маркевич считает грушевидные сосуды антропоморфными, изображающими парные фигуры

женщин. Подобной точки зрения придерживается Б.А.Рыбаков, который считает четыре сосцевидных налеса на сосудах — четырьмя женскими грудями, то есть сосуд олицетворяет двух богинь [139, с. 166]. Большой интерес вызывает антропоморфный поддон цедильника, найденный в Тимково. С.Н. Бибииков доказал, что в основе сюжета таких сосудов лежит изображение женщин, поднимающих над головой чашу [11, с. 132—137]. Б.А.Рыбаков связывает данный сюжет с обрядом вызывания дождя [139, с. 167—168]. В нашем случае над головами женщин не просто чаша, а сосуд для сцеживания творога — продукта животноводства, что является еще одним подтверждением тесной связи и переплетения земледельческих и скотоводческих культов в раннем Триполье. По мнению С.Маринеску-Былку, антропоморфные поддоны изображают женский хоровод, связанный с обрядовыми действиями [204].

Сложные орнаментальные композиции столовой посуды александровской группы, в основе которых лежат сюжеты и символы, общие для раннеземледельческого мировоззрения, изображения на кухонных сосудах, указывают, что бытовые предметы также несли определенную семантическую нагрузку. В связи с этим обращает на себя внимание единство сюжетов и символов на культовых и бытовых изделиях.

Круг аналогий свидетельствам об идеологических представлениях раннетрипольского населения широк, он иллюстрирует мысль Б.А.Рыбакова, что "духовный мир трипольцев был частью огромной ойкумены земледельческой мысли" [138, с. 31].

Место памятников александровской группы в раннем Триполье. Описанные выше материалы позволяют говорить о следующих особенностях памятников александровской группы. Они расположены в непосредственной близости друг от друга, компактно на относительно большом удалении от раннетрипольских поселений на Днестре и Южном Буге, то есть выделяются территориально. Сходны топографические условия расположения этих поселений, конструкция жилищ, качественный и количественный состав инвентаря всех поселений. Значительное сходство керамических комплексов Тимково, Слободки-Западной и Александровки позволяет считать эти памятники близкими по времени. Особенностью является наличие архаичных черт в керамических комплексах. Все это позволяет выделить рассмотренные нами на севере Одесской обл. поселения в локально-хронологическую группу Триполья-А. Эта группа является составной частью всего раннетрипольского массива и в то же время обладает некоторыми специфическими чертами и системой связей с соседними племенами. Необходимо отметить, что на раннем этапе развития трипольская культура была в достаточной степени монолитна на всей территории. На этапе А еще не представляется возможным говорить о локальных вариантах культуры, чему мешает недостаточная степень изученности памятников. Тем не менее В.Г.Збенович [58] и Е.К.Черныш [176] наметили общие моменты в проблеме выделения локальных особенностей раннетрипольских племен, а также периодизации раннетрипольских поселений. Периодизационные схемы В.Г.Збеновича и Е.К.Черныш разнятся между собой, однако их объединяет ряд общих моментов. В настоящее время представляется объективным существование флорентской фазы Триполья-А, то есть фазы докукутени II, по периодизации румынских археологов, для которой характерно сильное влияние боянских традиций на керамические комплексы. В.Г.Збеновичем выделена и изучена следующая фаза, к которой относятся памятники типа Окопов. На этой фазе в керамических комплексах уже нет сосудов с боянскими чертами, зато остаются подражания им. На следующей третьей фазе, на наш взгляд, исчезают пережитки культуры Боян в керамике и остаются лишь единичные изделия с боянскими чертами. К этой фазе мы относим все памятники александровской группы. При сопоставлении материалов для хронологического их анализа невозможно

на данном этапе пользоваться ничем, кроме типологического метода сопоставления материалов, так как даже элементарные подсчеты процентных соотношений находок на разных памятниках несопоставимы из-за неравномерности их изученности и качественных и количественных показателей содержания их коллекций. Несопоставимы, например, керамические комплексы памятников александровской группы, состоящие из десятков целых форм, с материалами из Бернашевки или Луки-Врублевцевкой, представленные тысячами фрагментов.

Именно третья фаза, по нашему мнению, является классической для раннего Триполья, так как на ней уже почти не ощутимо влияние культуры Боян, но еще и не появляются признаки следующего этапа Триполья — В/1, которые начинают проследиваться на памятниках последующих фаз. Это такие черты, как ямки в орнаментальных композициях на керамике и пластике, появление орнамента в виде штампа по ребрам каннелюр, новых форм крышек и грушевидных сосудов, биноклевидных сосудов и других признаков, работа над выделением которых еще предстоит. Предварительно к четвертой фазе могут быть отнесены Ленковцы (к началу) и Лука-Врублевцевка (к концу). Памятники следующей фазы — Борисовского типа — справедливо отнесены Е.К.Черныш к этапу В/1 [175].

Хотя мы считаем, что все памятники александровской группы относятся к третьей фазе Триполья—А, тем не менее анализ материалов этих поселений позволяет предположить, что они близки во времени, но не синхронны. Несомненно, самый поздний памятник в группе — Александровка. Несмотря на наибольшее количество материала, здесь меньше всего прослежены пережиточные боянские элементы. Не столь уверенно можно расставить по хронологии Тимково и Слободку-Западную, представляется все же, что Тимково — наиболее ранний памятник александровской группы. Предварительная синхронизация ее с другими раннетрипольскими поселениями представлена в таблице 3.

Для Тимково Г.Квитой получена следующая радиоуглеродная дата: $3191 - 5700 \pm 70 \text{ Bln}$ (3750 ± 70 г. до н.э.), калиброванная дата — 4550 г. до н.э. В советской историографии принято использовать некалиброванные даты. Е.К.Черныш [176], В.Г.Збеневич [60] датируют раннее Триполье первой половиной IV тыс. до н.э. В то же время Х.Тодорова [151] помещает энеолит Болгарии, с материалами которого могут быть синхронизированы раннетрипольские, в V тыс. до н.э. Калиброванная дата Тимково выглядит достоверно на таком фоне, и раннее Триполье может быть датировано началом — серединой V тыс. до н.э.

На памятниках александровской группы обнаружен целый ряд материалов, связанных с проблемой синхронизации и связей раннего Триполья с культурами Юго-Восточной Европы. Прежде всего это комплекс керамических изделий единичных, но характерных, которые находят на раннетрипольских памятниках и в материалах культур гумельницко-карановского круга. К таким находкам относится фрагмент птицеподобного сосуда из Александровки (рис. 5, 6). Птицеподобные сосуды, связанные, по мнению С.Н.Бибикова, с влиянием культуры Винча, найдены как на раннетрипольско-прекукутенских памятниках Луки-Врублевцевкой [11, табл. 46], Траян-Дялул-Фынтышилор [204], так и на гумельницких в Вулканештах [100, рис. 38] и Румынии [197, рис. 41, 6; 45, 2]. В культурах карановского круга находят аналогии крупные многоручные сосуды (рис. 5, 1) с рельефным изображением руки. Аналогии им известны в памятниках Капитан-Димитрово [136, рис. 9], Заминец [112, рис. 76], на гумельницких памятниках в Нижнем Подунавье в Озерном [154, рис. 28, 1], а также в Румынии [197, рис. 40, 1, 5, 9]. В Тимково найден обломок курильницы (рис. 5, 8); аналогии таким изделиям есть в гумельницких материалах [197, рис. 26, 1, 2], в том числе и болгарского варианта. Фрагмент курильницы найден в нижнем горизонте Новых Русешт,

Таблица 3. Синхронизация поселений александровской группы

Молдавия	Буго-Днестровское междуречье	Южный Буг	Буго-Днестровское междуречье
Путинешты Александровка Карбуна	Тимково Слободка-Западная Александровка	Гайворон Сабатиновка II Греновка	Гребенюков Яр

где В.И.Маркевичем выделены гумельницкие импорты [97]. Не характерна для керамического раннетрипольского комплекса мисочка из жилища 2 в Тимково, аналогии она находит в гумельницких материалах [197, рис. 31, 3].

Некоторые находки на поселениях александровской группы можно считать импортами. К ним относятся части двух огромных сосудов с рельефным орнаментом (рис. 5, 2—3) и фрагментов крышек к таким сосудам. Аналогии этим изделиям находим в телле Овчарово [154, рис. 29].

Импортным, возможно, является маленький двуручный сосудик из Александровки (рис. 5, 5), не характерный для раннетрипольской керамики и находящийся близкие аналогии в поселении Заминец [112, рис. 50, 90], а также фрагменты четырехгранного сосуда (рис. 5, 7). Обломок орнаментированной фигурки гумельницкого типа имеет ближайшие аналогии в пластике болгарского варианта (рис. 5, 4), а для раннетрипольской пластики не характерен [204, рис. 50, 4, 8].

Сходство керамики памятников александровской группы с культурным кругом Караново-Коджедермен-Гумельница проявляется и в таких приемах орнаментации, как сочетание шероховатых окрашенных и лощеных поверхностей, пальцевые разводы на кухонной посуде, рельефные валики и др. Сходство каменных орудий раннего Триполья и этих культур неоднократно подчеркивалось исследователями. Именно из этого культурного круга, объединенного Е.Н.Черным в единую с Трипольем Балкано-Карпатскую металлургическую провинцию, раннетрипольские племена получали медь. Все эти данные свидетельствуют не только об общности происхождения и связях раннетрипольских племен с культурами балканского энеолита, но и непосредственных контактах, вероятно, интенсивных, с энеолитическим населением сопредельных территорий и прежде всего с носителями болгарского варианта культуры Гумельница.

В середине V тыс. до н.э. раннеземледельческие племена продолжают осваивать междуречья Днестра и Южного Буга, Южного Буга и Днепра (Гребенюков Яр). Коллективы ранних земледельцев селятся в долинах рек на севере Одесчины, проникая сюда, вероятно, из бассейна р.Реут, освоенного трипольцами на предыдущих этапах. Эти общины были невелики и немногочисленны. Они являлись частью докукутенско-раннетрипольской культурно-исторической общности, поддерживали тесные связи с родственными племенами круга Коджедермен-Караново-Гумельница, осуществлявшиеся, вероятно, и через энеолитическое население Нижнего Подунавья.

Раннетрипольским племенам были присущи основные черты, получившие дальнейшее развитие на последующих этапах Триполья. Это — развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство, совершенное домостроительство, развитое производство керамики, орудий труда, металлургия и металлообработка, сложный комплекс идеологических представлений, что явилось источником дальнейшего расцвета трипольской культуры на среднем этапе — В/І и В/ІІ (по периодизации Т.С.Пассек). Хронологически следующие за памятниками александровской группы поселения этапа В/І на севере Одесчины нам пока не известны. Наиболее близким им по времени на этой территории является поселение Слободка-Лесничество (В/І), с которого собран немногочисленный подъемный материал [22, с.32, рис. 3].

История изучения. Первые сообщения о памятниках развитого Триполья на юге лесостепной полосы междуречья Днестра и Южного Буга появились в результате работ С.С.Гамченко. В 1909 и 1913 гг. он вел раскопки в районе сел Кринички и Корытное [31]. В процессе раскопок были выявлены завалы глинобитной обожженной обмазки, подобные найденным ранее В.В.Хвойко и Э.Р.Штерном. Однако выводы С.С.Гамченко о характере трипольских "площадок" в корне отличались от заключения В.В.Хвойко и Э.Р.Штерна, утверждавших культовый характер остатков. С.С.Гамченко доказывал несомненную принадлежность трипольских "площадок" к жилищам. Исследователь выделил две основные группы керамики: первая собственно трипольская — с расписным и углубленным орнаментом; вторая — грубая толстостенная, плохо обожженная посуда, украшенная "штриховым" и ямочным орнаментом, которую С.С.Гамченко не считал органически связанной с трипольской культурой. Позднее в книге Т.С.Пассек [210] расписная посуда была учтена в группе монокромной керамики этапа В/П. Строительные остатки, исследованные С.С.Гамченко, привлекли и внимание Е.Ю.Кричевского.

Новый этап в изучении памятников трипольской культуры в этом регионе начинается в послевоенный период. В 1949 г. в Кодымском р-не Одесской обл. экспедицией под руководством Е.Ф.Лаговойской было открыто поселение у с.Стрымба (материалы хранятся в фондах ОАМ АН УССР). В 1950—1957 гг. ряд трипольских памятников открыт Кодымо-Днестровской экспедицией ОАМ АН УССР. Большинство поселений, судя по подъемному материалу, относится к концу среднего и началу позднего этапов Триполья. Исключение составляет поселение Перликаны, материалы которого относятся к памятникам этапа В/І—В/ІІ [29, с. 61; рис. 14, 1]. Небольшие раскопки были проведены на поселениях Кирилловка и Черкасов Сад, материалы которых отнесены А.Л.Есипенко к этапу В/ІІ [75].

Долгое время памятники, открытые Кодымо-Днестровской экспедицией, не были введены в научный оборот, вследствие чего интересующий нас регион до 70-х годов, по существу, оставался белым пятном на карте памятников Триполья-Кукутени среднего и начала позднего этапов (упоминались только раскопки С.С.Гамченко). В 1972—1974 гг. в результате совместных работ ОАМ АН УССР и ОГУ им.И.И.Мечникова по составлению археологической карты Одесской обл. обнаружено значительное количество новых поселений, суммарно отнесенных к концу среднего — началу позднего этапов Триполья [152]. В 1981 г. Буго-Днестровский отряд (начальник Н.Б.Бурдо) открыл и обследовал два новых поселения развитого Триполья в окрестностях пгт Слободка. Особое внимание заслуживает поселение Слободка-Лесничество, керамический комплекс которого в отличие от других территориально близких памятников содержит значительное количество фрагментов сосудов с углубленным орнаментом. Предварительно памятник отнесен к этапу В/І [22, с.32]. В 1983—1985 гг. проведены исследования поселения Черкасов Сад ІІ: остатки четырех глинобитных жилищ, хозяйственные ямы. Керамический комплекс позволяет отнести поселение к начальным ступеням позднего этапа Триполья-Кукутени. В 1986 г. отряд Трипольской экспедиции ИА АН УССР предпринял охранные раскопки поселений Немировское и Станиславка, где обнаружены остатки глинобитных построек и материал, относящийся к финальной фазе среднего этапа.

Таким образом, к настоящему времени на юге лесостепной полосы междуречья Днестра и Южного Буга известно более 50 поселений, которые с большей или меньшей степенью достоверности можно отнести к среднему и началу позднего этапов Триполья-Кукутени. Картографирование показывает (рис. 9), что наиболее южные поселки трипольских общин

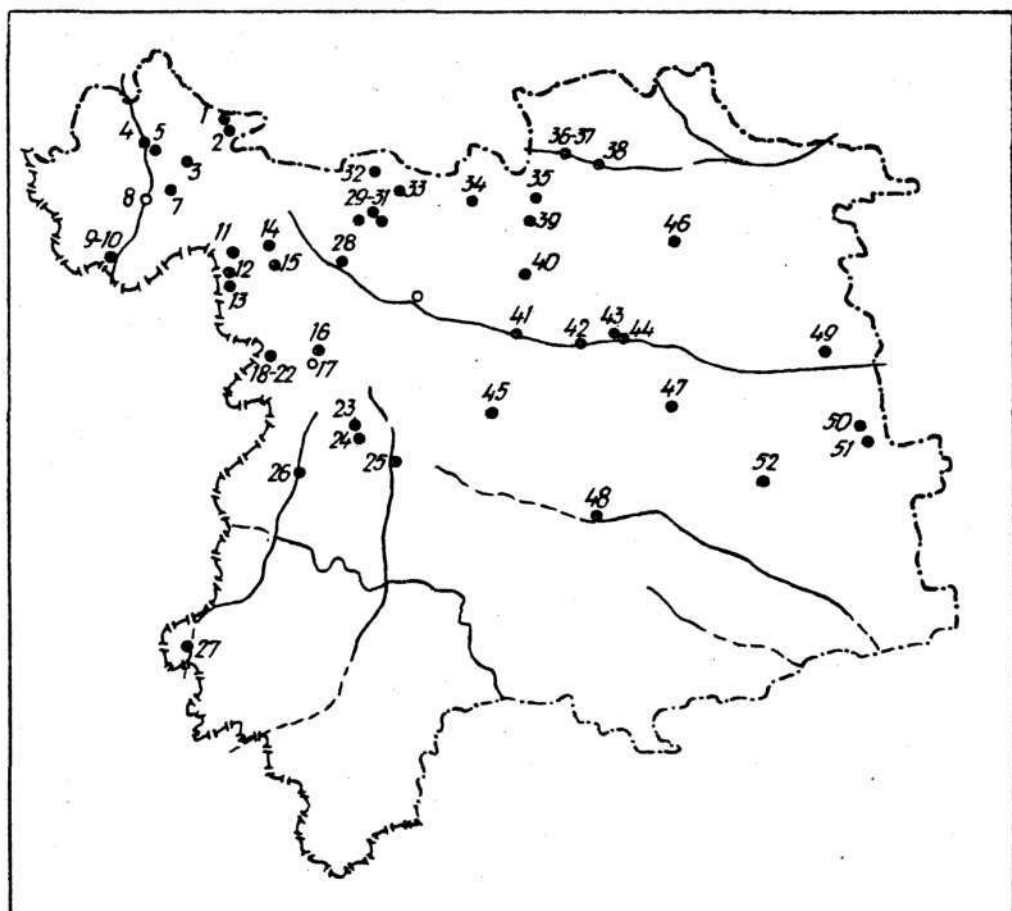

Рис. 9. Поселения развитого Триполья:

- 1 – Ивашково-Сад; 2 – Ивашково-IX; 3 – Кодыма III; 4–6 – Сербы I–III; 7 – Грабово;
 8 – Семеновка II; 9, 10 – Шершенцы I, III; 11, 12 – Александровка-Крутянская I, III;
 13 – Савова Криница II; 14 – Лысогорка; 15 – Срымба; 16 – Слободка-Лесничество;
 17 – Слободка-Озеро; 18 – Кирилловка; 19 – Кирилловка-поле; 20 – Кирилловка-Источник;
 21, 22 – Черкасов Сад I, II; 23–24 – Гонората I, III; 25 – Любомирка; 26 – Нестоита II;
 27 – Перликаны; 28 – Еленовка II; 29–31 – Барсуки II–IV; 32 – Ефтодия; 33 – Придачин Яр;
 34 – Грабовский Яр I; 35 – Перейма; 36, 37 – Песчаная II, III; 38 – Чернече III;
 39 – Ухожаны; 40 – Немировское; 41 – Станиславка; 42 – Бензары; 43 – Корытное;
 44 – Кринички; 45 – Пасицелы; 46 – Гетмановка I; 47 – Погребы; 48 – Гандрабуры;
 49 – Познанка; 50 – Чичикля; 51 – Чичикля II; 52 – Боково

в Днестровско-Бугском междуречье концентрировались в пределах лесостепной зоны. Наибольшая плотность памятников наблюдается на западе и в центре региона, по мере приближения к Южному Бугу количество поселений уменьшается.

Характеристика поселений. Жилищно-хозяйственные комплексы. Занимающий нас регион представляет собой возвышенную облесенную равнину с густым долинно-балочным расчленением, изобилующую водными источниками. Поселения, как правило, занимают возвышенные части пологих склонов, мысов и надпойменных террас. Два поселения (Слободка-Лесничество и Слободка-Озеро) расположены на участках, примыкающих к пойме. Поселения концентрируются небольшими группами. Внутри каждой группы насчитывается от двух до пяти поселений на расстоянии 1,5–2 км друг от друга.

Культурный слой практически всех памятников основательно разрушен многолетней глубокой распашкой. На поверхности в изобилии встречаются фрагменты керамики, обломки костей животных, орудий труда. Площадь поселений, судя по распространению подъемного материала,

а также по данным раскопок и шурфовок, чаще всего незначительна — от 1 до 3 га (Барсуки II и III, Александровка-Крутянская III, Семеновка I и II), от 6 до 15 га (Ивашково IX, Александровка-Крутянская I, Сербы II). Реже поселения занимали площадь, превышающую 20 и 30 га (Немировское, Ухожаны, Барсуки IV).

Для большинства памятников характерна "уличная" застройка, при которой жилища располагаются одним или несколькими параллельными рядами. Круговая планировка отмечена на поселении Немировское — постройки расположены с интервалом 4—5 м. На поселении Александровка-Крутянская I, например, прослежены две полуокружности, образованные постройками.

Характеристика жилищно-хозяйственных комплексов дана на основании материалов с поселений Кирилловка, Черкасов Сад, Черкасов Сад II, Корытное, Кринички, Немировское и Станиславка.

Поселение Кирилловка. В течение полевых сезонов 1950—1951 и 1955 гг. на поселении исследованы остатки нескольких жилых построек. Жилище 1 обнаружено на глубине 0,35—0,40 м и представляло собой отдельные скопления обожженного глинобита, по которым затруднительно судить о конструктивных особенностях постройки (следует отметить, что в раскопках А.Л.Есипенко квадраты редко исследовались полностью, в них обычно закладывались небольшие шурфы, которые расширялись только в случае выявления признаков площадки). Наилучшим образом сохранилась печь, схематично описанная в дневнике без зарисовок. Это остатки квадратного (2x2 м) в плане сооружения с закругленными углами, возведенного на земле. Уцелела облицовка северо-западной части печи из глиняных плиток, края которых закруглены. Основание пода растрескалось. Устье печи ориентировано на северо-восток. Перед ним зафиксирована небольшая площадка "припечек", являющаяся продолжением пода. Впереди "припечка" отмечена канавка. Печи, подобные описанной, зафиксированы в Пруто-Днестровском междуречье, в частности, на поселении Варваровка VIII [99, с. 23] и на Южном Буге, на поселении Клищев [56, с.185]. Непосредственно у печи обнаружено скопление грузил уплощенно-округлой формы. Прочие находки располагались на завале обожженной глины и под ним.

Работами 1951 г. вскрыта площадь, вплотную примыкавшая к исследованной ранее. Остатки глинобитной постройки в виде завала обожженной глины состояли из двух слоев. Верхний — мелкие красновато-коричневые легко рассыпающиеся комки глины. От нижнего слоя их отделяла тонкая прослойка грунта. На нижней стороне обмазки обнаружены отпечатки деревянных конструкций. Возле завала в черноземе зафиксировано углубление неопределенной формы (хозяйственная яма?), где найдены фрагменты керамики, кремневый скребок, кости животных. На этом же участке наблюдалось понижение залегания обожженной глины до глубины 0,65 м, в то время как на остальной площади верхняя граница завала прослежена на глубине 0,35—0,40 м. Возможно, остатки глинобитного сооружения, вскрытого в 1951 г., составляют единый комплекс с постройкой из раскопа 1950 г., однако с уверенностью этого утверждать нельзя.

В 1955 г. на поселении вскрыты остатки еще трех построек. Одна из них прослежена с поверхности по концентрации обломков керамики и обожженной глины, так как культурный слой здесь был разрушен вспашкой и размывом почвы. Остатки жилища представляли собой завал из кусков неравномерно обожженной обмазки, на нижней стороне которой зафиксированы отпечатки деревянных конструкций. Мощность завала неодинакова и колеблется от 0,1 до 0,3 м. Развал постройки ориентирован по линии северо-восток — юго-запад, площадь 13,5 x 7,5 м, глубина залегания 0,20—0,25 м (рис. 10, 3). Под обмазкой обнаружены орудия труда и керамика, а в северо-восточной части жилища найдены остатки печи пря-

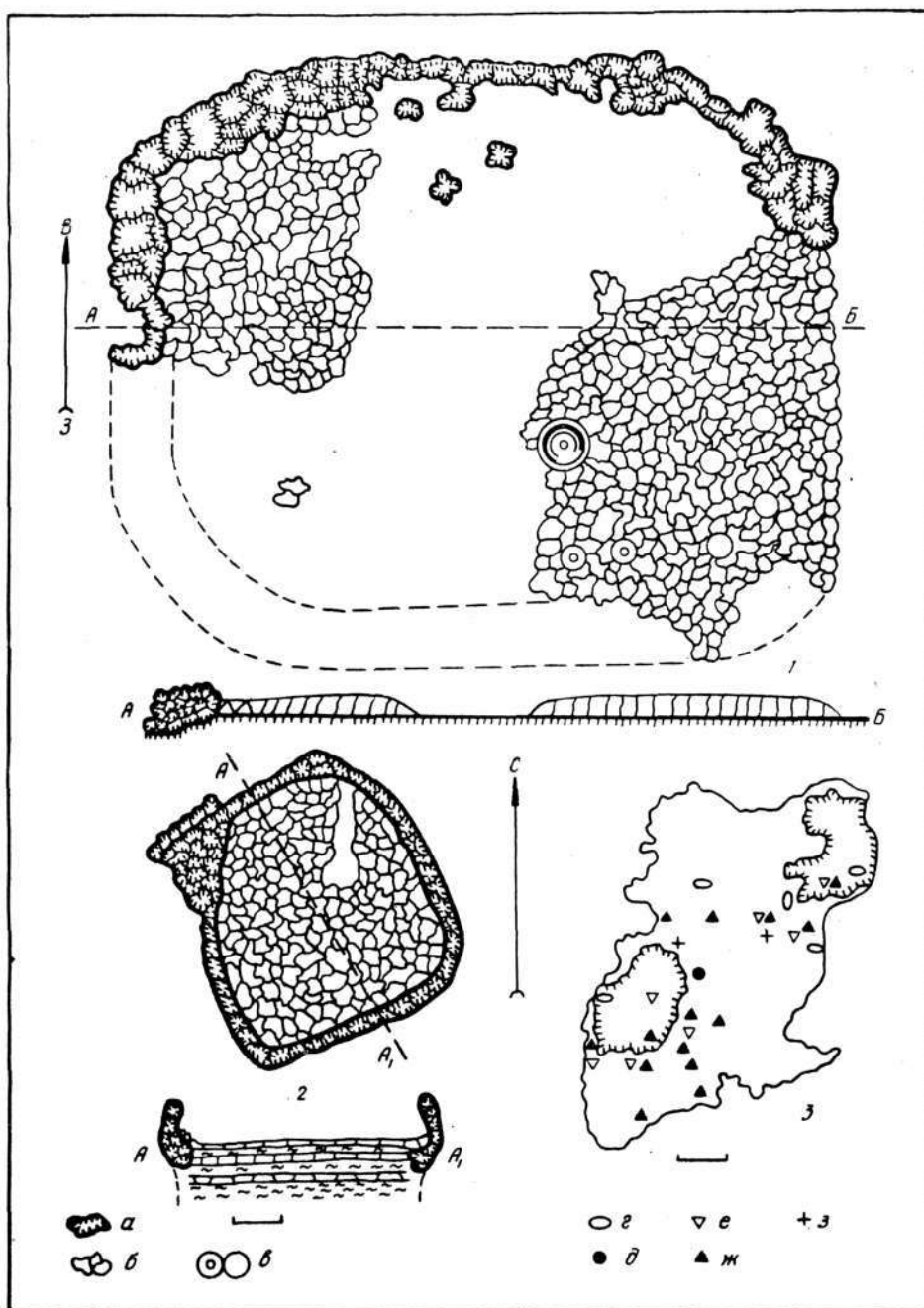

Рис. 10. Остатки печей и глинобитного домостроения в Кирилловке (1, 3) и Черкасовом Саду II (2):

a – обмазка стенок; *б* – обмазка пола; *в* – орнамент; *г* – контур завала обмазки; *д* – остатки печей; *е* – кремль; *ж* – керамика; *з* – статуэтка; *и* – черпак

моугольной в плане формы с закругленными углами (2,8 x 2,5 м). Основание сохранившихся стен печи имеет толщину 0,25 м. Под трехслойный: верхний слой (1,4 см) желтого цвета, средний (1,3 см) светло-коричневый, нижний (2,3 см) ярко-красного цвета. Под орнаментирован углубленными линиями, образующими концентрические окружности (рис. 10, 1). Возле печи найдены обломки сосудов и растительных камней, а непосред-

ственно на поверхности пода — раздавленный сосуд. Под юго-восточной частью глинобитного завала отмечено углубление, в котором до самого дна встречались обломки костей животных, керамика, камни. Конфигурация его и размеры автором раскопок не приводятся.

Остатки второй постройки представляли собой аморфное залегание обожженной обмазки, большая часть которой состояла из тонкого слоя (0,1 м) мелких обломков. На отдельных участках мощность обожженной глины достигала 0,25 м. На основании фрагментов глинобитного завала прослеживались отпечатки деревянных конструкций. В западной части жилища обнаружены остатки печи — часть печного пода мощностью 1,5—3 см сохранилась на небольшом участке. На нем найдены куски обмазки полукруглой формы, возможно, обломки свода. Посуда, орудия труда и другие находки зафиксированы в большинстве случаев под завалом обмазки на земляном полу жилища.

Завал обожженной глины, оставшийся от третьей постройки, залегал на площади 8 x 5,5 м и располагался на север — северо-восток от жилища 1. Мощность завала 0,25 м. На нижней поверхности прослежены отпечатки деревянных конструкций. Под завалом обнаружены зола и единичные древесные угли. В северо-западном углу под обмазкой на земляном полу обнаружены остатки прямоугольного возвышения высотой 3 см из глины с примесью песка (1 x 0,3 м).

Данные раскопок позволяют заключить, что глинобитные постройки на поселении Кирилловка представляли собой прямоугольные в плане постройки. Остатки обмазки с отпечатками деревянных конструкций предполагают наличие межэтажного перекрытия [68; 96]. Жилые помещения располагались в нижнем этаже, судя по наличию печных сооружений, вымосток и концентрации массового материала на земляном полу под обмазкой перекрытия. Печные сооружения, судя по аналогиям, являются обычными для памятников среднего и начала позднего этапов Триполья. Остатки "печного" сооружения, прослеженного в жилище 1 (1955 г.), орнаментированного углубленными линиями, образующими концентрические окружности, возможно, являются остатками культового места, подобного найденным во Владимировке [116, с. 83, 89]. Возле жилищ или непосредственно в них, вероятно, располагались хозяйственные ямы.

Поселение Черкасов Сад в настоящий момент уничтожено плантажной вспашкой и выкорчевкой виноградника. Из всей документации сохранился лишь дневник А.Л.Есипенко, в котором описаны остатки одного глинобитного сооружения, вскрытого в 1957 г. Остатки жилища представляли собой завал обожженной глиняной обмазки "площадки" (13,2 x 7,7 м), ориентированный по линии запад — восток. На многих фрагментах обмазки зафиксированы отпечатки деревянных конструкций из бревен, жердей и веток. Мощность завала составляла 0,1—0,25 м. В юго-западном углу "площадки" отмечены скопления плиток обожженной глины без растительных примесей толщиной 1,5—2,5 см, намазанной непосредственно на землю. Размер скоплений 0,3 x 0,2 м и 0,5 x 0,3 м. Возможно, это остатки печной конструкции или вымостки.

Поселение Черкасов Сад II. Открыто в 1971 г. Буго-Днестровским отрядом Причерноморской экспедиции ОАМ АН УССР. Оно расположено на пологом склоне левого берега Кирилловской балки в 2 км к северо-востоку от с.Кирилловка, давшего название эпонимному поселению. В течение трех полевых сезонов на поселении исследованы четыре глинобитных жилища, полуземлянка (?) и несколько хозяйственных ям.

Жилище 1 (рис. 11, 1) обнаружено на глубине 0,4—0,5 м. Завал (7,6 x 5 м) обожженных строительных остатков ориентирован по линии северо-запад — юго-восток. В плане "площадка" состоит из трех частей: северная и южная — однослойные залегания хаотично расположенных кусков обмазки, центральная часть — трехслойное скопление обожженной глины.

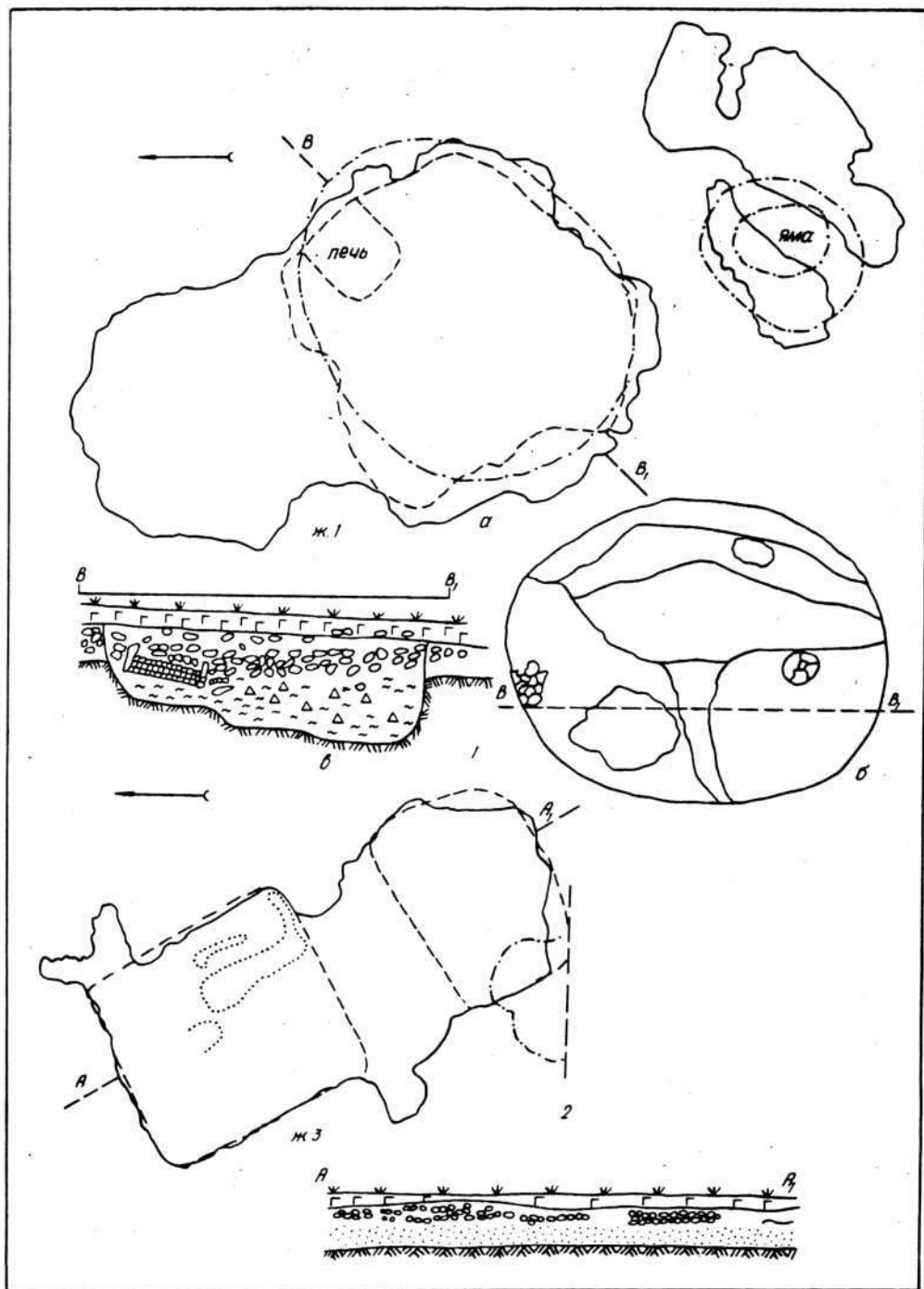

Рис. 11. Черкасов Сад II. Планы и разрезы жилищ

Обмазка верхнего слоя содержит растительную примесь, крошкая, на отдельных фрагментах прослеживается тонкое покрытие из глины с песком. Обмазка второго горизонта (0,2 м) снаружи заглажена, местами на ней прослеживалось до трех-четырех тонких слоев глины с примесью песка. Эти слои легко отделялись друг от друга и от основного массива обмазки, на нижней поверхности которой зафиксированы отпечатки деревянных конструкций — колотые плахи и кругляк, расположенные поперек длинной оси жилища. На поверхности второго горизонта обмазки обнаружены отдельные фрагменты сосудов. Третий, самый нижний горизонт, представлял собой слой (0,2 м) глинобита без отпечатков деревянных конструкций, покрытый тонким слоем глины с песком и заглаженный. Это, очевидно, пол постройки. Слой обмазки полностью повторяет неровности почвы под ним. На нем найдены фрагменты сосудов, обломки растиральников.

В северо-восточном углу центрального помещения на уровне нижнего пола обнаружено прямоугольное в плане основание печи (1 x 1 м). Ее стенки толщиной 7—10 см вылеплены из глины с обильной растительной примесью и сохранились на высоту 0,1—0,3 м. Завал обожженной формованной глины позволяет реконструировать полусферический свод печи, вылепленный ленточным способом и не имеющий, как и стенки, опорного каркаса. Под печи образовывал со стенками монолитную конструкцию. Под трехслойный, что, не исключено, связано с его ремонтом, масса содержит примесь половы. На каждый слой пода был нанесен тонкий слой подмазки из глины с примесью песка, растрескавшийся в процессе функционирования печи. Толщина двух нижних слоев — по 12 см, верхнего — 6 см. В основании глинобита нижнего слоя пода находились три фрагмента антропоморфных статуэток и обломок изделия (навершие?) из мраморовидного известняка. Основание пода залегало на 0,1 м ниже уровня нижнего пола. Недалеко от печи обнаружены остатки прямоугольного в плане сооружения высотой 0,1 м.

В отличие от двух верхних горизонтов, обжиг которых равномерный, обмазка нижнего прокалена неравномерно: сверху красновато-коричневого цвета, постепенно переходит в коричневый, местами в черный цвет.

Обмазка южной и северной частей "площадки" располагалась аморфными бессистемными скоплениями. На нижней поверхности отдельных фрагментов прослеживались отпечатки деревянных конструкций. Разрыв до 1 м шириной между северной и центральной частями может свидетельствовать о наличии здесь перегородки, разделяющей постройку на две части. В то же время южная часть отделена от центральной части завала обмазки двухметровым разрывом, что, возможно, дает основание предполагать здесь наличие отдельной постройки. Мощное многослойное скопление раздавленных сосудов, залежавших под обмазкой, а также находки обломков зернотерок и растиральных камней свидетельствуют о хозяйственном назначении данной пристройки. Под развалами сосудов выявлена овальная в плане яма (2,2 x 1,8 м) глубиной 0,8 м от древней поверхности. Ко дну яма резко сужается. Грунт заполнения серого цвета с золистыми прослойками. В заполнении встречались многочисленные фрагменты керамики, кусочки обожженной глины, камни, найдена нижняя часть антропоморфной статуэтки.

Исходя из залегания строительных остатков и распределения инвентаря, можно реконструировать жилище 1 как постройку состоящую из двух камер, в одной из которых пол был земляной, в другой — подмазан глиной. Деревянные конструкции, отпечатавшиеся на обмазке, образовывали каркас, который служил основой глинобитного межэтажного перекрытия. Перекрытие второго этажа занимало лишь половину постройки (второй слой обмазки). Верхний слой обмазки указывает на существование чердака. Жилой, очевидно, являлась камера, в которой обнаружены печь и прямоугольное возвышение. К жилищу с юго-востока примыкала хозяйствен-

ная пристройка, где располагались сосуды и зернотерки. Здесь же была яма, первоначально, вероятно, служившая зернохранилищем и лишь впоследствии заполненная мусором.

После снятия обмазки глинобитной постройки было обнаружено углубление, занимавшее площадь, равную камере с глинобитным полом. В плане углубление овальное, размер 4,3 x 3,7 м. Стенки с юго-восточной стороны полого опускаются ко дну, образуя несколько уступов различной ширины. С севера и запада стенки отвесные. Уровень дна не одинаков, значительно понижается к северо-западу, образуя два углубления, наполненные золой. Первое вплотную прилегает к стенке ямы, размер 1,85 x 1,80 м. Второе — овальной формы, размер 0,85 x 1,25 м. Между ними прослежен останец высотой 0,1 м. В восточной части углубления 1 обнаружены обломки уплощенного изделия из глины с примесью половецкой с округленными краями (возможно, остатки жаровни). В заполнении найдены многочисленные обломки сосудов, фрагменты антропоморфных статуэток, обломки растиральников, куски обмазки и кости животных. Находки не образуют скопления, распределены равномерно по всему заполнению. Возможно, открытое углубление первоначально являлось частью глинобитной постройки, ее нижним углубленным этажом. Уступы с юго-восточной стороны, вероятно, можно интерпретировать как место входа, а углубления с золистым заполнением — как очажные ямы. Позднее в ходе функционирования постройки углубленная часть была засыпана (о одновременности засыпки свидетельствует расположение обломков одного сосуда на различной глубине заполнения), а поверх нее настелен глинобитный пол. Высказанное, однако, не отрицает возможности функционирования прослеженного углубления и как самостоятельного существующей полуземлянки. В пользу углубленной части жилища говорит тот факт, что основной ее контур совпадает с центральным помещением глинобитной постройки.

Жилище 2 обнаружено в 50 м к западу от жилища 1. Выявленная площадка представляла собой однослойное залегание обмазки, ориентированное по линии северо-восток — юго-запад. Площадь 8 x 3 м. Частично разрушена современным водопроводом и силосной траншеей (рис. 11, 2). Наиболее компактное залегание обнаружено в юго-западной части. Мощность завала 0,1—0,15 м. Глина, за исключением вероятных остатков печного сооружения, имеет растительную примесь. На нижней стороне обмазки обнаружены отпечатки деревянных конструкций, ориентированных по длинной оси жилища. Реконструировать остатки предполагаемой печи не представляется возможным, найдены лишь отдельные участки пода в виде столбиков глиняной обмазки из глины без растительных примесей. В непосредственной близости располагались многочисленные фрагменты сосудов, в большинстве случаев деформированные и ошлакованные. Здесь же найдено более 20 целых и фрагментированных оттяжек для ткацкого станка, залежавших компактной группой. В северо-восточной части жилища зафиксированы отдельно лежащие раздавленные сосуды. Очевидно, здесь располагалась одноэтажная постройка. О наличии чердачного помещения может свидетельствовать тонкий слой глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций перекрытия. Вторжение траншеи современного водопровода не позволяет с уверенностью говорить о наличии камер, можно лишь предполагать, что жилая постройка располагалась в юго-западной части, судя по остаткам предполагаемого печного сооружения.

Жилище 3 обнаружено в виде завала строительных остатков прямоугольной формы (10,5 x 5 м), ориентированного по линии северо-запад — юго-восток (рис. 11, 3). Слой обмазки с растительными примесями на нижней стороне имел отпечатки деревянных конструкций: колотых плах и радиально расколотого кругляка. На наружной поверхности — слой неоднократной подмазки для выравнивания поверхности. В северо-восточной части на обмазке обнаружены остатки вымостки размером 1,1 x 0,7 м из

глины без растительных примесей. После снятия слоя обмазки на всей площади жилища расчищены развалы и фрагменты сосудов, а также остатки интерьера первого этажа жилища: в центральной части располагались два возвышения — одно прямоугольной формы высотой 0,1 м, второе — к западу от него, округлых очертаний (размеры из-за фрагментарности установить не удалось). В юго-восточной части залегания строительных остатков прослежен разрыв до 1 м. Отделенная таким образом юго-восточная часть представляла, вероятно, хозяйственную пристройку, где практически по всей площади залегали фрагменты сосудов, обломки зернотерок и растительных камней. Комья обмазки залегали хаотично, верхняя сторона неровная, без следов подмазки. В северо-западном углу этой постройки обнаружен участок плитчатой обмазки (0,8 x 0,6 м).

Жилище 4 (рис. 11, 4) прямоугольной формы, ориентировано по линии северо-запад — юго-восток. Площадь 12 x 6 м. На основании исследования строительных остатков можно предположить, что здесь находилась трехкамерная постройка, о чем свидетельствуют разрывы в залегании обмазки, идущие в поперечном направлении. Остатки сооружения из плитчатой обмазки, обнаруженного на верхнем слое, развалы сосудов, а также отпечатки на нижней поверхности расколотых плах и бревен, свидетельствуют о наличии второго этажа. Пол нижнего этажа во всех камерах был земляным, он фиксировался лишь залеганием инвентаря. В северо-западной камере на полу обнаружен участок плитчатой обмазки, отгороженный от остального помещения невысоким бортиком. Длина прослеженных остатков бортика 2,1 м, заглаженная сторона его повернута в сторону плитчатого участка пола. Отмеченный конструктивный участок, возможно, являлся специализированным хозяйственным уголком. В юго-восточной части залегания строительных остатков наблюдалось хаотичное залегание обмазки, поверх нее находки не обнаружены. Вероятно, в этой части располагалась пристройка, аналогичная описанным в жилище 1 и 3.

Помимо жилых комплексов в южной части поселения в срезе силовой траншеи обнаружены хозяйственные ямы, заполненные большим количеством фрагментов керамики, обломков костей животных, встречались и фрагменты антропоморфных статуэток.

О конструкции жилищ, обнаруженных С.С.Гамченко на поселениях Кринички и Корытное, судить довольно затруднительно. Еще Е.Ю.Кричевский отмечал, что, несмотря на точную фиксацию и тщательно документированные результаты работы, полностью доверяться данным С.С.Гамченко не приходится. Проанализировав имеющиеся описания, Е.Ю.Кричевский установил основные закономерности. Жилища имели разные размеры (приблизительно от 45 до 220 м²) и представляли собой прямоугольные в плане постройки иногда с боковыми пристройками. Установлено залегание одного или двух слоев обмазки, имеющей на нижней поверхности отпечатки дерева (колотые плахи 0,18—0,2 м в диаметре), располагавшиеся поперек основной длинной оси построек. На слое обмазки с отпечатками дерева прослежены плоские фрагменты обмазки плиточной формы. Внутри помещений зафиксированы остатки печных сооружений. Таким образом, и для жилищ на поселениях Кринички и Корытное можно предполагать наличие потолочных перекрытий, являющихся основой второго этажа или чердачного помещения.

Остатки жилищ на поселениях Немировское и Станиславка, открытые охраняемыми раскопками Трипольской экспедиции ИА АН УССР в 1986 г., представляли собой залегания в виде пласта обожженной глины с растительными примесями. На оборотной (нижней) стороне прослежены отпечатки колотого дерева, направленные поперек длинной оси жилища. На слое обмазки и под ним зафиксированы развалы сосудов. На основании этих данных можно говорить о них как о двухэтажных постройках с деревянным перекрытием, обмазанным глиной.

Учитывая наличие среди подъемного материала памятников, не подвергавшихся раскопкам, обожженной глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций, можно с определенной долей уверенности утверждать, что наземные глинобитные постройки существовали и на них.

Поскольку раскопками затронута незначительная часть памятников, в результате чего стало известно небольшое количество строительных объектов, на данном этапе можно говорить лишь об основных закономерностях развития домостроительства в этом регионе. Характерным типом жилища являются наземные глинобитные постройки, располагающиеся рядами или по кругу, площадь их в основном 40—60 м². Отмеченные крупные дома на поселении Кринички нуждаются в дополнительном исследовании. Зафиксированы одно- и трехкамерные постройки, а также наличие пристроек бытового или хозяйственного назначения. При исследовании завалов обожженной глины установлено, что постройки были одно- и двухэтажные. Основа пола второго этажа (чердака) настилась из деревянных плах и горбылей, отпечатки которых хорошо прослеживались на нижней стороне комьев обмазки. О двухэтажности построек свидетельствует и наличие сосудов, орудий труда и различных сооружений на обмазке перекрытия. Пол жилищ в основном был земляной. В оформлении внутреннего интерьера раскопанных жилищ прослеживаются традиционные черты трипольского домостроительства — наличие вымоствок и возвышений, а также печей. Печи прямоугольные в плане с закругленными углами и полусферическим сводом. Стенки и свод вылеплены ленточным способом без деревянного каркаса. Особняком среди основной массы построек, пожалуй, стоит жилище I на поселении Черкасов Сад II. Особенностью его является наличие предполагаемой углубленной части нижнего этажа на первоначальном этапе застройки, а также перекрытие второго этажа, которое занимало лишь половину постройки. Аналогичное залегание обмазки второго этажа прослежено на поселении Коновка [182, с. 44].

Основные черты материальной культуры. Орудия труда. Изготовлены из кремня, камня, кости, рога и глины. Встречены в культурном слое, в заполнении жилищ и хозяйственных ям. Рабочие места по изготовлению орудий не обнаружены. Наибольшее число находок приходится на кремневые изделия. Для их изготовления применялся, как правило, кремень высокого качества светло- и темно-серого оттенков.

Скребки — основной тип орудий. Заготовками служили отщепы и пластинки. Скребки на отщепах имеют овальную, округлую и стреловидную формы (рис. 12, 6, 9, 12, 15). Они на пластинах и их обломках встречаются реже и часто носят полифункциональный характер (рис. 12, 5, 10). Вероятнее всего, они представляли собой сочетание скребка и скобеля. Концевые скребки имеют выпуклый рабочий край, лезвие оформлено крупной ретушью со спинки (рис. 12, 14). В качестве режущих орудий использовались пластинки с ретушью и без нее. Пластинки с ретушью делятся на два вида: массивные утолщенные с крупной ретушью (рис. 12, 1, 8) и тонкие небольшие с мелкой ретушью по одному или двум краям (рис. 12, 3). Об использовании неретушированных пластин можно судить по выщербленности и заполированности края (рис. 12, 2). Развертки изготовлены на небольших призматических пластинах, которые имели слегка изогнутый профиль. Конец слегка заужен, края снабжены двусторонней ретушью (рис. 12, 3, 4). Острия изготовлены на коротких пластинах. Конец оформлен в виде треугольного выступа, рабочее острие и боковые края пластинки подправлены ретушью (рис. 12, 13). Наконечники стрел найдены в единичных экземплярах. Представлены обычной треугольной формой-выемкой в основании (рис. 12, 11). Находки на поселениях кремневых желваков, нуклеусовидных обломков, отщепов и осколков без следов вторичной обработки позволяют предполагать наличие местного производства орудий.

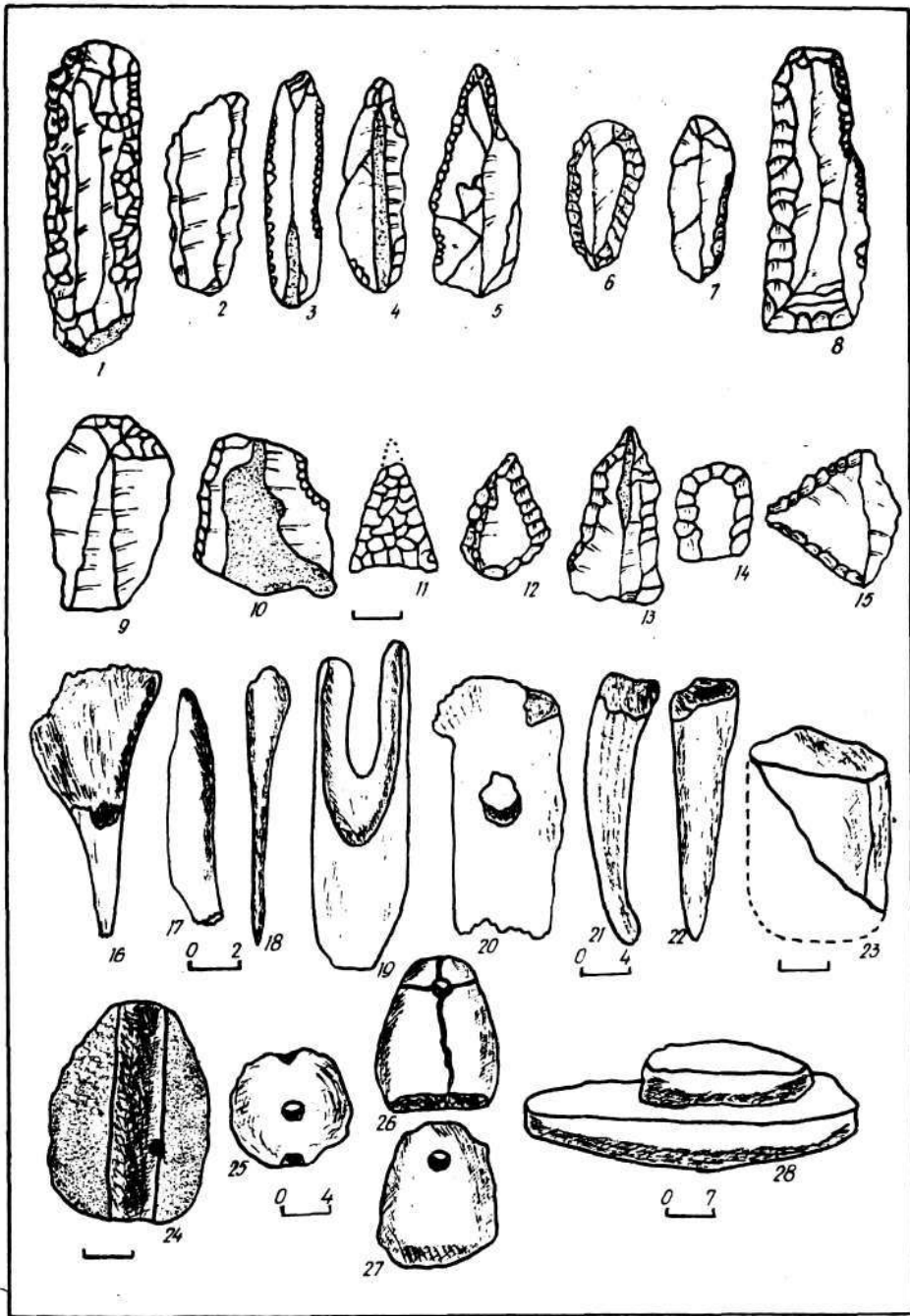

Рис. 12. Орудия труда из поселений развитого Триполья

Орудия из камня представлены в основном зернотерками и растиральными камнями. Зернотерка с поселения Черкасов Сад II изготовлена из крупного гранитного блока, форма клиновидная (рис. 12, 28). Один конец срезан прямо, другой слегка округлен. Рабочая поверхность плавно стерта к середине. Нижняя часть сужена к основанию. В качестве верхнего камня использовались крупные растиральники. Тесловидные сланцевые орудия представлены двумя фрагментами. Это изделия трапециевидной формы с прямым лезвием. Поверхность обработана крупными сколами

(рис. 12, 23). Найден фрагмент изделия из мраморовидного известняка (возможно, навершия?) (рис. 12, 24).

Орудия из кости и рога представлены несколькими видами. Это прежде всего мотыги, изготовленные из толстых отростков рога. Отверстие для рукояти просверлено ниже основания под углом к основному стержню (рис. 12, 20). Мотыжки-землекопалки изготовлены из тонких отростков рога. Рабочий конец более или менее клиновидный (рис. 12, 21, 22). Шилья и проколки сделаны из тонких трубчатых костей. Жало округлое или трехгранное (рис. 12, 16, 18). Лощала выполнены из продольно расколотых трубчатых костей с полукруглым краем (рис. 12, 17).

Орудия из глины представлены ткацкими грузилами и пряслицами. Грузила уплощенно-пирамидальной, овальной и округлой форм. Изготовлены из рыхлой глиняной массы. На боковых сторонах грузил в ряде случаев прослежены следы перетяжки (рис. 12, 25—27). Пряслица усеченно-конической формы встречены в небольших фрагментах.

Анализ производственного инвентаря показывает, что подавляющее большинство изделий практически не отличается от подобных на сопредельных территориях. Неординарной находкой можно считать лишь фрагмент изделия из мраморовидного известняка (происхождение которого связывают с Карпатами). Об исключительной роли этого изделия говорит тот факт, что он был обнаружен в основании пода печи жилища 1 (Черкасов Сад II) вместе с фрагментами антропоморфных статуэток.

Посуда, как и на иных памятниках энеолита, составляет основную массу керамических изделий. По технологическим признакам может быть разделена на две группы: из мелкоструктурной глины и с примесью раковин в тесте.

Так называемая столовая посуда изготовлена из хорошо отмученной глины с примесью песка и в ряде случаев с небольшим количеством шамота. Цвет черепка ярко-желтый или розовато-красный. Поверхность сосудов тщательно заглажена, часто подлощена и в большинстве случаев орнаментирована. По технике орнаментации столовая посуда четко делится на две подгруппы. Первая по количеству сосудов и фрагментов наиболее многочисленна. Представлена практически на всех памятниках. Это сосуды, покрытые росписью черной или темно-коричневой краской, иногда в сочетании с красной. Наиболее полное представление о формах и орнаментации керамики первой подгруппы дают коллекции с памятников, где проводились раскопки, на остальных поселениях керамические формы определяются лишь по фрагментам. Основные геометрические формы традиционно стандартизированы. Это — биконические сосуды и приближенные к ним, частично или в значительной степени с округленными чертами, а также усеченно-конические. По функциональному назначению посуда этой подгруппы значительно разнообразней.

Миски усеченно-конической формы представлены практически на всех памятниках и наиболее многочисленны. По моделировке края венчика подразделяются на миски с заостренным, округлым, скошенным наружу или внутрь краем. Миски с уплощенной закраиной встречены пока только на поселении Черкасов Сад II (2 экз.). Размеры мисок разнообразны — от миниатюрных (высота 1—3 см, диаметр венчика 8,5—15 см) до крупных (высота до 15 см, диаметр устья до 50 см). Основное внимание уделено обработке внутренней поверхности. Она тщательно заглажена, в большинстве случаев покрыта красноватым, реже — желтовато-белым ангобом и залощена. Большинство сосудов расписано монохромной росписью. Лишь несколькими фрагментами представлены орнаментальные композиции, где применялась и красная краска, в виде полосы, оконтуривающей основной рисунок. Основная схема складывается из линий, которые дугообразно опускаются к центру сосуда, где заходят одна за другую. Сопровождают основной орнамент различные элементы: S-видные полосы, овалы,

Типы	Формы	Орнамент
I		
II		
III		
IV		
V		
VI		
VII		
VIII		

Рис. 13. Типология форм и орнамента керамики (поселения Триполья С1)

треугольники и др. Отдельными экземплярами и фрагментами представлена орнаментальная схема с двумя овалами, замкнутыми "восьмеркой". В месте соединения овалов и на пространстве, не занятом ими, располагаются дуговидные полосы и вытянутые силуэтные треугольники. Такая схема присуща только крупным мискам.

Миски биконической формы представлены пока только двумя целыми и одним фрагментированным экземпляром с поселения Черкасов Сад II (рис. 13, тип II). Высота сосудов 18–20 см, диаметр венчика 20–30 см. Внешняя поверхность заглажена, на одном экземпляре подлощена. Роспись отсутствует. Миски этой формы появляются на памятниках Триполья на среднем этапе, но широкого распространения не получают.

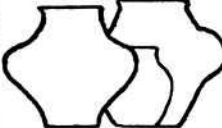

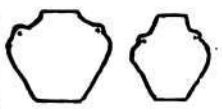
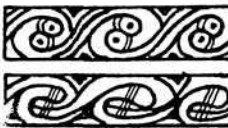

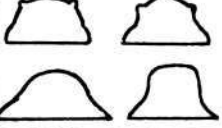

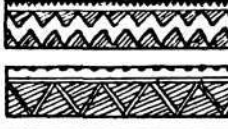
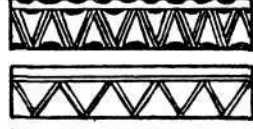
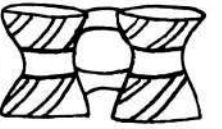
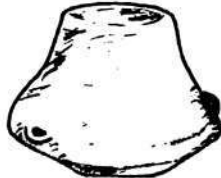
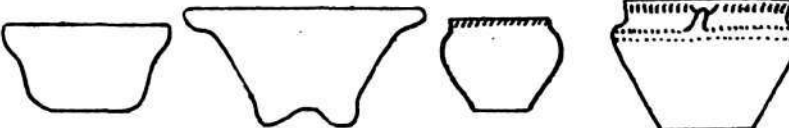
Типы	Формы	Орнамент	
IX			
X			
XI			
XII			
XIII		Редкие формы	
Кувшины			

Рис. 14. Типология форм и орнамента керамики (поселения Триполья С1)

Миски полусферической формы также нечастая находка. В основном представлены в обломках. Целый экземпляр найден на поселении Черкасов Сад (А.Л.Есипенко). Высота 5 см, диаметр венчика 10 см. Изнутри расписан тонкими перекрещивающимися линиями. Фрагменты полусферических мисок с поселений Александровка-Крутянская и Калиновка расписаны изнутри и снаружи (рис. 13, тип III).

Кубки — биконические сосуды с непрофилированным венчиком. В ряде случаев он слегка отогнут наружу (рис. 13, тип IV). Горло цилиндрическое, немного вогнутое. Корпус ниже плечиков резко расширяется. По моделировке профиля кубки делятся на три подтипа. Первый — остроресберные с низко посаженными плечиками, горло высокое, сужается кверху. Второй объединяет сосуды с широким горлом, плавно переходящим в округлые плечики, расположенные на середине высоты сосуда. В среднем не превышают 12 см, часты находки миниатюрных сосудов высотой 3—4 см. К кубкам можно отнести и сосуд из поселения Черкасов Сад II с ленточной ручкой. К редкой форме относится небольшой кубок, низкие плечики которого в плане образуют квадрат. Роспись на кубках монохромная, метопная или в виде опоясывающих горизонтальных и S-видных полос. Под венчиком неширокая опоясывающая полоса либо короткие отрезки вертикальных полос. На кубке из Черкасова Сада I по корпусу нанесены силуэт-

ные треугольники, направленные вершинами вверх. На нескольких сосудах по горлу расположены 2—3 пары дуговидных отрезков.

Незначительным количеством представлены широкогорлые горшки с низкими округлыми плечиками и невысоким отогнутым венчиком (рис. 13, тип IV). Высота 12—20 см. На сосудах с более резко выделенным и высоким плечом под венчиком расположены ручки-ушки. В орнаментальных композициях преобладает орнамент типа "лицевой урны".

Амфоры — биконические сосуды вытянутых пропорций с низко посаженными плечиками, узким горлом и отогнутым краем венчика (рис. 13, тип VI). Выделяются три подтипа. 1. Сосуды вытянутых пропорций, плечики округлые. Высота 25—30 см. Орнаментальные композиции двух видов: метопная — в зонах, разделенных вертикальными полосами, нанесены фестоны, диагональные полосы; часть сосудов расписана упрощенной схемой "Tangentenkreisband". 2. Сосуды с четко выраженным биконическим профилем, широкие плечики имеют резкий переход к придонной части. Орнаментальная композиция складывается из двух поясов: на горле располагаются фестоны, на плечиках — метопная композиция. 3. Амфоры с широко расставленными округлыми плечиками и высоким венчиком воронковидной формы. Сложная орнаментальная композиция заполняет корпус и венчик сосуда. Орнаментальная композиция приближается к "лицевому" орнаменту. Представлены фрагменты на памятниках, располагающихся в бассейне р.Кодыма (Немировское, Станиславка, Стрымба, Чернече) (рис. 13, тип VI).

Особо крупные сосуды, очевидно, имевшие функцию зерновиков, имеют четко выраженную биконическую форму (рис. 13, тип VII). Венчик широкий, высоко поднят, плечики низко опущены. Под венчиком расположены одинарные и парные конические налеты. Роспись в виде концентрических окружностей, соединенных дугами-тангентами, распадается на два фриза — верхний и нижний, между которыми проходит S-видная двойная полоса, внутри которой горизонтально нанесены контурные треугольники с несомкнутым основанием. На одном из сосудов прослежено изображение животного.

Кратеры — сосуды с округлыми или приостренными плечиками, которые находятся в центре высоты сосуда. Венчик высокий, широко отогнут в сторону, диаметр его равен диаметру плечиков или даже превышает его. Основу орнаментальной композиции составляют S-видные дуги. Орнамент дополняется диагональными полосами, точками и вытянутыми силуэтными треугольниками. Венчик украшен дуговидными лентами, в ряде случаев образующими овалы (рис. 13, тип VIII).

Сосуды с широким цилиндрическим горлом, отогнутым венчиком и реповидным корпусом (рис. 13, тип IX). Орнамент нанесен в два фриза: по горлу расположены горизонтальные полосы, нижний орнаментальный пояс заполнен фестонами, волнистыми линиями или вертикальными и наклонными полосами. Встречается также и усложненный тангентный орнамент — верхний и нижний фриз идентичны.

Грушевидные сосуды с округлыми плечиками и цилиндрической невысокой горловиной (рис. 13, тип X). Расписаны S-видными дугами, с дополнением различными элементами.

Крышки полусферической и сфероконической форм (рис. 13, тип XI) с отогнутым наружу краем украшены монохромной росписью в виде окружностей и дуговидных лент. Высокие полусферические крышки со срезанным верхом и орнаментальной композицией "лицевая урна" расписаны темно-коричневой и красной красками.

Биконические горшки с прямым венчиком и округлыми плечиками (рис. 13, тип XII). Орнамент на плечиках состоит из дуговидных лент, образующих фестоны, или (чаще) двух рядов треугольников, направленных вершинами друг к другу.

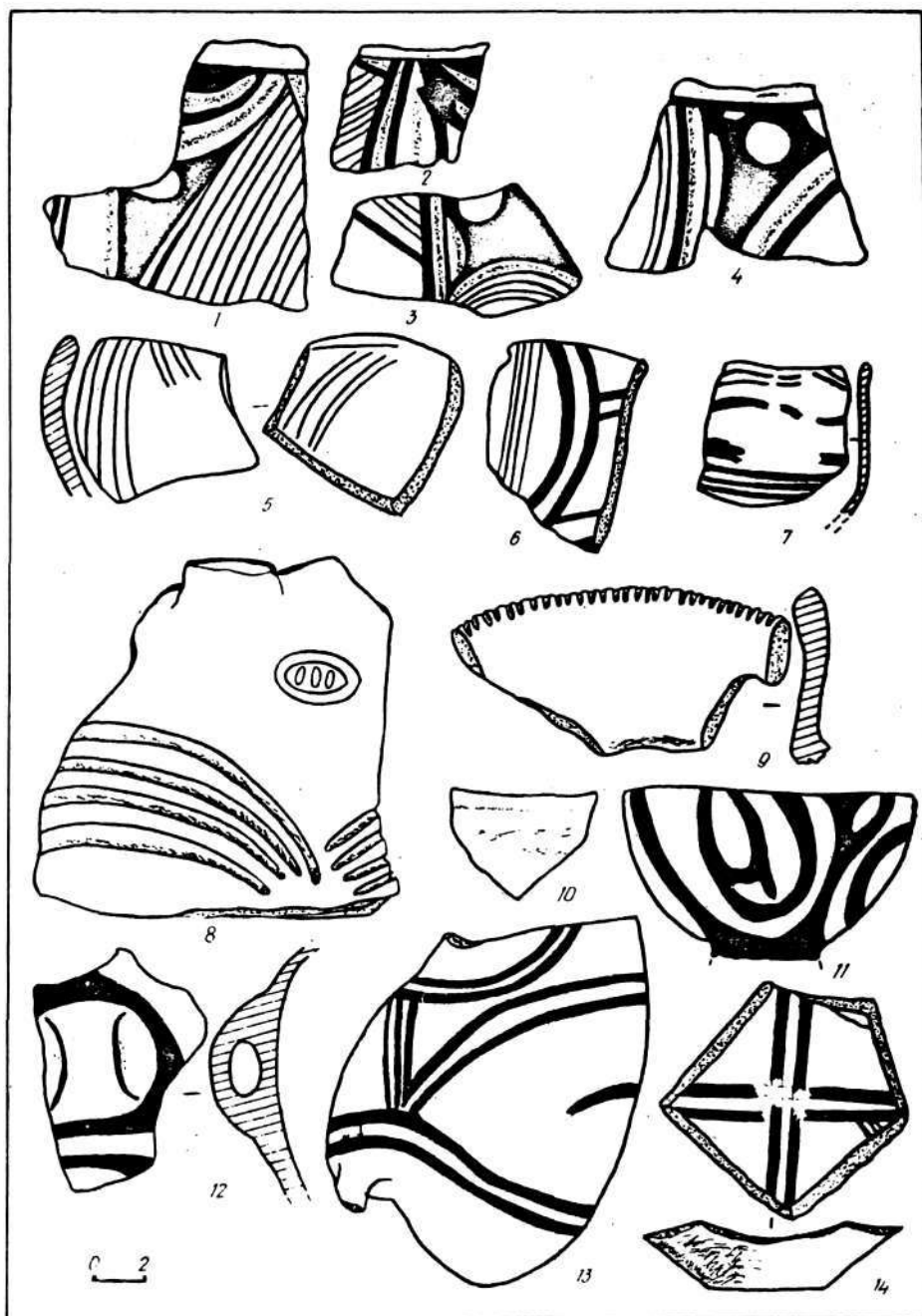

Рис. 15. Образцы керамики из поселений конца среднего – позднего периодов Триполья

Редкой формой являются биноклевидные сосуды. Один реставрированный экземпляр происходит с поселения Черкасов Сад I (рис. 13, тип XIII). На ряде поселений найдены фрагменты, по которым невозможно реконструировать целую форму.

Зооморфные сосуды — на венчике располагаются пластические изображения головы животного (чаще всего барана). Они выполнены в виде чаш полусферической формы с плоским дном или на четырех ножках. Внутри чаши иногда разделены на две части. На отдельных экземплярах прослеживаются следы внутренней росписи (рис. 13, тип III).

Посуда второй подгруппы (рис. 15) представлена сосудами, украшенными углубленным орнаментом, фрагментами трех форм: грушевидные сосуды, крышки, биноклевидные. Обычная орнаментация — стилизованное изображение змей (?), спиралевидные ленты. В ряде случаев прослежены следы белой инкрустации. Фрагменты керамики этой подгруппы представлены на памятниках в небольшом количестве. Поселения с этими сосудами располагаются лишь в бассейне р.Кодыма (приток Южного Буга).

Посуда из глины с примесью толченых раковин встречается на всех памятниках, но в небольшом количестве. По форме сосудов выделяются два подтипа: широкогорлые горшки с коротким прямым или несколько расширяющимся горлом. Переход от горла к плечикам плавный. Плечики округлые, четко выраженные и высоко поднятые. К этому же подтипу относятся горшки с высоким расширяющимся горлом и резко выделенными острореберными плечиками. Орнамент на горшках композиционно прост — горизонтальный ряд вертикальных или слегка наклоненных отрисков. На плечиках располагались углубленные фестоны, наколы и вдавления. Иногда нанесены налепы. Горло сосудов покрыто вертикальными расчесами. Сосуд с поселения Черкасов Сад II помимо этого украшен рельефным изображением головы быка. Помимо горшков в керамике этой группы отмечены неорнаментированные сосуды подпрямоугольной формы с плоским дном и отогнутым наружу венчиком в виде чаш. Глина грубая, легко крошится.

Предметы культа. Помимо элементов культового характера, встречающихся на ряде сосудов в виде орнаментальных или пластических мотивов (изображения животных, солярные знаки и др.), трипольцы изготавливали специальные керамические предметы чисто ритуального назначения. Не затрагивая вопросов идеологических воззрений трипольского населения, которым посвящено уже немало специальных работ, приводим краткую характеристику изделий этой категории.

Антропоморфные статуэтки в подавляющем большинстве найдены в обломках. Находки их трудно связать с каким-либо определенным местом, лишь в жилище I на поселении Черкасов Сад II они были найдены в основании печи, что уже само по себе является свидетельством их ритуального назначения. Все статуэтки изготовлены из хорошо промешанной глиняной массы с незначительной примесью песка. Поверхность желтого и оранжевого цветов заглажена, в ряде случаев подлощена. На нескольких фигурках прослежены остатки росписи, есть статуэтки серого цвета. Поскольку все они дошли в обломках, нельзя уверенно говорить об их размерах, наиболее крупный экземпляр мог достигать в длину 20 см, остальные не превышают 12 см (рис. 16). Все статуэтки моделированы в условно-реалистическом стиле и относятся, за редким исключением, к одному статуарному типу, выделенному А.П.Погожевой (тип С, подтип С₂) [130, с.145].

К особому статуарному типу относится фрагмент нижней части статуэтки из поселения Черкасов Сад II (рис. 16, 1). Отличительной особенностью является наличие слегка расширенного книзу цилиндрического основания.

К редким на поселениях развитого Триполья относятся находки мужских статуэток. Возможно, к ним можно отнести фрагменты нижних частей статуэток, признак пола у которых обозначен коническим налепом (рис. 16, 2, 9).

К ритуальной пластике относятся и зооморфные статуэтки. Они чаще всего изображают быков (рис. 16, 14), а также, вероятно, дикого животного (косули?) (рис. 16, 13).

К культовым предметам, несомненно, относится также модель жилища, найденная на поселении Черкасов Сад II. Она изготовлена в виде полусферической чаши на четырех ножках. Вертикально поднимающиеся стенки

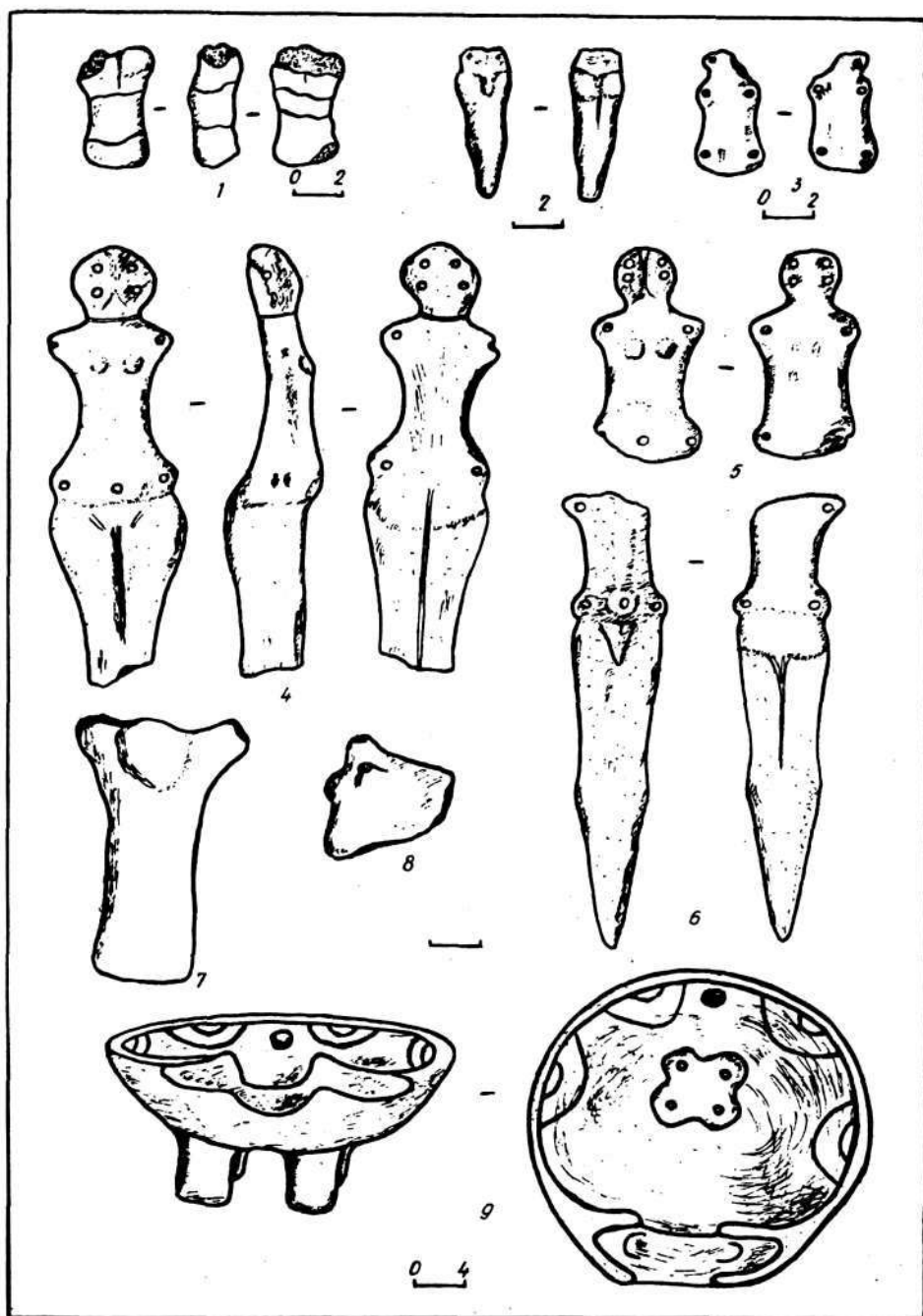

Рис. 16. Антропоморфные (1-6) и зооморфные статуэтки (7-8), модель жилища (9)

чаши имитируют стенки постройки, расписанные изнутри дуговидными парными полосами. На задней стенке, напротив входа, имеется круглое отверстие — "окно", под ним на полу расположен крестообразный жертвенник с вдавлениями на концах. Вход в жилище оформлен в виде выступа. Наиболее близкую аналогию эта модель находит с моделью из Попудни [134, с.236; 164, с.209]. Особенностью ее является отсутствие бытовых деталей (печей, хозяйственного уголка). Наличие только жертвенника, который находит аналогии с жертвенниками из поселения Владимировка [116, с. 83 и сл.], а также зооморфные черты, приданные модели (ножки и ро-

говидные выступы на входе), позволяют сделать предположение, что перед нами модель не обычного помещения, а культовой постройки (рис. 16, 15).

Положение поселений в локально-хронологической системе развитого Триполья. В настоящее время известно более 50 поселений, расположенных на южной границе Лесостепи в междуречье Южного Буга и Днестра, на которых проводились разведки, раскопки и шурфовки. Изучение музейных коллекций, материалов раскопок и разведок дает возможность ответить на ряд вопросов, касающихся истории развития трипольских племен в рассматриваемом регионе. Раскопками затронута незначительная часть памятников, в результате чего материалы с отдельных поселений количественно неравноценны, поэтому наши наблюдения базируются на общих закономерностях развития основных категорий материалов.

Жилища, подобные открытым, вполне обычны для памятников среднего и начала позднего этапов Триполья. Наличие мощных межэтажных перекрытий фиксируется сейчас на многих памятниках Пруто-Днестровского междуречья [108] и Побужья [177, с. 206 и сл.], имеются они и на памятниках Буго-Днепровского междуречья. Наличие вымосток и глинобитных возвышений зафиксировано на широкой территории от Прута до Днестра. Постройки, аналогичные жилищу I с поселения Черкасов Сад II, найдены на Среднем Поднестровье (Коновка). Таким образом, строительные остатки вряд ли могут быть четким показателем территориальной и хронологической привязки.

Вопросы хронологии и территориального деления памятников можно решать на данном этапе лишь на основании анализа керамики. В настоящее время трудно установить процентное соотношение отдельных типов сосудов, поэтому сравнительный анализ дается на основании общих закономерностей развития форм и орнаментации. В результате сопоставления имеющегося материала внутри региона, а также с сопредельными территориями удается выделить четыре разновеликие хронологические группы памятников. Первые две представлены поселениями Слободка-Лесничество и Перликань. Первое отнесено Н.Б.Бурдо к этапу В/I [22], а второе выделено Н.М.Виноградовой в солонченский вариант переходного периода В/I—В/II [29, с.61]. Третья — наиболее многочисленная — тяготеет к финальным фазам среднего и началу позднего Триполья. Среди них в особую группу выделяются памятники, в керамическом комплексе которых наряду с расписной керамикой отмечено наличие сосудов с углубленной орнаментацией. Формы и орнаментация расписных сосудов и с углубленным орнаментом находят аналогии в керамике поселений Побужья и Буго-Днепровского междуречья, относящихся к шестой ступени среднего периода Триполья [175, с. 208, 292—293; 56]. Число поселений данного типа невелико, в территориальном отношении они располагаются на реке Кодыме; среди памятников, тяготеющих к Днестровским притокам, поселения, подобные им, пока не найдены.

Наибольшее число памятников характеризуется наличием лишь расписной керамики. Представленные выше фоновые формы и орнаментальные схемы при сопоставлении их как внутри ареала, так и с памятниками сопредельных территорий отражают как общие закономерности, так и характерные особенности, которые позволяют уже на данном этапе исследования определить место рассмотренных поселений в территориальной и хронологической системе развитого Триполья.

Усеченно-конические миски составляют наиболее многочисленную группу посуды на всех трипольских памятниках с начала среднего этапа. По форме и орнаментации они находят широкие аналогии на различных территориях, за исключением мисок с закраиной на внутренней части венчика. Эта разновидность появляется лишь в конце среднего этапа и в основном характерна для памятников Побужья (типа Владимировки), а в на-

зале позднего этапа появляется и на памятниках Поднепровья, в частности на поселениях типа Коломыйщина I [85, с. 48, рис. 2, 2]. Фрагменты таких мисок и одна целая на ножках найдены на поселении Черкасов Сад II (рис. 13, тип I).

Наиболее распространенной формой кубков являются острореберные с орнаментом из горизонтальных S-видных дуг. Подобная форма становится характерной в начале позднего этапа. Орнаментальная схема близка росписи на сосудах томашевско-сушковской группы первой фазы [85, с. 47; рис. 2, г, 5]. Единственный экземпляр кубка с вытянутой цилиндрической горловиной и орнаментом в виде треугольников из поселения Черкасов Сад находит полную аналогию с сосудом, найденным на поселении Белый Камень на Южном Буге.

Широкогорлые горшки с округлыми и биконическими плечиками представлены на памятниках Пруто-Днестровского междуречья (Брынзе-ны IV) и Побужья с конца среднего этапа. Однако орнаментальная схема "лицевых урн", наиболее широко представленная в описываемых памятниках, присуща более южнобугским поселениям типа Попудни, широко представлена она и на памятниках типа Владимировки [85, с. 49, рис. 2, 7].

Наиболее близкие аналогии амфорам обнаруживаются в поселениях владимировской группы (орнамент фестонами); часть сосудов с упрощенной схемой "Tangentenkreisband" близка сосудам аналогичной формы с поселения Петрены и Стена IV [99, с. 21; с. 99, рис. 2, 3].

Особо крупные биконические сосуды типа зерновиков бытуют в конце среднего и в начале позднего этапов в Побужье и в Пруто-Днестровском междуречье [116, с. 104; 85, с. 49; 99]. Однако орнаментальные схемы на сосудах южного пограничья Лесостепи в междуречье Днестра и Южного Буга, несмотря на основную схему, проявляют индивидуальные черты, не имеющие аналогий на сопредельных территориях. Также оригинальны орнаментальные композиции на сосудах с реповидным корпусом (рис. 13, тип IX), форма которых сходна с сосудами конца среднего, начала позднего этапа в Побужье [85, с. 49, рис. 2, 10].

Почти идентичны по форме и орнаментальным схемам сосудам из Петрен и других памятников этой группы кратеры. Орнаментальная композиция сближает их и с сосудами владимировской группы конца среднего этапа в Побужье [85, с. 50; 99, с. 21; 116, рис. 34; с. 104, рис. 59]. Близки памятникам Побужья и орнаментальные композиции, представленные на грушевидных сосудах.

Таким образом, в рассматриваемом регионе намечаются две группы памятников конца среднего — начала позднего Триполья. В первую входят поселения, на которых кроме расписной посуды имеется керамика с углубленным орнаментом. Эта группа синхронна поселениям 6-й ступени среднего Триполья в восточном ареале (типа Владимировки). Вторая группа объединяет поселения, на которых нет керамики с углубленным узором, а оформление расписной посуды позволяет отнести их к начальным ступеням Триполья С1 (3-я ступень, по Е.К.Черныш). Сочетание в керамических комплексах признаков, присущих памятникам западного (Прутско-Днестровского и Среднеднестровского) и восточного ареалов, в частности памятникам Побужья, по всей видимости, отражает сложную картину взаимосвязей племен трипольской культуры в начале позднего Триполья.

Индивидуальные черты орнаментальных композиций, не встречающихся на сопредельных территориях, позволяют говорить об особой локальной группе поселений, возникшей в контактной зоне между Южным Бугом и Днестром и существовавшей в конце среднего — начале позднего Триполья. Развитие трипольской культуры в данном регионе завершается уже на поселениях этапа С/П (например, поселение Калиновка). Насколько памятники различных этапов внутри региона связаны между собой генетически можно будет решить на основе будущих исследований.

**НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ
НА ЗАПАДЕ
ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ**

УСАТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК МАЯКИ

Могильник Маяки открыла экспедиция Одесского музея археологии, возглавляемая К.В.Зиньковским и Э.Ф.Пагоковой. В течение нескольких раскопочных кампаний 1974—1975 гг. здесь изучили большую группу захоронений, связанных с ранее известным усатовским поселением [57, с. 23—32]. В 1986 г. музей возобновил раскопки этих памятников: экспедиционный отряд В.Г.Петренко провел параллельные исследования погребений и остатков поселения. Обе экспедиции раскрыли примерно третью часть могильника. Усатовские погребения дали значительный материал, который требует по возможности полного опубликования. Такое издание необходимо, тем более что предварительные публикации могильника Маяки [73; 120; 121] вызвали заметный интерес специалистов к этому неординарному памятнику [1; 44; 74; 81; 108].

Могильник лежит за с.Маяки Беляевского р-на Одесской обл., южнее основных сооружений астрономической обсерватории Одесского университета и АН УССР и начинается в 200 м севернее соименного поселения. Оба памятника занимают мысовидный участок четвертой речной террасы, вдоль которой простирается левобережная пойма Днестра. Абсолютные высоты в районе захоронений составляют 16—17 м. Многие годы поле с могильником пашется: большой курган 1, известный еще картографам начала XIX в. [95, лист 22], превратился в растянутый плугом холм высотой около 100 см, а малые курганы, если и сохранились в рельефе, то возвышаются не более чем на 30 см (рис. 17, 1). Допускалось существование в Маяках наряду с курганами и многочисленных бескурганных захоронений [120]. Утверждали также, что бескурганных могил здесь нет [74, с. 26].

Для уточнения типа могильника мы воспользовались аэрофотоснимками*, которые выполнены еще в 1946 г. и хранятся на кафедре инженерной геологии Одесского университета. На снимках просматриваются следы древней грунтовой дороги к уса-

* За консультации по методике дешифровки благодарим Н.А.Волкову (Причерноморская геологоразведочная экспедиция АН УССР) и Н.П.Назарову (все ГИНГЕО).

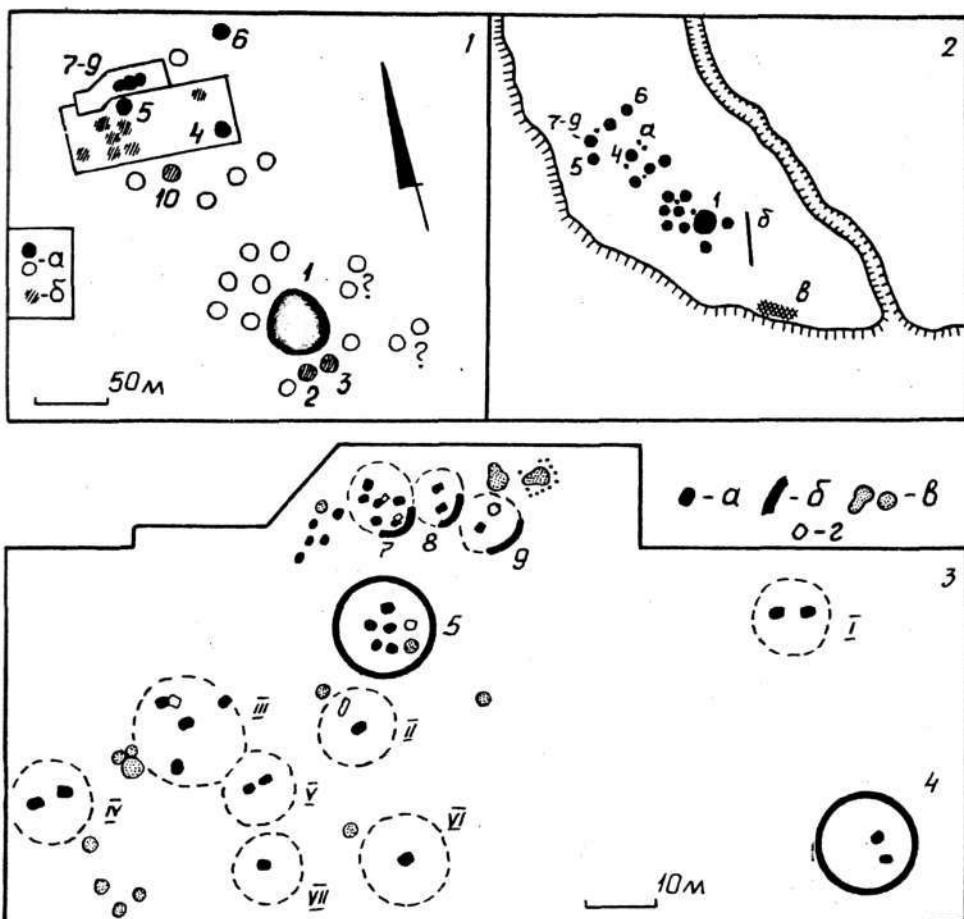

Рис. 17. Комплекс устовских памятников у с.Маяки:

1 – планировка могильника по данным раскопок и топосъемки (а – курганы, б – курганные или бескурганные могильные группы); 2 – планировка комплекса по данным аэрофотосъемки (а – жилища и ямы первых веков н.э., б – древняя грунтовая дорога, в – поселение); 3 – схема раскопок 1974–1975 и 1986 гг. (а – устовское погребение, б – ровик, в – яма первых веков н.э., г – впускное инокультурное погребение)

товскому поселению, 17 курганов и большие ямы (рис. 17, 2). Как проверено раскопками, ямы хозяйственные относятся к первым векам н.э., а курганы хотя и насыпаны над устовскими могилами, но иногда содержат и впускные захоронения скифо-сарматского времени и разных периодов бронзового века. Курганы занимают участок длиной с юга на север 250 м при ширине 100 м и на снимках выглядят светлыми пятнышками, часто с темным окаймлением на месте кольцевых ровиков. С курганами на аэрофотоснимках без труда отождествляются все те исследованные группы захоронений с несохранившимися насыпями, которые были окружены ровиками, а именно курганы 4, 5 (раскопки 1975 г.) и 6–9 (раскопки 1986 г.). Впрочем, малые курганы 7–9 просматриваются на фотографиях как сплошное пятно. Однако для курганов 2, 3 (раскопки 1975 г.) и 10 (раскопки 1986 г.), а также и устовских захоронений, группы которых раскрыты в 1975 г. и обозначены как комплексы I–VII (рис. 17, 3), подобрать дешифрующий признак не удалось. Они не видны, и это нуждается в объяснении.

На местности курганы 2–3 и 10 выявлены по всхолмлениям высотой до 30 см. Что же касается комплексов I–VII, то они и курганы 4–5 обнаружены после того, как для обсерватории на площади 130 x 50 м² сняли

слой почвы толщиной 40–50 см. Прежде над этими комплексами тоже, вероятно, были какие-то обозначения. Во всяком случае комплекс II содержал кроме усатовской могилы еще и сарматское погребение. Но являются ли комплексы I–VII курганами? Полной уверенности в этом быть не может.

Как утверждают некоторые археологи, почва на месте распаханых до основания курганов всегда выделяется светлым пятном потому, что плуг поднимает на поверхность материковый выброс возле основного захоронения. Однако известно, что увеличение мощности гумусового горизонта происходит путем постепенного гумусирования вертикального почвенного профиля [76] и поэтому под курганами слой чернозема тоньше, чем на открытых участках водоразделов. Считаем нужным обратить внимание еще и на то, как соотносятся уровни древней и современной дневной поверхностей (по данным курганов бронзового века Северо-Западного Причерноморья): они иногда совпадают, но обычно уровень погребенного чернозема немного выше. Так, в Маякском кургане 1 этот чернозем тоньше и выше (на 10–15 см) гумусового слоя за пределами насыпи. Соответственно негумусированный суглинок под древними насыпями тоже выше и плуг достигает его в первую очередь именно там, где когда-то стояли курганы.

Над комплексами I–VII и на месте так называемых курганов 2, 3 и 10 посветление грунта не наблюдалось. Видимо, здесь не было значительных участков погребенной почвы и, следовательно, больших насыпей. Возможно, эти могилы, расположенные поодиночке и группами возле курганов с ровиками, обозначались в древности индивидуальными земляными холмиками, которые позднее оплыли, слились один с другим и устроители впускных захоронений принимали их за курганы. Но это только предположение.

Могильник Маяки изучался не только методами археологии. Исследования антропологических коллекций включали половозрастные и краниометрические определения: находки 1974–1975 гг. обработал К.В.Зинковский, а в 1986 г. — И.Д.Потехина (Приложение 1). Кроме того, Ю.В.Загоруйко изучил серию черепов физико-техническими методами судебно-медицинской экспертизы и результаты этих работ частично уже опубликованы [74]. Трассологический анализ орудий труда выполнила Г.Ф.Коробкова. Кости животных определили В.И.Бибикова и Е.П.Секерская, материал украшений — А.С.Островерхов. Металлографические исследования провела Л.В.Конькова [81].

Материалы раскопок. Южная часть могильника. Курган 1 диаметром 30–50 м усеян известняковыми камнями, вероятно, от разрушенного плугом кромлеха. На месте рва вокруг насыпи виднелись ложбины, над которыми курган имел высоту 110 см. Высота кургана от горизонтальной поверхности поля 75 см. Под распаханными слоями насыпи сохранилось ее основание высотой 0,3 и диаметром 15 м из плотного, вероятно, тщательно утрамбованного в процессе укладки суглинка. Погребенный под насыпью чернозем начинался на глубине 65 см от репера. На такой же глубине в северной поле кургана лежали в ряд известняковые камни — часть кладки разрушенного кромлеха или какого-то другого сооружения. Ров в профиле напоминает воронку и заполнен гумусированным суглинком. Он имеет диаметр 35 м при ширине вверху 3,2 м, у дна — 1 м и опущен в суглинки на 2,3 м ниже древней дневной поверхности. Курган возведен над усатовским погребением 9 и культовой ямой 1 (рис. 18, 1), а позже использовался для инокультурных захоронений [73].

Погребение 9 (рис. 18, 2). Северо-восточная часть могилы разрушена современной землянкой. Могильная яма прямоугольная (230 x 130 см), глубина* 62–90(165) см, заполнена суглинком и черноземом. Над скелетом погребенного (мужчина, 40–45 лет) лежали деревянные плахи пере-

* Указывается глубина обнаружения верхнего края и полная глубина могильной ямы от современной поверхности поля, в скобках — глубина могилы от репера на вершине кургана.

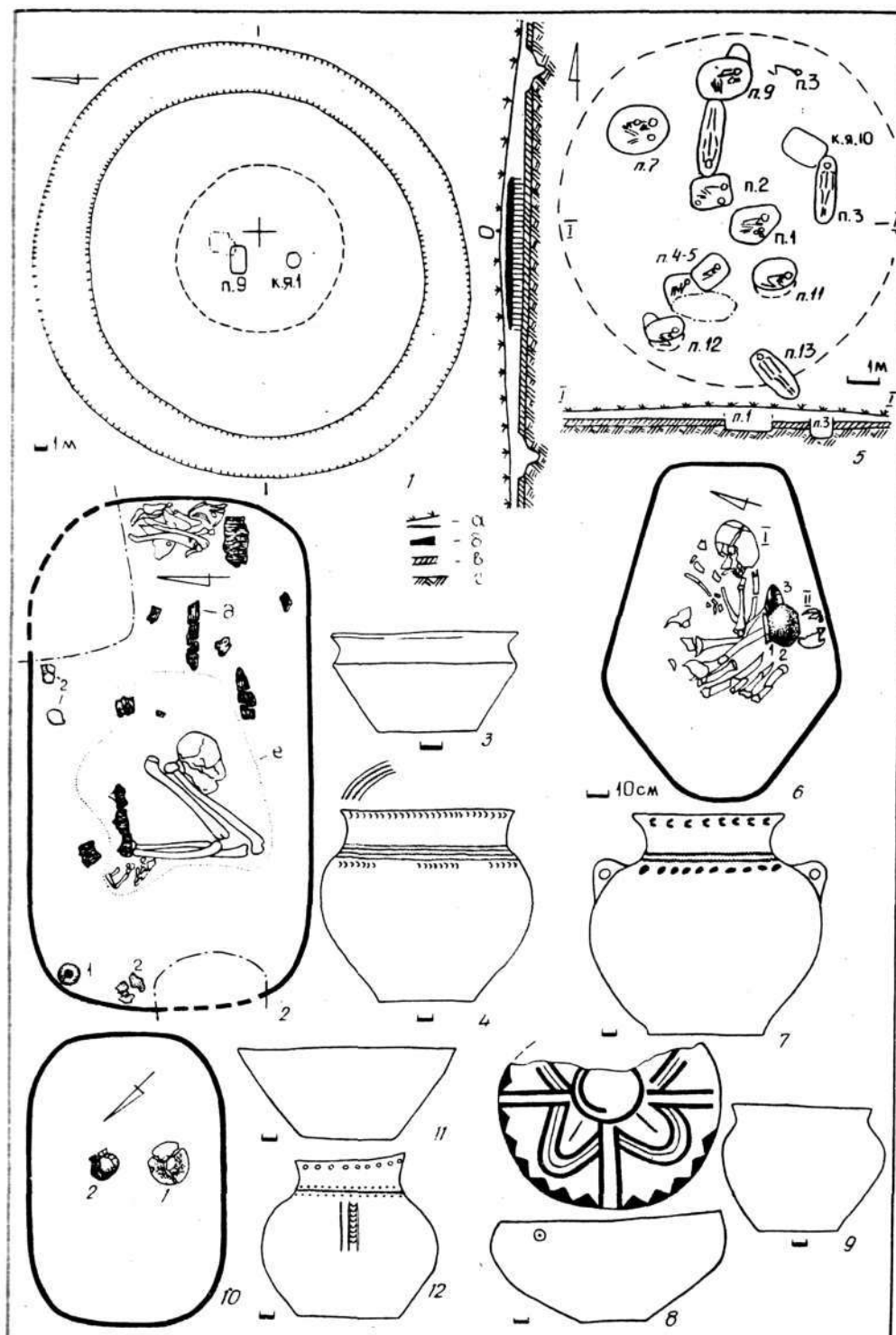

Рис. 18. Устовский могильник Маяки:

1 – план и разрез кург. 1 (впускные инокультурные погребения не показаны), 2–4 – п.9/1, 5 – план и разрез кург. 3, 6–9 – п.1/3, 10–12 – п.10/3 (здесь и далее: а – чернозем с растительным слоем, б – основание древней насыпи на погребенном черноземе, в – переходный суглинок, г – лессовидный суглинок, д – остатки деревянного перекрытия, е – глн подстилки)

крытия, которое обрушилось в могилу уже после того, как ее посетили грабители, проникшие через лаз, устроенный ими в западной части захоронения. На месте остались только кости ног скорченного скелета, который был ориентирован с запада на восток, и тлен подстилки. Кости таза сдвинуты и на них уложена черепная коробка. Остальные кости находились в беспорядке у восточной стены могилы. На черепе имеются полосы темно-фиолетовой краски. Было ли унесено что-то из заупокойного инвентаря — неизвестно. Найдена посуда из теста с толчеными ракушками и пятнистой поверхностью темно-серого и светло-коричневого цветов: 1) * мисочка (рис. 18, 2, 3); 2) горшок с узором из оттисков шнура и скобы (рис. 18, 4).

Культовая яма 1 овальная (120 x 110 см), глубина 30—45 (120) см. Плотное серое заполнение ямы содержит древесные угольки, комочки обожженной глины, гальки, черепки сосуда из теста с толчеными ракушками.

Курган (?) 2 — черноземное всхолмление высотой 0,3 и диаметром 10 м у южной полы кургана 1. Основное захоронение 2 в яме шириной 110, глубиной 65 (95) см прорезала сарматская могила 3. Ее засыпь содержала обломки костей конечностей и черепа ребенка возрастом около 10 лет, черепки сосуда из теста с толченой ракушкой.

Курган (?) 3 (рис. 18, 5) — черноземное всхолмление высотой 0,3 и диаметром 10 м. Усатовские могилы (1, 2, 4—5, 7, 9—12) заполнены необычайно плотным желтовато-серым суглинком.

Погребение 1 (рис. 18, 6). Могильная яма в плане ромбовидная (150 x 105 см), глубина 55—75 (105) см. Погребены двое — женщина в возрасте 40—45 лет (I) и годовалый ребенок (II). Скелет умершей лежал скорченно на левом боку, черепом к востоку (93°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. На левом надбровье полоса бурой краски, на конечностях — пятна коричневого тлена. От детского скелета обнаружен только череп. Посуда: 1) серая амфора из грубого теста с крупнотолчеными раковинами и узором из оттисков шнура и овальных вмятин (рис. 18, 7) лежала на сосуде 2 и коленях умершей; 2) подлощенный светло-коричневый горшок из теста с мелко толченой ракушкой (рис. 18, 9) стоял под амфорой; 3) перевернутая на бок половина чаши из отмученной глины с черной росписью (рис. 18, 8).

Погребение 2 (рис. 19, 1). Могила прямоугольная (120 x 80 см), глубина 55—90 (120) см. Пятилетний ребенок погребен скорченно на левом боку, головой к востоку (79°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. На своде черепа — полосы темно-бурой охры. На всех конечностях — следы тлена. Инвентарь: 1—4) глиняные антропоморфные статуэтки, на фигурке 1 видны остатки росписи в виде темно-бурых полосок и пятен (рис. 19, 6), на трех других статуэтках красной охрой затерт орнамент, фигурка 2 орнаментирована круглоконечным штампом (рис. 19, 7), фигурки 3 и 4 — тонкой трубочкой (рис. 19, 8, 9); 5) кремневый отщеп (рис. 19, 5); 6) медное шило (рис. 19, 4); 7) подлощенная миска (рис. 19, 3); 8) сосуд с оттисками шнура (рис. 19, 2). Оба сосуда светло-коричневые, из теста с толченой ракушкой.

Погребение 4—5 (рис. 19, 10). Могила глубиной 55—120 (150) см прямоугольная (120 x 100 см) с уступом. Он поврежден окопом и начинается на глубине 55—70 (100) см. Погребены двое. Скелет I (женщина, 60—70 лет) лежал на поклатом дне уступа и частично в заполнении могилы скорченно на правом боку, черепом на север-северо-восток (15°). Руки согнуты. Кисть левой руки находилась перед лицом, правой — возле левого колена, подтянутого к подбородку. На берцовых костях — следы красной охры. Скелет II (ребенок, 5—8 лет) лежал скорченно на левом боку, черепом к северо-востоку (53°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. На скелете и на грунте под черепом — пятна коричневого тлена. Инвентарь: 1) фраг-

* Позиция находки на плане погребения, см. (рис. 18, 2) и др.

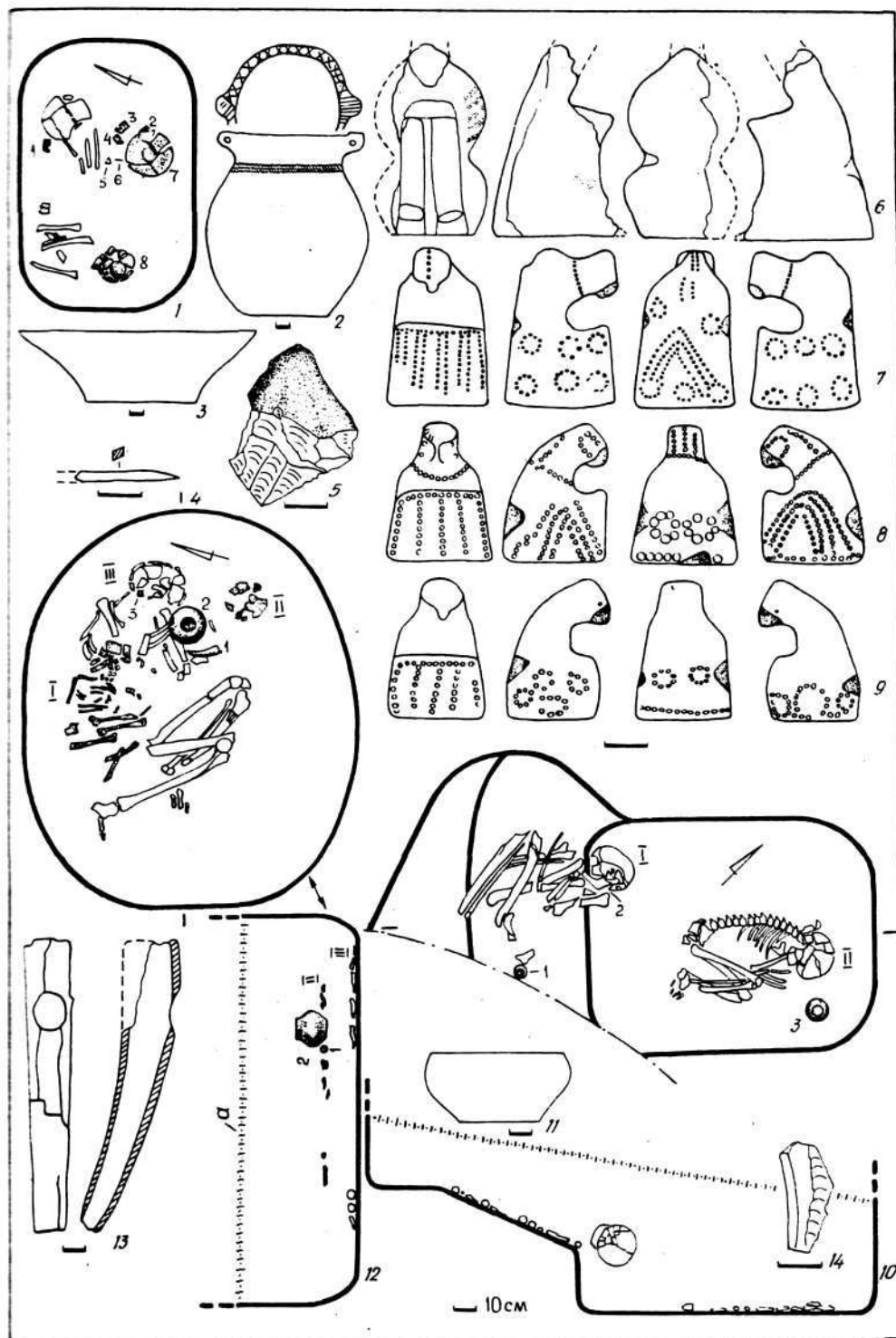

Рис. 19. Могильник Маяки:

1-9 - п.2/3, 10-11, 14 - п.4-5/3, 12-13 - п.7/3 (здесь и далее: а - граница грунтовой забутовки)

менты сосуда; 2) кремневый отщеп (рис. 19, 14); 3) перевернутая светло-коричневая лощеная чаша, окрашена малиновой охрой (рис. 19, 11). В тесте сосудов - мелкотолченые раковины.

Погребение 7 (рис. 19, 12). Могила овальная (175 x 155 см), глубина 40—90 (120) см. В заполнении найден обломок лощеного цилиндрического сосуда-кубка из теста с мелкотолченой ракушкой и узором из оттисков шнура и круглого штампа (рис. 20, 2). Погребены трое. Останки детей (I, II) и часть заупокойных приношений (1, 2) находились на 15—20 см выше дна ямы. Один скелет ребенка 5—7 лет лежал скорченно на левом боку, черепом к востоку (98°). Руки согнуты, предплечья параллельны бедренным костям. От младшего ребенка (2—5 лет) сохранились обломки черепа, остальные кости, вероятно, истлели. Третий скелет женщины в возрасте 20—25 лет, лежал на дне ямы скорченно на левом боку, черепом на восток (98°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. На лобной и лицевых костях — следы бурой охры. На черепе найден сосудик. Инвентарь: 1) роговая мотыжка (?) (рис. 19, 13); 2) амфора с оттисками шнура, на дне — отпечаток циновки, под венчиком — ряд отверстий, в тесте — толченые раковины (рис. 20, 1); 3) сосудик с врезным и штамповым орнаментом, в тесте — песчинки (рис. 20, 3). Посуда светло-коричневая, подлощена.

Погребение 9 (рис. 20, 4). Могильная яма овальная (190x160 см), глубина 50—107 (137) см, глубина уступа 50—70 (100) см. Погребены двое. Скелет I (женщина, 20—25 лет) лежал скорченно на спине с разворотом на левый бок, черепом к востоку (95°). Руки согнуты, предплечья уложены на грудь. Лицом к лицу с умершей покоились останки годовалого ребенка (II), он похоронен скорченно на правом боку, теменем к востоку. Инвентарь — серо-коричневая посуда из теста с толчеными ракушками: 1) миска (рис. 20, 6); 2) амфора со следами лощения и узором из оттисков шнура и круглого штампа, с отпечатком циновки на дне (рис. 20, 7); 3) прямоугольная мисочка с насечками по венчику находилась на голених скелета I (рис. 20, 5).

Культовая яма 10 (рис. 18, 10) глубиной 55—87 (117) см подпрямоугольная (130x90 см), ориентирована в длину с северо-запада на юго-восток. На дне находилась керамика серого и светло-коричневого цветов со следами лощения: 1) миска из теста с толчеными ракушками (рис. 18, 11); 2) горшок с затертым красной охрой узором из шнуровых, круглых и дуговидных оттисков, под венчиком — ряд отверстий, в тесте — мелкотолченые раковины и песчинки (рис. 18, 12).

Погребение 11 (рис. 20, 8). Овальная могильная яма глубиной 55—140 (170) см имеет подбой высотой 80 см. Размер верхней части могилы 145x85 см, дна — 145x100 см, скелет мужчины 25—30 лет лежал скорченно на левом боку, черепом на восток (86°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. На своде черепа — следы красной охры, на конечностях — пятна тлена. Инвентарь отсутствует.

Погребение 12 (рис. 20, 9). Овальная могильная яма глубиной 60—150 (180) см имеет подбой высотой 65 см и уступ. Размер верхней части могилы 130x75 см, нижней — 130x115 см. Размер уступа 40x40 см, глубина 60—110 (140) см. Погребенный мужчина 50—60 лет лежал скорченно на левом боку, головой к востоку (82°). Руки согнуты. Левая кисть — перед лицом, правая уложена в локтевой сгиб левой руки. На своде черепа — полосы бурой охры, на конечностях — пятна тлена. Инвентарь: чернолощенная амфора 1, окрашена снаружи красной охрой, узор — круглые и шнуровые оттиски (рис. 20, 11); внутри амфоры находился лощенный коричневый кубок с отверстиями под венчиком и оттисками шнура (рис. 20, 10). Орнамент сосудов инкрустирован белой пастой.

Северная часть могильника. Курган 4 имел ровик диаметром 15,8 м, шириной 0,8 и глубиной 1 м. Стенки ровика отвесные, дно закруглено. Ровик и могилы заполнены гумусированным суглинком (рис. 20, 12).

Погребение 1 (рис. 21, 1). Могила прямоугольная (200x150 см), глубина 45—140 см. Скорченный (на левом боку?) скелет ребенка возрас-

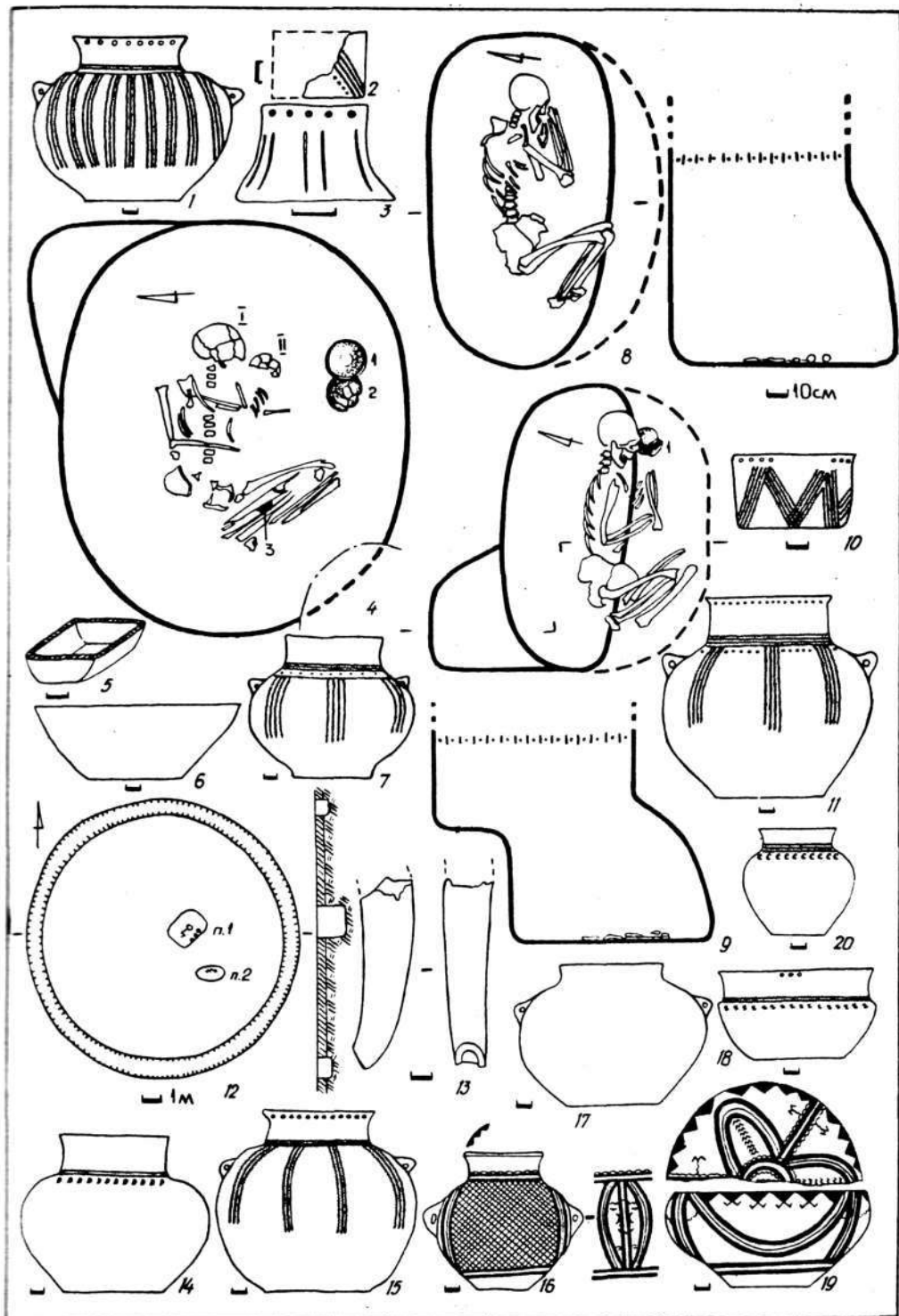

Рис. 20. Могильник Маяки:
 1-3 - п.7/3, 4-7 - п.9/3, 8 - п.11/3, 9-11 - п.12/3, 12 - план и разрез основания
 кург. 4, 13-19 - п.1/4, 20 - п.2/4

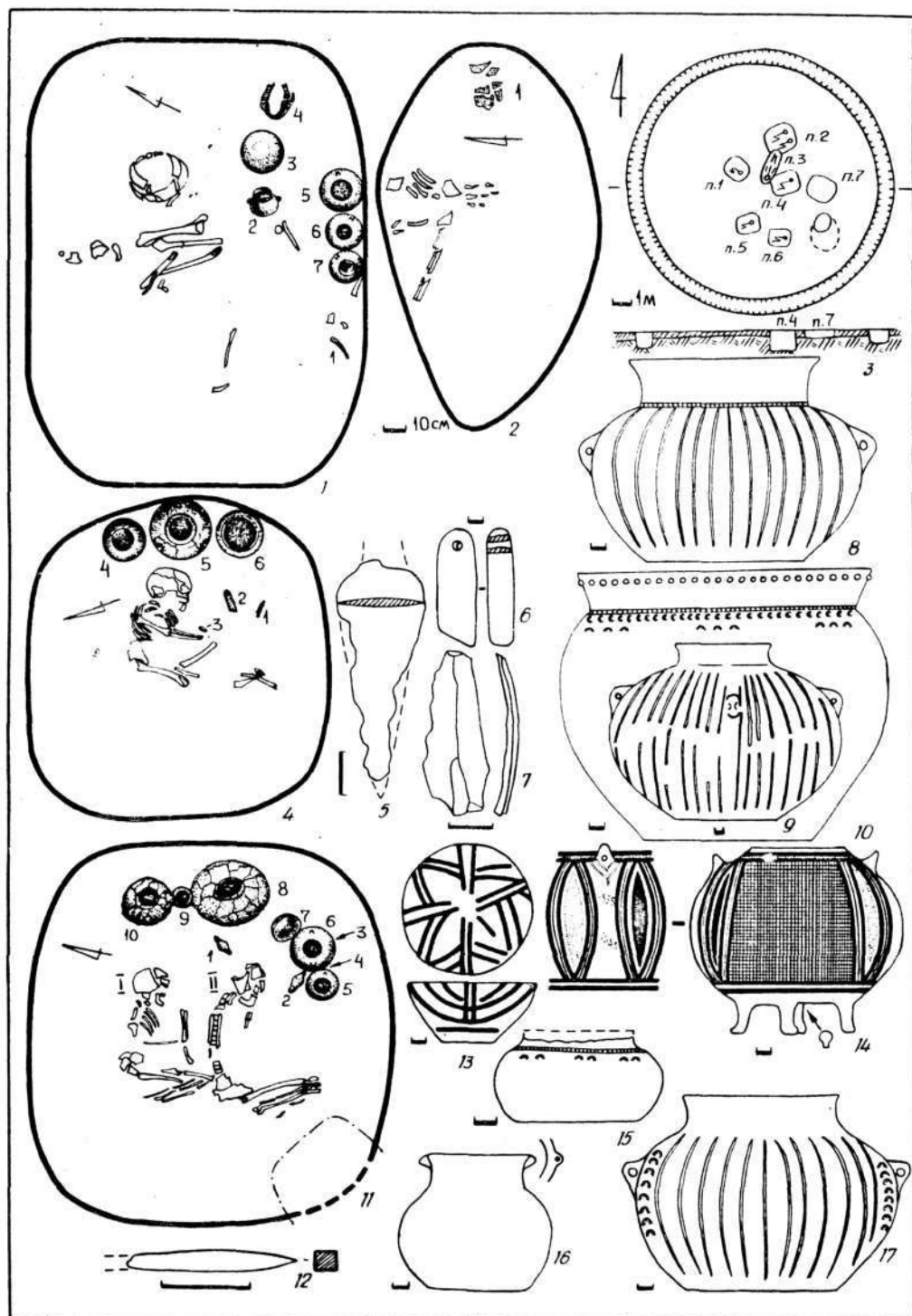

Рис. 21. Могильник Маяки:

1 — п.1/4, 2 — п.2/4, 3 — план и разрез основания кург. 5, 4-10 — п.1/5, 11-17 — п.2/5

том около 10 лет ориентирован на восток-северо-восток (65°). На лобной кости — треугольное пятно и полосы красновато-бурой охры. Инвентарь: 1) обломок роговой мотыжки (?) (рис. 20, 13); 2-3) расписные сосуды — амфора (рис. 20, 16) и перевернутая чаша (рис. 20, 19); 4) миска с отвер-

ствием под венчиком и узором из двойных оттисков штампа с неровными краями и шнура (рис. 20, 18); 5) лощеная красновато-коричневая амфора (рис. 20, 17); 6) коричневая лощеная амфора с оттисками шнура, под венчиком — ряд отверстий, на дне — отпечатки дощечек (рис. 20, 15); 7) горшок из крохкого теста с бугристыми стенками и узором из шнуровых и полукруглых оттисков (рис. 20, 14). Сосуды 4 и 7 темно-серого и светло-коричневого цветов, в тесте сосудов 4—7 — толченые раковины.

Погребение 2 (рис. 21, 2) разрушено скрепером. Овальная яма (175x100 см) глубиной 48 см ориентирована в длину с запада на восток. Найдены обломки костей взрослого человека и фрагменты серого сосуда 1 с отпечатками шнура и серпиков (изогнутых оттисков перевитого шнура); в тесте сосуда — толченые раковины (рис. 20, 20).

Курган 5 находился в 56 м к северо-западу от кургана 4, имел ровик диаметром 15, шириной 0,75 и глубиной 0,95 м. Стенки ровика отвесные, дно закруглено. Ровик и усатовские могилы (1, 2, 4—6) заполнены гумусированным суглинком (рис. 21, 3).

Погребение 1 (рис. 21, 4). Могила подпрямоугольная (145x135 см) глубиной 45—90 см. Скелет ребенка 10—12 лет лежал скорченно на левом боку, черепом на юго-восток (125°). Руки вытянуты перед грудной клеткой. На скелете — пятна бурой охры и тлен. Инвентарь: 1) бронзовый нож (рис. 21, 5); 2) оселок (рис. 21, 6); 3) кремневая пластина (рис. 21, 7); 4) светло-коричневая лощеная амфора, узор — опоясывающий отпечаток перевитого шнура и врезные линии, на дне — отпечаток цинковки (рис. 21, 8); 5) амфора с четырьмя ручками и врезным орнаментом, пористая от выгоревших примесей, красноватая снаружи и светло-коричневая внутри (рис. 21, 9); 6) подлощенный горшок серого и светло-коричневого цветов, тесто пористое, орнамент — "жемчужины", выдавленные стержнем изнутри сосуда по сырой глине, опоясывающий отпечаток перевитого шнура и серпиков (рис. 21, 10). В тесте сосудов — мелкотолченые раковины.

Погребение 2 (рис. 21, 11). Могила подпрямоугольная (175x160 см) глубиной 45—65 см. Двое детей (7—10 лет) погребены скорченно на левом боку, черепами к востоку (85°). У скелета I левая рука вытянута вдоль туловища, предплечье правой руки уложено поперек грудной клетки. Плечевые кости скелета II параллельны позвоночнику, предплечья не сохранились. Инвентарь: 1—3) керамические антропоморфные статуэтки с узором из прочерченных линий и наколов треугольного в сечении острия (рис. 22, 1—3), фигурка 3 находилась под сосудом 6, орнамент фигурки 1 (рис. 22, 3) и фигурки 3 (рис. 22, 1) инкрустирован белой пастой, в тесте фигурки 2 (рис. 22, 2) — крупинки охры; 4) медное шило (рис. 21, 12); 5) красновато-коричневый сосуд с двумя ушками на венчике (рис. 21, 16); 6—7) зооморфный сосуд с росписью черной и красной красками и крышечка-чаша к нему с черной росписью (рис. 21, 13, 14); 8) светло-коричневая амфора с узором из опоясывающих оттисков перевитого шнура и серпиков расслоилась; 9) светло-коричневый горшок, орнамент — опоясывающий отпечаток перевитого шнура, серпики (рис. 21, 15); 10) коричневая амфора, узор — врезные линии и серпики (рис. 21, 17). В тесте сосудов 5, 8—10 — толченые ракушки. Три сосуда (5, 9, 10) лощеные.

Погребение 4 (рис. 22, 4). Могила прямоугольная (155x130 см) глубиной 45—80 см. Скорченный (на левом боку?) скелет ребенка лет семи лежал в восточной ориентировке. Инвентарь: 1) перевернутая вверх дном амфора из отмученной глины (рис. 22, 6); 2) лощеный горшок серо-коричневого цвета с отпечатками перевитого шнура (опоясывающий отпечаток, серпики и короткие вертикальные отпечатки — гусенички), в тесте — толченые раковины (рис. 22, 7); 3) сосуд с черной и красной росписью (рис. 22, 5); 4) две бусины из черного гагата (рис. 22, 14) найдены среди костей черепа.

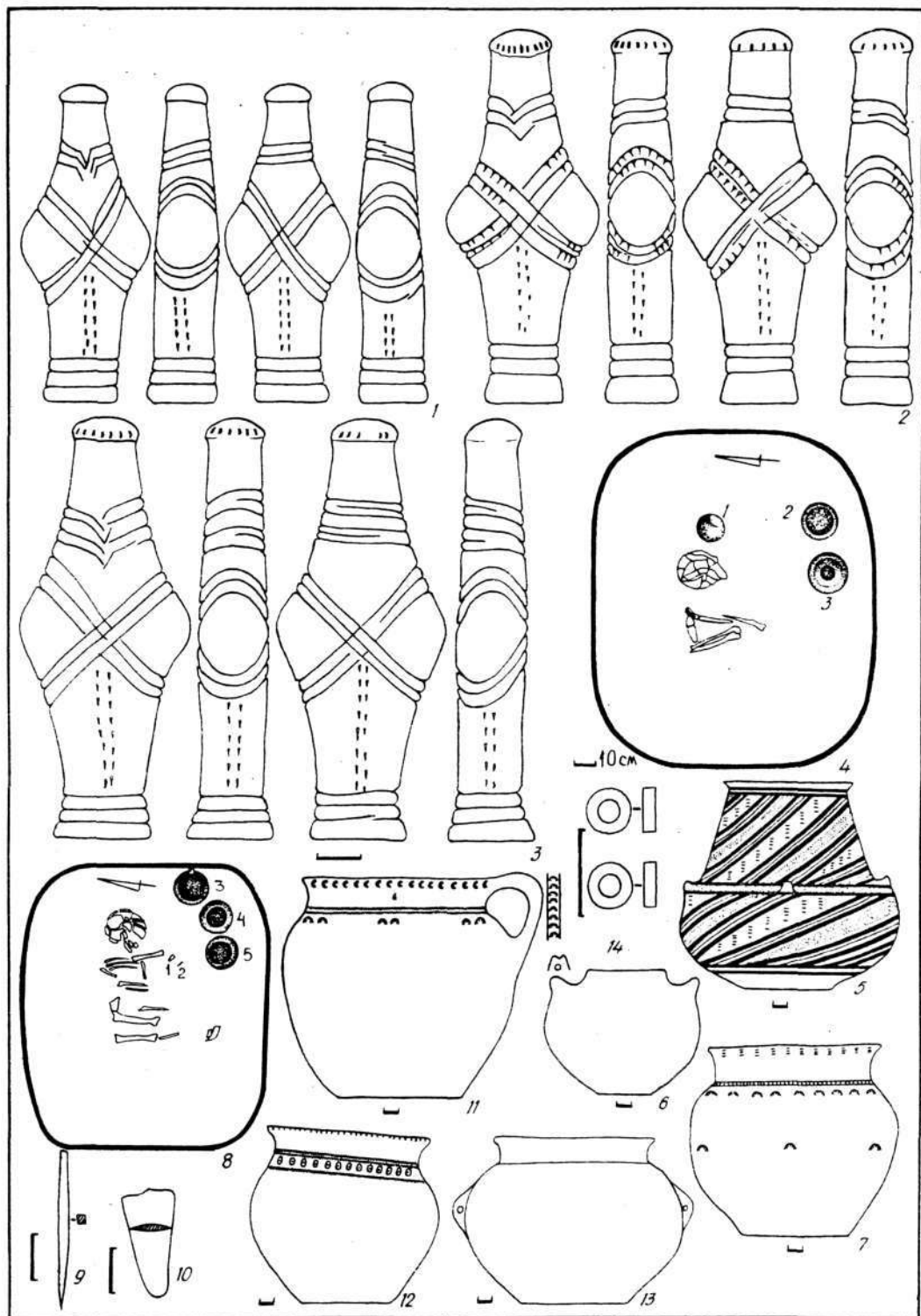

Рис. 22. Могильник Маяки:
 1-3 - п.2/5, 4-7, 14 - п.4/5, 8-13 - п.5/5

Погребение 5 (рис. 22, 8). Могила прямоугольная (130x115 см) глубиной 45–85 см. Скелет ребенка 8–10 лет лежал скорченно на левом боку, черепом на восток (82°). Правое предплечье уложено параллельно безречным костям, остальные кости рук не сохранились или смещены. Скелет покрыт пятнами тлена. На своде черепа — следы темно-бурой краски. Инвентарь: 1) медная или бронзовая пластина — обломок ножа (?) (рис. 22, 10); 2) медное шило (рис. 22, 9); 3) сосуд из пористого теста с оттисками шнура и серпиков (рис. 22, 11); 4) лощеная амфора (рис. 22, 13); 5) горшок с узором из насечек, оттисков шнура и трубки (рис. 22, 12). Посуда светло-коричневая, в тесте — толченые ракушки.

Погребение 6 (рис. 23, 1). Могила прямоугольная (120x100 см) глубиной 45–55 см. Скорченный (на левом боку?) скелет ребенка не старше 7 лет ориентирован на восток-северо-восток. Инвентарь — подлощенная керамика светло-коричневого и серого цветов с примесью толченых ракушек: 1) амфора с врезным орнаментом (рис. 23, 2); 2) горшок с узором из серпиков, оттисков шнура и трубки (рис. 23, 3).

Комплекс I (рис. 23, 4) обнаружен в 27 м к северу-северо-западу от кургана 4. Здесь и в других комплексах могилы заполнены плотным гумусированным суглинком.

Погребение 3 (рис. 23, 8). Могила прямоугольная (180x140 см) глубиной 50–115 см. Скорченный скелет мужчины 25–30 лет лежал на спине с разворотом на левый бок, черепом на восток (95°). Кисти рук поднесены к лицу. Скелет покрыт пятнами тлена. Лобная кость окрашена красной охрой. Инвентарь: 1) бронзовый кинжал (рис. 23, 6); 2) оселок (рис. 23, 7); 3) горшок светло-коричневого и темно-серого цветов с узором из оттисков шнура и серпиков, в тесте — толченые раковины (рис. 23, 5).

Погребение 4 (рис. 23, 11). Могила прямоугольная (170x130 см) глубиной 50–95 см. Скорченный скелет ребенка 12–14 лет лежал на левом боку, черепом на восток (92°). Правое предплечье протянуто к локтю левой руки, которая согнута и уложена перед лицом. На костях конечностей — пятна тлена. Инвентарь: 1) чаша светло-коричневого и темно-серого цветов из теста с песчинками и отверстиями под венчиком (рис. 23, 9); 2) горшок с черной росписью (рис. 23, 10).

Комплекс II содержал усатовское захоронение 1 в 6 м южнее ровика кургана 5 (рис. 23, 12). Юго-западнее кургана 5, в заполнении грушевидной в разрезе античной (?) ямы 2 найдены окрашенные охрой обломки черепа взрослого человека и стенка усатовского сосуда.

Погребение 1 (рис. 23, 13). Могила подпрямоугольная (160x110 см) глубиной 50–90 см. Скорченный скелет юноши лежал на спине с разворотом на левый бок, черепом на восток-северо-восток (70°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. В левой руке погребенного находился сосуд 1 из керамики с толчеными ракушками (не реставрируется). На своде черепа — следы бурой охры.

Комплекс III из четырех усатовских могил и одного разрушенного погребения 7 (рис. 23, 14) находился в 25–27 м к западу-юго-западу от кургана 5.

Погребение 5 (рис. 23, 17). Могильная яма глубиной 50–70 см в плане близка к овалу (190x145 см). Погребены двое — женщина (I) и мужчина (II) в возрасте 25–30 лет. Первый скелет лежал скорченно на спине с разворотом на левый бок, черепом на восток (82°). Левая рука слегка согнута и уложена вдоль туловища, правая согнута под прямым углом и находилась на грудной клетке. Левая скула окрашена темно-красной охрой. Другой скелет лежал скорченно на левом боку, черепом на восток-северо-восток (74°). Руки протянуты к коленям. На своде и лицевой части черепа — полосы и пятна красной, темно-красной, оранжевой и малиновой охры. Инвентарь: 1) кремневая трапеция (рис. 23, 15); 2) сосуд (не реставрируется); 3) горшок светло-коричневого и темно-серого цветов с от-

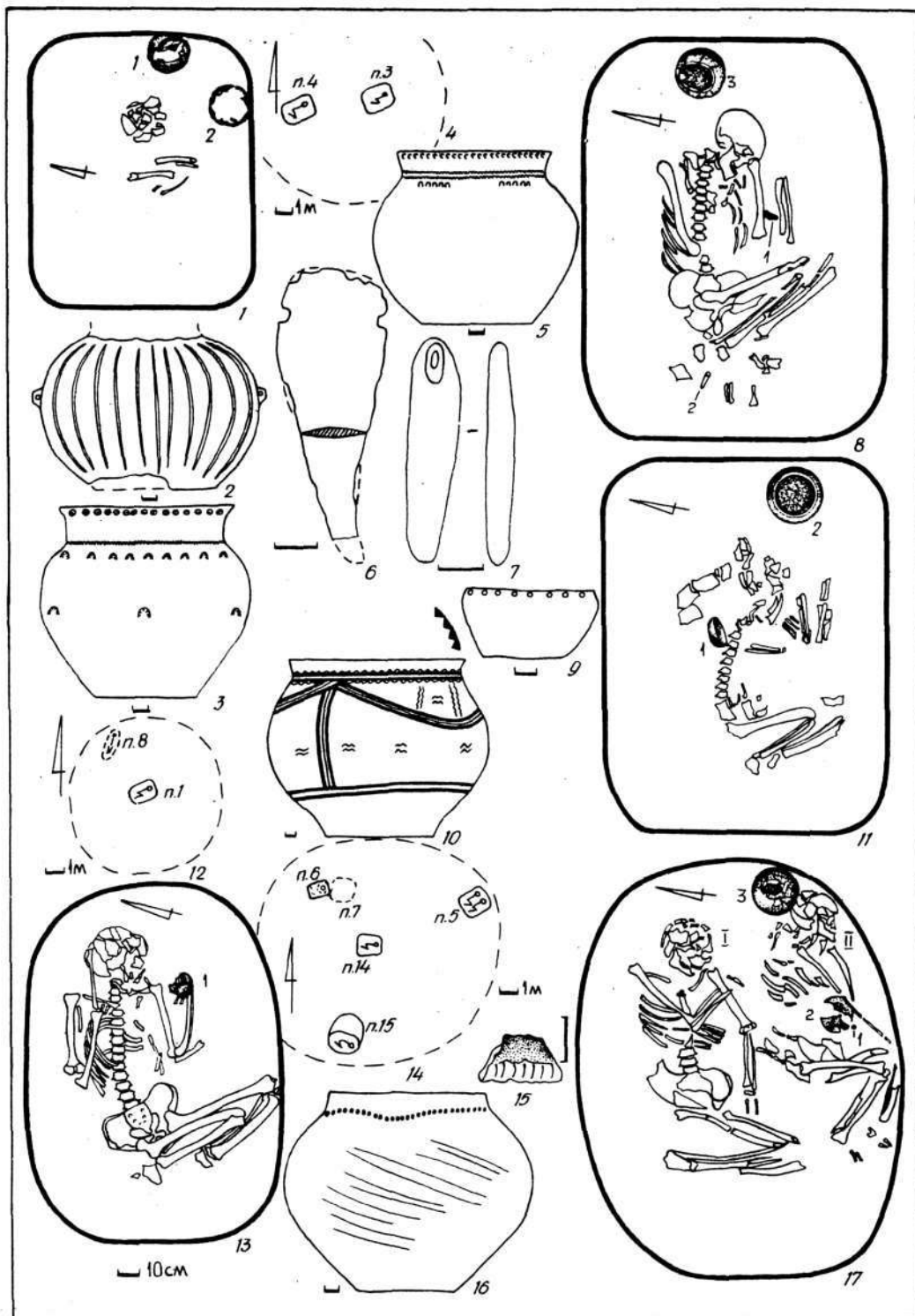

Рис. 23. Могильник Маяки:
 1-3 - п.6/5, 4 - план комплекса I, 5-8 - п.3/I, 9-11 - п.4/I,
 12 - план комплекса II, 13 - п.1/II, 14 - план комплекса III, 15-17 - п.5/III

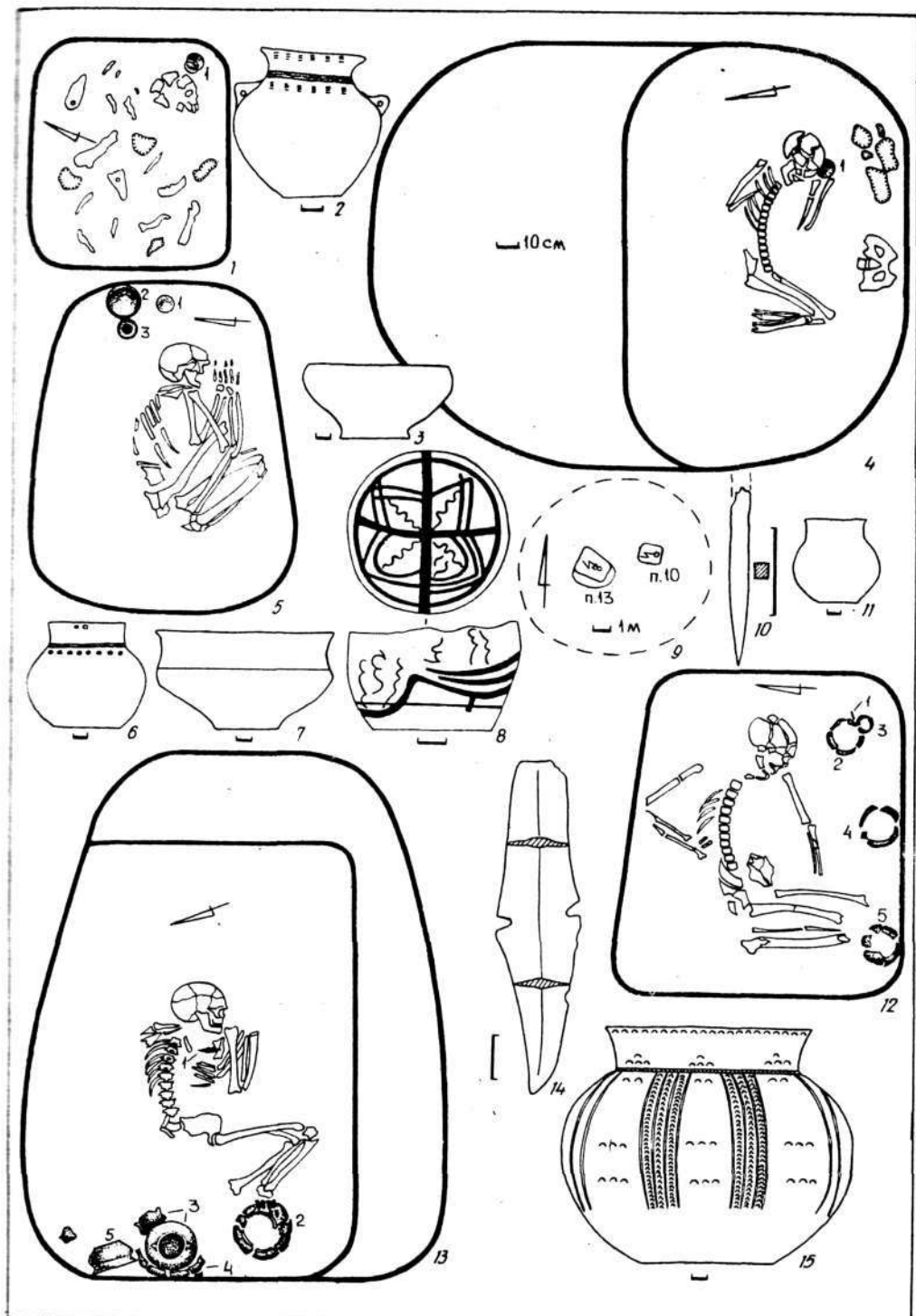

Рис. 24. Могильник Маяки:

1-2 - п.6/III, 3-4 - п.15/III, 5-8 - п.14/III,
9 - план комплекса IV, 10-12 - п.10/IV, 13-15 - п.13/IV

тисками овального штампа (рис. 23, 16). Керамика содержит примесь толченых раковин.

Погребение 6 (рис. 24, 1). Могила прямоугольная (100x90 см) глубиной 50-90 см. Заполнение насыщено известняковыми камнями, облом-

ками крупных трубчатых костей лошади и домашнего быка. На 10 см выше дна могилы найдены амфора 1 и череп без нижней челюсти (ребенок, 5—10 лет) с пятнами красной охры на своде, обращенный теменем на восток-северо-восток. Амфора светло-коричневая, с орнаментом из оттисков шнура и гусеничек, в тесте — толченые ракушки (рис. 24, 2).

Погребение 14 (рис. 24, 5). Могильная яма трапециевидная (150x90—120 см) глубиной 50—100 см. Скорченный скелет женщины (25—35 лет) лежал на левом боку, головой на восток (92°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. На лобной и лицевых костях — полосы красновато-бурой охры. Инвентарь: 1) чаша с черной росписью (рис. 24, 8); 2) миска светло-коричневого и темно-серого цветов (рис. 24, 7); 3) коричневый горшок с оттисками шнура и трубки, под венчиком — отверстия, на дне — отпечаток циновки (рис. 24, 6). Сосуды 2 и 3 лощеные, в тесте — мелкотолченые раковины и песчинки.

Погребение 15 (рис. 24, 4). Овальная могила (180x120 см) глубиной 50—140 см имеет вдоль северной стенки (высотой 50 см) уступ шириной 120 см. В заполнении на глубине 100—110 см обнаружены мелкие известняковые камни, окрашенный охрой шейный позвонок лошади, фрагменты керамики с толченой ракушкой. Скорченный скелет юноши лежал на спине с разворотом на левый бок, черепом на восток-юго-восток (120°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. В левой руке погребенный держал светло-коричневую чашу 1 из грубого теста с крупнотолчеными ракушками (рис. 24, 3).

Комплекс IV с двумя захоронениями (рис. 24, 9) обнаружен в 7—9 м юго-западнее могил комплекса III.

Погребение 10 (рис. 24, 12). Могильная яма трапециевидная (150x100—120 см) глубиной 50—70 см. Скорченный скелет женщины (35—55 лет) лежал на спине с разворотом на левый бок, черепом на восток (98°). Левая рука почти прямая, кисть находилась возле бедренных костей. Правая рука согнута, кисть уложена в области живота. Инвентарь: 1) медное шило (рис. 24, 10); 2) амфорка из отмученной глины; 3—5) сосуды из глины с толчеными раковинами. Горшок 4 восстановлен графически (рис. 24, 11), другие сосуды рассыпались.

Погребение 13 (рис. 24, 13). Трапециевидная могила (200x125—150 см) глубиной 50—115 см имеет уступ шириной около 40 см, устроенный вдоль двух смежных стенок высотой 20 см. Скорченный скелет мужчины 30—35 лет покрыт пятнами тлена, лежал на левом боку с разворотом туловища на грудь, черепом на восток — юго-восток (122°). Руки согнуты, кисти поднесены к лицу. На своде черепа — следы темно-бурой охры. Инвентарь: 1) медный кинжал (рис. 24, 14); 2) горшок, орнамент — врезные линии и отпечатки перевитого шнура (опаляющийся оттиск, серпики, уголки) — затерт белой пастой, на дне — отпечаток циновки (рис. 24, 15); 3) амфора и крышка к ней с черной и красной росписью (рис. 25, 1); 4) лощеный горшок с отпечатками шнура и "жемчужинами", в четырех местах шнуровой орнамент перекрывают по три маленьких прямоугольных налета, тесто пористое, на дне — оттиск циновки (рис. 25, 2); 5) миска с оттисками серпиков и гусенички (рис. 25, 3). Сосуды 2, 4 и 5 из теста с толчеными раковинами, светло-коричневые и темно-серые. Черепки от этих сосудов встречались и среди костей скелета.

Комплекс V содержал два захоронения (рис. 25, 4) в 9 м юго-западнее могил комплекса II. Погребение 11 (рис. 25, 12). Могильная яма овальная (110x70 см) глубиной 50—70 см. От разрушенного землероями скелета ребенка сохранились только обломки черепа. Вероятно, погребенный был ориентирован с запада на восток. Инвентарь: 1) чернолощенный кубок с отверстиями под венчиком (рис. 25, 10); 2) горшок из пористого теста с толчеными раковинами, орнамент — оттиски скобы и квадратного штампа (рис. 25, 11); 3) амфора с отверстиями под венчиком и узором из насе-

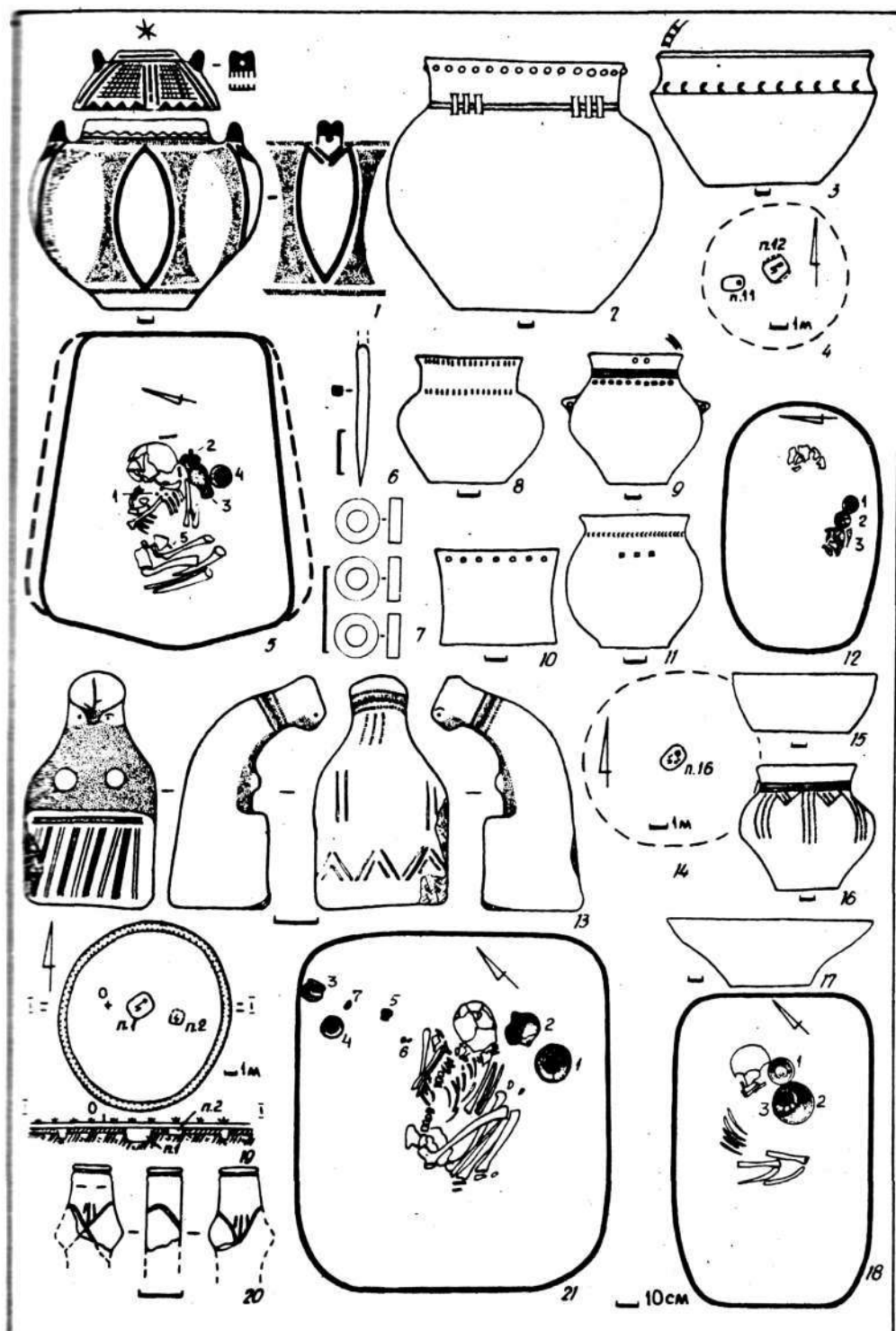

Рис. 25. Могильник Маяки:
 1-3 - п.13/IV, 4 - план комплекса V, 5-8, 13 - п.12/V, 9-12 - п.11/V,
 14 - план комплекса VII, 15-18 - п.16/VII, 19 - план и разрез кург. 6, 20-21 - п.1/6

чек, оттисков шнура и трубки (рис. 25, 9). Сосуды 2 и 3 светло-коричневые. Тесто сосудов 1 и 3 содержит мелкотолченые раковины и песчинки.

Погребение 12 (рис. 25, 5). Могильная яма в плане трапециевидная глубиной 50—85 см. Длинные стенки могилы наклонные: размер ямы сверху 140 × 110 см, у дна — 140 × 130 см. Скорченный скелет ребенка 7—10 лет лежал на левом боку, черепом на восток-северо-восток (75°). Кисти рук поднесены к лицу. На костях конечностей — пятна глена. Инвентарь: 1) четыре бусины (одна утрачена) из черного гагата (рис. 25, 7); 2—3) покрашенные охрой глиняные антропоморфные статуэтки находились в руках умершего, большая статуэтка 3 с полую головой [74, рис. 5] — своеобразный антропоморфный сосуд (фото 1) — лежала лицом вниз, малая фигурка (рис. 25, 13) — на спине, под грудью и головой большей статуэтки; 4) светло-коричневый сосуд с оттисками плоского штампа, внутри — натеки темно-красной охры, в тесте — толченые раковины (25, 8); 5) медное шило (рис. 25, 6).

Комплекс VI содержал одно, возможно, усатовское погребение 9, разрушенное скрепером. Могильная яма прямоугольная (200 × 90 см) глубиной 50—55 см. Скорченный скелет взрослого человека лежал на спине с наклоном на правый бок, черепом на северо-восток (55°). На своде черепа — следы красной охры.

Комплекс VII содержал одно усатовское захоронение (рис. 25, 14) в 19 м южнее кургана 5. Погребение 16 (рис. 25, 18). Могила прямоугольная (140 × 90 см) глубиной 50—70 см. Скорченный скелет ребенка 7—12 лет лежал на левом боку, черепом на северо-восток (53°). Положение рук не прослежено. На черепе и костях ног — пятна глена, на нижней челюсти — полосы охры бурого цвета. Инвентарь: 1—2) светло-коричневые чаши из крохкой керамики с толчеными раковинами (рис. 25, 15, 17); 3) темно-серый лощеный горшок стоял в чаше 2, шнуровой орнамент затерт белой пастой, в тесте — мелкотолченые раковины и песчинки (рис. 25, 16).

Курган 6 в могильнике самый северный (рис. 17, 1). Насыпь не сохранилась. Курган имел ровик диаметром 15—17 м, шириной 0,4—0,5 и глубиной 1,55 м. Стенки ровика отвесные, дно ровное, заполнение — желтовато-серый суглинок. Местами на дне лежал чернозем с вкраплениями суглинка (рис. 25, 19).

Погребение 1 (рис. 25, 21). Могильная яма прямоугольная (160 × 135 см) глубиной 60—135 см. До глубины 120 см могила заполнена необычайно плотным серовато-коричневым суглинком с включениями карбонатных стяжений ("белоглазки"), ниже — плотным черноземом с вкраплениями суглинка. Скорченный скелет женщины 16—18 лет лежал на спине с разворотом на левый бок, черепом на восток-северо-восток (64°). Кисти рук поднесены к лицу. Причем пальцы правой руки были сложены "щепотью", а кисть повернута так, что угол в запястье прямой. На всех костях и на дне могилы под ними — глен с пятнами темно-фиолетовой краски. На метафизах длинных костей конечностей глен и краска отложились поперечными полосами шириной 2,5—3 см, расположенными с интервалом 1—1,5 см. Инвентарь: 1) горшок с оттисками шнура, снаружи слой сажи (рис. 26, 1); 2) амфора, снаружи на стенках — пятна сажи и красной охры (рис. 26, 4), в сосуде находилась деревянная палочка длиной 3 см; 3) горшок (дно могилы под ним посыпано красной охрой), снаружи — пятна красной охры, внутри — коричневый осадок (рис. 26, 6); 4) перевернутая чаша (рис. 26, 5), сосудом был накрыт истлевший кусочек дерева; 5—6) чаши (рис. 26, 2, 3); 7) обломок светло-серой антропоморфной статуэтки с врезным орнаментом, в керамическом тесте — песчинки, фигурка лежала лицом вниз, головой на северо-восток (рис. 25, 20). Вся посуда светло-коричневая, но разных оттенков; причем цвет становится все более насыщенным по мере увеличения размеров изделий. Керамическое тесто содержит песчинки и мелкотолченые раковины. Сосуды 2—4 лощеные.

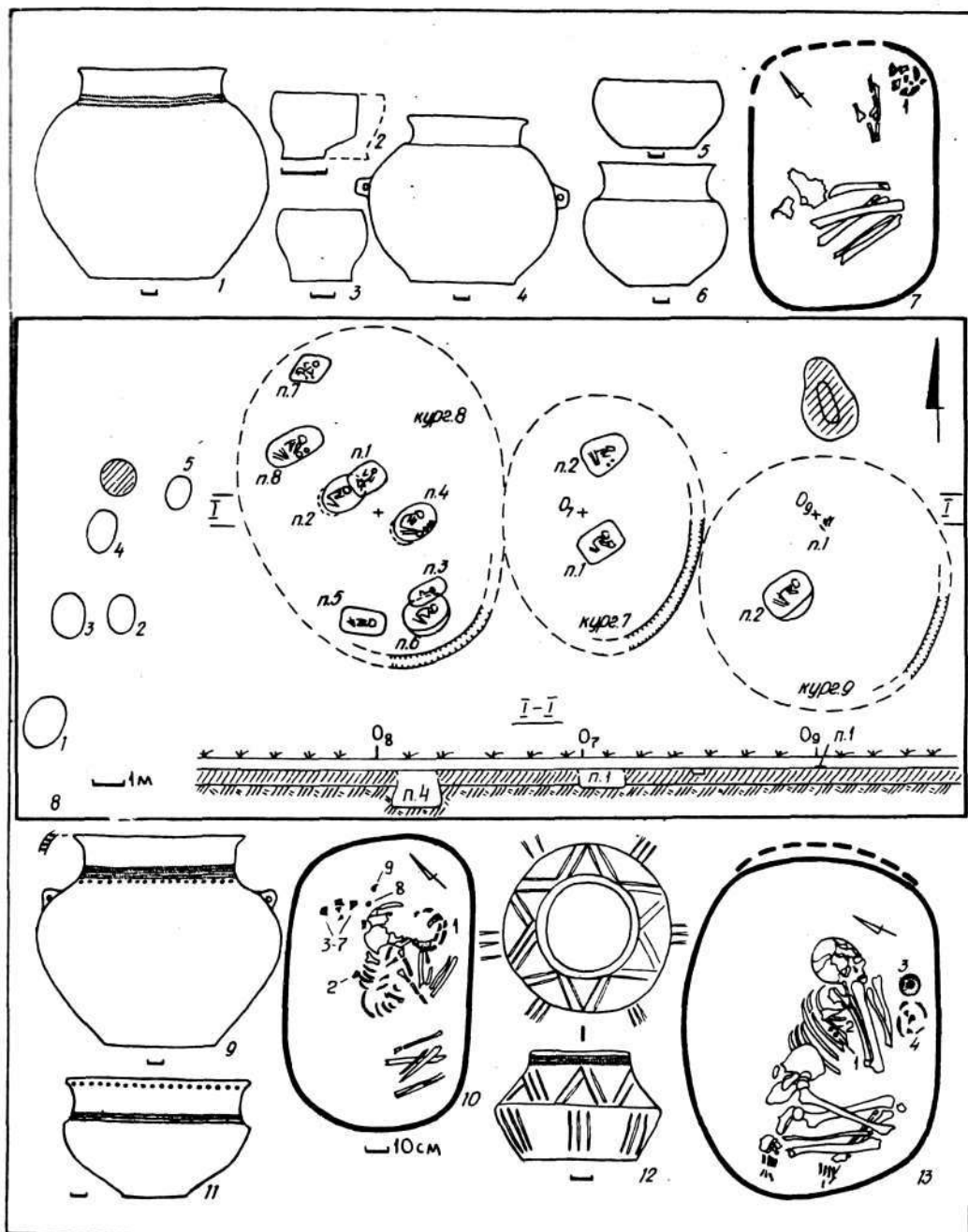

Рис. 26. Могильник Маяки:
1-6 - п.1/6, 7 - п.2/6, 8 - схема раскопа 1986 г., 9-10 - п.1/7, 11-13 - п.2/7

Погребение 2 (рис. 26, 7) частично срезано строительной траншеей. Подпрямоугольная могила шириной 80 и глубиной 35-45 см заполнена плотной и равномерной смесью чернозема и суглинка. Скорченный скелет взрослого человека лежал на левом боку в северо-восточной ориентировке. Руки согнуты, кисти, очевидно, находились перед лицом. Инвентарь - темно-серый расслоившийся горшок 1 без орнамента.

Курган 7 находился в 64 м северо-западнее кургана 6. Насыпь не сохранилась. В суглинке прослежен дуговидный ровик шириной 40-50, глубиной 65 см (рис. 26, 8).

Погребение 1 (рис. 26, 10). Могильная яма в плане напоминает овал (115 × 78 см). Ее глубина — 60—105 см. В необычайно плотном темно-коричневом суглинке с "белоглазкой", на 10 см выше дна могилы, черепом к северо-востоку (50°) лежал скорченный на левом боку скелет ребенка 6—8 лет. Погребенный держал в руках амфору, прижатую горловиной к лицу; кисть левой руки находилась под корпусом сосуда, кисть правой — возле дна. Кости таза и правого предплечья окрашены красной охрой. На скелете — пятна коричневого тлена. Находки: 1) красновато-коричневая лощеная амфора с орнаментом из гусеничек, оттисков шнура и трубки, сосуд вымазан снаружи сажей и красной охрой, в тесте — песчинки и мелкотолченые раковины (рис. 26, 9); 2—7) восемь кремневых отщепов, два из них находились в слое пепла толщиной 1 см под амфорой 1; 8) древесный уголек; 9) стенка сосуда из глины с толченой ракушкой.

Погребение 2 (рис. 26, 13). Могильная яма в плане напоминает овал. Ее глубина — 60—125 см. Размеры верхней части могилы 140 × 115 см, а нижней за счет наклона восточной стенки — 155 × 115 см. До глубины 105 см яма заполнена плотным черноземом и комьями суглинка, ниже — чистым суглинком (толщиной 10 см), у дна — плотным черноземом с "белоглазкой". Скорченный скелет мужчины лет 25—30 лежал на левом боку, черепом на восток (92°). Череп повернут лицевой частью вверх. Руки согнуты. Левая кисть находилась под черепом, правая — на костях лица. На своде черепа, диафизах берцовых и бедренных костей — пятна малиновой охры. На берцовых костях — следы тлена. Находки: 1) комочек бурой охры; 2) кремневый отщеп; 3) сосуд с оттисками шнура на шейке и врезными линиями на корпусе, оттиски шнура инкрустированы красной охрой, нижний пояс врезных линий — белой пастой, в горизонтальной проекции узор образует звезду, два ее "луча" надбиты в древности и этой стороной сосуд был повернут к востоку (рис. 26, 12); 4) миска, внутри — потеки красной охры, орнамент — оттиски шнура, круглые отпечатки штампа (рис. 26, 11). Оба сосуда подлощены. Их серое керамическое тесто содержит примесь песчинок и мелкотолченых ракушек.

Курган 8 находился западнее кургана 7. Насыпь не сохранилась. В суглинке прослежен дуговидный ровик шириной 40—50 см и глубиной 65 см с черноземным заполнением (рис. 26, 8). Погребения 2, 4—8 — усатовские.

Погребение 2 (рис. 27, 1). Могила овальная глубиной 80—190 см, с подбоем высотой 60 см. Размер верхней части могилы 120 × 110 см, нижней — 145 × 110 см. Заполнение могилы на уровне скелета — лессовидный суглинок, выше — плотный серозем. Скорченный скелет мужчины 25—30 лет лежал на левом боку с разворотом туловища на грудь, черепом на восток (95°). Руки согнуты. Кисть и часть предплечья левой руки находились под черепом, а правая кисть — возле левого колена. На скелете — пятна темно-фиолетовой краски. Инвентарь: красновато-коричневый сосуд со следами лощения, горловина с внутренней стороны окрашена красной охрой, узор — оттиски шнура и плоского штампа — затерт белой пастой, в тесте — крупные и мелкие осколки раковин (рис. 27, 2); 2) темно-серая лощеная амфорка с узором из оттисков шнура и вертикальных прорезанных линий, под венчиком — отверстия, стенки внутри и снаружи покрашены ярко-красной охрой, в тесте видны крупинки темно-красной охры и мелкотолченые ракушки (рис. 27, 3).

Погребение 4 (рис. 27, 4; фото 2). Могильная яма овальная с небольшим подбоем высотой 30 см глубиной 80—160 см. Размер могилы сверху 120 × 90 см, у дна — 130 × 90 см. Заполнение двухслойное: плотный серозем с "белоглазкой" и лежащий ниже слой (25 см) материкового лессовидного суглинка. На 40—50 см выше дна могилы найдены окрашенные темно-красной охрой обломки костей лошади, коровы и овцы, два черепка и разбитая светло-коричневая миска 1 грубой лепки с насечками, оттисками круглоконечного штампа и шнура, с песчинками в тесте (рис. 27, 6).

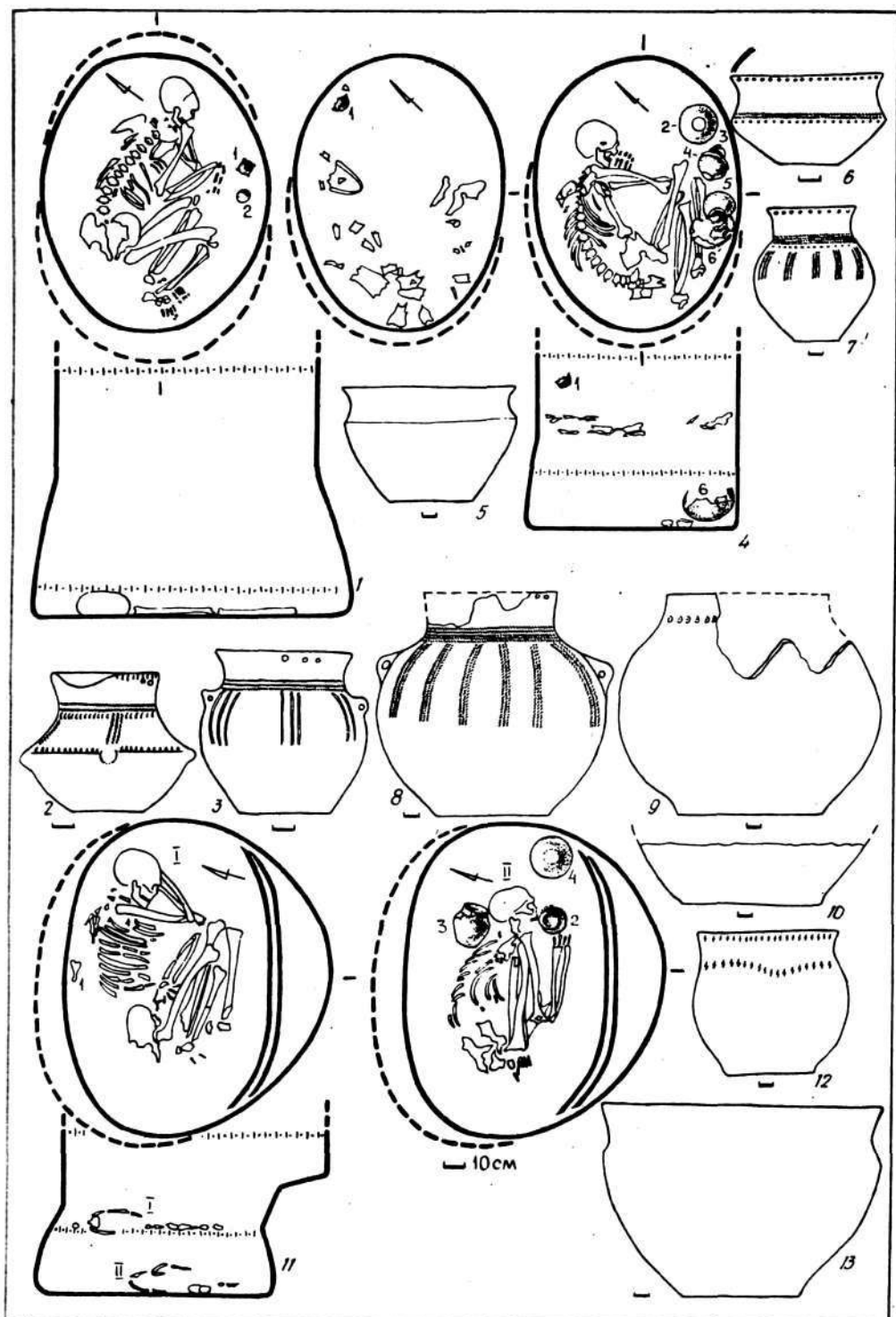

Рис. 27. Могильник Маяк:
 1-3 - п.2/8, 4-10 - п.4/8, 11-13 - п.6/8

Скорченный скелет мужчины (около 60 лет) лежал на дне ямы на левом боку, черепом на север-северо-восток (33°). Руки согнуты. Кисть левой руки поднесена к лицу, правая находилась под шейными позвонками. На

своде черепа — полосы малиновой охры, пятна такой же краски — на тазовых костях. Коричневый тлен — на костях запястья и нижних эпифизах предплечья правой руки, в области левого локтевого сустава. Справа от умершего и на его голених — 5 керамических сосудов: 1) донная часть сосуда — из теста с толчеными раковинами, на стенках — пятна сажи (рис. 27, 10); 2) лощеный горшок с оттисками шнура и трубки, под венчиком — отверстия, в тесте — песчинки (рис. 27, 7); 3) лощеная миска, в тесте — мелкотолченые раковины и песчинки (рис. 27, 5); 4) лощеная амфора с отверстиями под венчиком и шнуровым орнаментом (рис. 27, 8); 5) горшок из крохкого теста с толчеными ракушками и узором из оттисков трубки (рис. 27, 9). Стенки сосудов 3—6 пятнистые, светло-коричневого и темно-серого цветов.

Погребение 5 (рис. 28, 2). Могила овальная (140 × 100 см) глубиной 85—150 см, заполнена плотным коричневато-серым суглинком с "белоглазкой". Скорченный скелет мужчины (55—60 лет) лежал на левом боку, черепом на восток-юго-восток (124°). В руках погребенный держал сосуд 1, прижатый горловиной к челюстям. На костях конечностей и на грунте под ними — пятна тлена. Сосуд 1 светло-коричневый, лощеный, орнамент (оттиски шнура и круглоконечного штампа, вертикальные врезные линии) затерт белой пастой, под венчиком — отверстия, в тесте — мелкотолченые раковины (рис. 28, 3).

Погребение 6 (рис. 27, 11; фото 3, 4). Могильная яма глубиной 75—150 см имеет подбой и уступ. Погребальная камера овальная, размер ее вверху 130 × 90 см, у дна — 135 × 110 см. Ширина уступа 30 см, глубина — 75—105 см. Погребены двое — мужчины в возрасте 40—55 лет (I) и 25—35 лет (II). Первый скелет находился на 30 см выше дна ямы, под слоем (45 см) необычайно плотного серовато-коричневого суглинка с "белоглазкой", и лежал скорченно на левом боку, черепом на восток-северо-восток (76°). Руки согнуты. Кисть левой руки находилась в области таза, правая кисть — под черепом. На своде черепа — полосы и пятна ярко-малиновой охры. Сплошной тончайший слой такой же краски имеется на длинных костях конечностей, костях таза и на грунте под ними. Слева от умершего лежала лопатка овцы (1). На дне могилы, под слоем неотличимого от материка желтого лессовидного суглинка (30 см), обнаружен другой скелет, который лежал скорченно на левом боку, черепом на восток (85°). Позвоночник сильно изогнут, бедренные кости прижаты к грудной клетке, колени подведены к плечевым суставам, ступни — к тазу. В руках погребенный держал сосуд 2. На костях посткраниального скелета и на грунте под ними — полосы тлена с пятнами черной краски. На правой теменной кости — следы ярко-малиновой охры. Инвентарь: 2) горшок из серого крохкого теста с узором из оттисков плоского штампа (рис. 27, 12), в горшке — находился кремневый отщеп; 3) сосуд с двумя оттянутыми выступами на корпусе, орнамент — оттиски шнура и круглоконечного штампа, тесто рыхлое, обжиг слабый (рис. 28, 1); 4) миска, покрытая снаружи слоем жирной сажи (рис. 27, 13). В тесте сосудов — толченые раковины. Сосуды 3 и 4 пятнистые, серого и светло-коричневого цвета.

Погребение 7 (рис. 28, 4). Могила ромбовидная (110 × 80 см) глубиной 50—80 см. В плотном темно-коричневом суглинке с "белоглазкой", на 10 см выше дна могилы, находились останки трех-четырёхлетнего ребенка. Скелет лежал скорченно на спине, черепом на восток-северо-восток (65°). Руки согнуты, предплечья уложены на грудную клетку. Ноги повернуты коленями влево. Череп обращен лицевой частью влево, теменем — вверх. На своде черепа и метафизе левой бедренной кости — пятна красной охры. Инвентарь: 1) черноглиняная статуэтка с врезным орнаментом, тесто содержит мелкотолченые раковины, обжиг слабый, частично рассыпалась при расчистке (рис. 28, 5); 2) сосуд с двумя трубчатыми ушками на венчике, в тесте — мелкотолченые раковины и песчинки (рис. 28, 6);

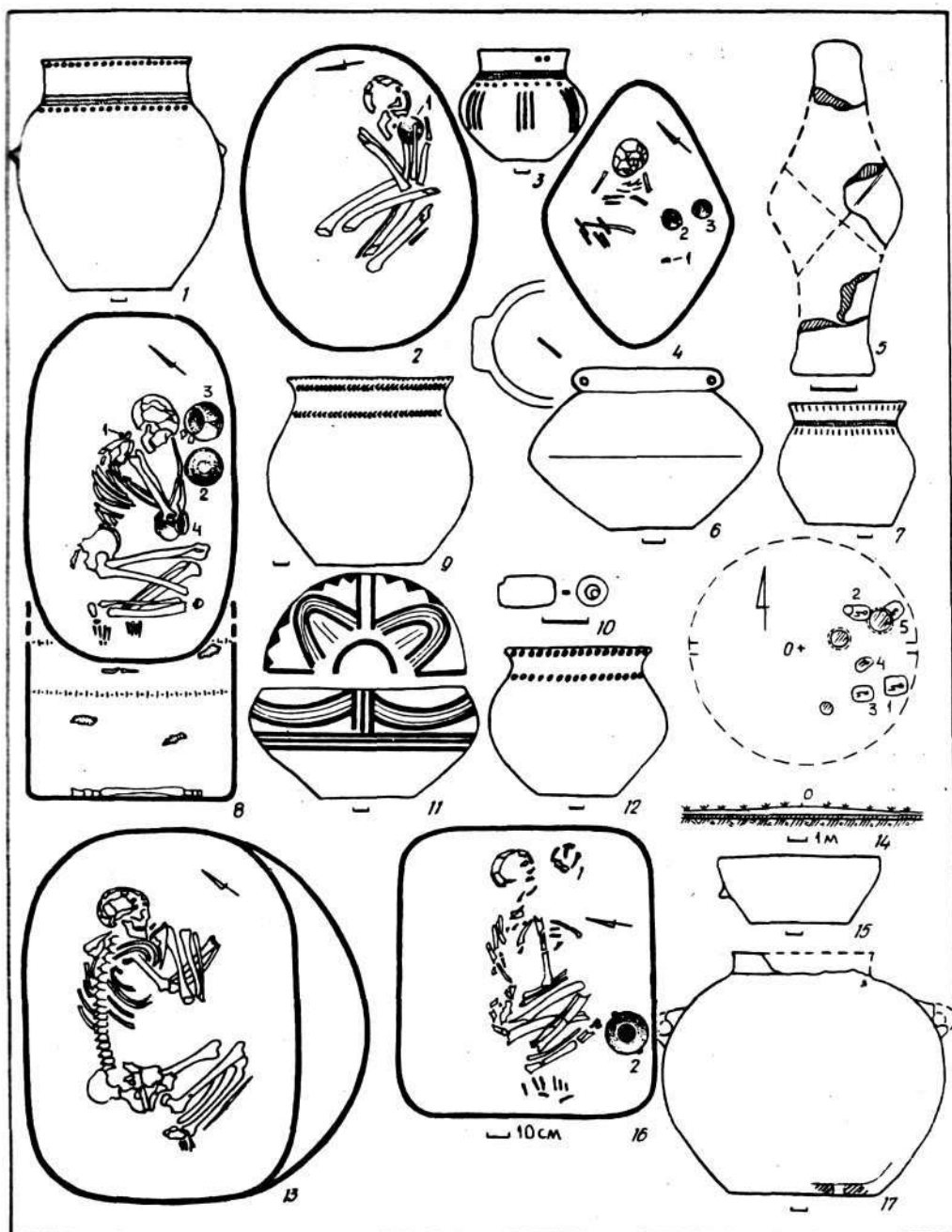

Рис. 28. Могильник Маяки:
 1 — п.6/8, 2-3 — п.5/8, 4-7 — п.7/8, 8-12 — п.8/8,
 13 — п.2/9, 14 — план и разрез кург. 10, 15-17 — п.1/10

3) горшок с оттисками шнура и плоского штампа, в тесте — толченые раковины (рис. 28, 7); 4) створка раковины *Unio*, внутри натек красной охры, ракушка находилась в сосуде 3. Сосуды обнаружены на уровне скелета, фигурка — на дне могилы. На грунте под сосудом 2 — пятно тлена, под сосудом 3 — пятно сажи.

Погребение 8 (рис. 28, 8). Могила прямоугольная (150 × 90 см) глубиной 70—140 см. Верхний слой заполнения — плотный серовато-коричневый суглинок с "белоглазкой", нижний — плотный коричневый суглинок

мощностью 50 см. В заполнении найдены фрагменты керамики с примесью толченых ракушек, мелкие известняковые камни, метафиз трубчатой кости животного. Скорченный скелет женщины (18—25 лет) лежал на дне могилы на левом боку, черепом на восток-северо-восток (78°). Руки согнуты. Кисть левой руки находилась под черепом, правой под грудной клеткой. Локоть правой руки опирается на сосуд 4. Инвентарь: 1) костяная бусина (рис. 28, 10); 2) чаша с черной росписью (рис. 28, 11); 3) горшок с насечками на венчике и оттисками штампа в виде уголка (рис. 28, 9); 4) горшок с овальными оттисками штампа (рис. 28, 12). Темно-серые сосуды 3 и 4 вылеплены из теста с толчеными ракушками.

В 4,5—11 м к западу от кургана 8, на глубине 65 см, обнаружены овальные ямы, вероятно, относящиеся к усатовскому могильнику (рис. 26, 8). Размер их следующий (в см): яма 1 — 150×110 , яма 2 — 100×80 , яма 3 — 120×90 , яма 4 — 120×90 , яма 5 — 110×100 . Яма 1 имела глубину 90 см, остальные — 80 см. На дне каждой ямы, под черноземным заполнением, слоем 10 см, лежит плотный коричневый суглинок с "белоглазкой". В яме 3 в этом слое находились черепки с примесью толченых раковин.

Курган (?) имел дуговидный ровик шириной 40—50 см, глубиной 60 см. Насыпь не сохранилась. Погребение 2, вероятно, усатовское (рис. 26, 8). Погребение 2 (рис. 28, 13). Прямоугольная (160×150 см) могила глубиной 45—105 см имеет уступ глубиной 45—95, шириной до 30 см, заполнена плотным серовато-коричневым суглинком с "белоглазкой". Скорченный скелет мужчины (*adultus-maturus*) лежал на левом боку, черепом на северо-восток (55°). Руки согнуты, кисти уложены перед лицом. На правой скуловой дуге, нижнем эпифизе правой плечевой кости, на предплечьях, костях таза и ног — следы малиновой охры. На длинных костях ног отмечены пятна тлена.

Курган (?) 10 — черноземное всхолмление высотой 0,15 и диаметром около 20 м — находился в 14 м южнее раскопа 1975 г. (рис. 17, 1). Из пяти усатовских захоронений два повреждены ямами античного времени (рис. 28, 14). Могилы заполнены плотным гумусированным суглинком.

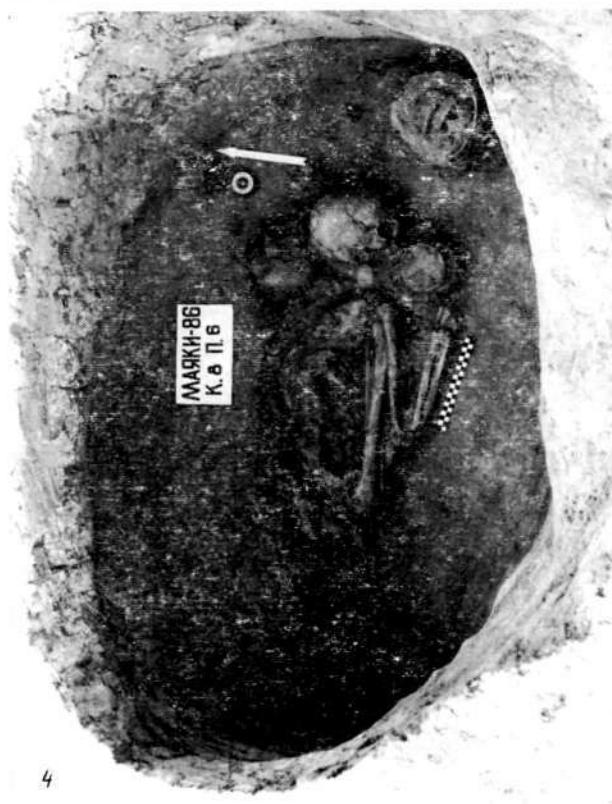
Погребение 1 (рис. 28, 16). Могила прямоугольная (125×110 см) глубиной 50—70 (85) см. На 10 см выше дна могилы обнаружен скорченный скелет мужчины (*adultus-maturus*), который лежал на левом боку, черепом на восток (84°). Руки согнуты. Кисть левой руки находилась возле колен, правой — поднесена к лицу. На грунте под костями ног и возле темени — следы тлена. Инвентарь — красноовато-коричневая керамика: 1) чаша с коническим налетом (рис. 28, 15); 2) амфора с отбитыми в древности ручками, дно с оттиском циновки имеет сквозное отверстие диаметром 1,2 см, выполненное до обжига сосуда, в тесте — толченые раковины (рис. 28, 17).

Погребение 2 (рис. 29, 1). Могильная яма овальная (130×85 см) глубиной 50—65 (80) см. Погребены двое — женщина возрастом более 60 лет (I) и мужчина 50—55 лет (II). Оба скелета скорчены на левом боку и лежат один на другом, черепами на восток — юго-восток (105°). Причем череп погребенного в нижнем ярусе мужчины находился между плечевыми костями и грудной клеткой женщины. Руки умершей согнуты. Кисть ее левой руки находилась перед лицом, правой — возле колен. Инвентарь — фрагмент грубой чаши 1 из темно-серой глины с песком (рис. 29, 2). Руки погребенного мужчины согнуты, кисти поднесены к лицу. Инвентарь — коричневый сосудик 2 с оттисками полукруглого штампа, керамическое тесто рыхлое, содержит песчинки (рис. 29, 3).

Погребение 3 (рис. 29, 4). Могила прямоугольная (150×120 см) глубиной 65—70 (85) см. Скорченный скелет женщины (20—30 лет) лежал на левом боку, черепом на восток (90°). Руки согнуты. Кисть левой руки поднесена к лицу, правой — находилась возле локтя левой. На метафизах

Усатовский могильник Маяки:
1 — антропоморфная статуэтка, 2—4 — захоронения.
См. окончание рис.

Окончание рис.

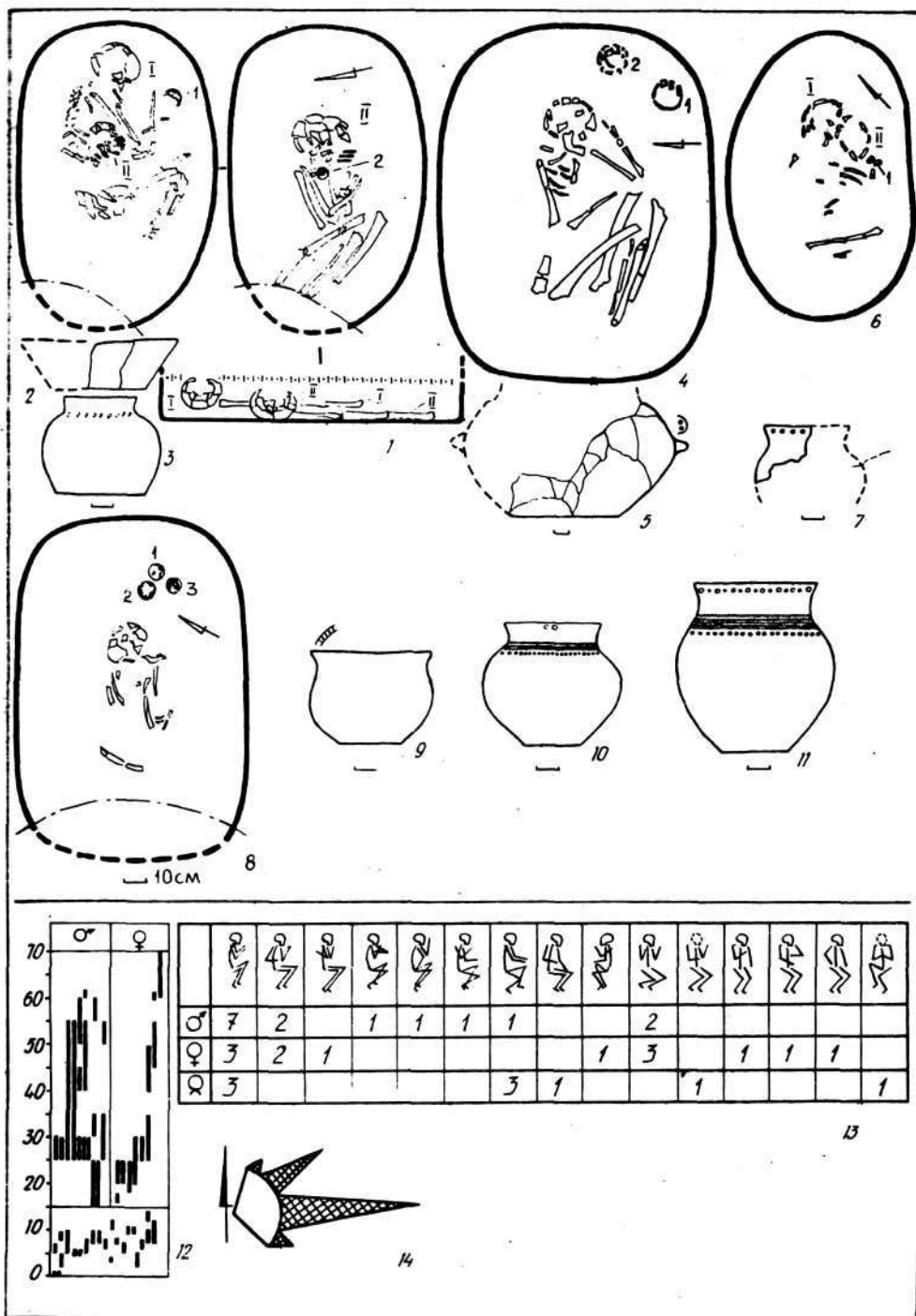

Рис. 29. Могильник Маяки:

1-3 - п.2/10, 4-5 - п.3/10, 6-7 - п.4/10, 8-11 - п.5/10,

12 - половозрастная диаграмма, 13 - позиции погребенных, 14 - ориентировка погребенных

бедренных костей — следы бурой охры. Инвентарь разрушен: 1) дно сосуда с отпечатком циновки; 2) фрагмент красновато-коричневой амфоры (рис. 29, 5). В керамике — примесь мелкотолченых раковин и песчинки.

Погребение 4 (рис. 29, 6). Могильная яма овальная (120 × 80 см), глубина 65—70(85) см. Погребены двое детей — 2—5 (I) и 6—8 лет (II).

Скелеты лежали скорченно на левом боку (?), черепами на северо-восток (50°). Инвентарь — фрагмент темносерого сосуда I с круглыми оттисками штампа, в тесте — песчинки (рис. 29, 7).

Погребение 5 (рис. 29, 8). Могила прямоугольная шириной 100 см, длиной около 140 и глубиной 65—95 (105) см. Скорченный скелет ребенка возрастом 4—5 лет лежал на левом боку, черепом на восток-северо-восток (60°). Череп запрокинут и обращен лицевой частью к сосудам 1—3. Положение рук не прослеживается. На левой теменной кости — следы красной охры. Инвентарь: 1) серый горшок с оттисками шнура и трубки, под венчиком — отверстия, тесто содержит мелкотолченые раковины, песчинки и комочки охры (рис. 29, 10); 2) лошенный горшок с оттисками шнура и трубки на корпусе, под венчиком — отверстия, чередующиеся с круглыми отпечатками штампа (рис. 29, 11); 3) горшок с насечками по венчику (рис. 29, 9). Сосуды 2 и 3 светлокоричневые, из теста с мелкотолчеными ракушками.

Общая характеристика и вопросы интерпретации погребений. Погребальный обряд. Могильные группы состоят из 1—7 погребений, обычно расположенных в 150—200 см одно от другого. Всего открыто 45 нестратифицированных могил и семь ям, две из которых содержали только инвентарь, а пять были пусты. В могилах покоились останки 55 погребенных: из них 24 — дети, умершие в возрасте от 1 до 14 лет, 16 — мужчины 15—60 лет, 12 — женщины 16—70 лет (рис. 29, 12) и 3 неопределенных скелета. Если учитывать верхний и нижний пределы вероятного возраста каждого умершего, то средний возраст погребенных мужчин составлял 36,7 лет, женщин — 32, 4, а детей 7,2 года. В большинстве захоронений находилось по одному скелету и только 8 могил предназначались для двух-трех покойников каждая. Причем в общие могилы умерших укладывали в ряд, а иногда друг на друга или даже в разных местах ямы.

Преобладают простые прямоугольные могилы с отвесными стенками и округленными углами. Таких могил открыто 20. Две другие простые могилы напоминали в плане трапецию, две — ромб, а девять — овал. Остальные 12 могил, преимущественно мужские, вырыты с уступами и (или) подбоями. Восемь небольших могил длиной до 125 и шириной до 110 см были детскими, две — мужскими. Ямы (21) средних размеров длиной от 125 до 170 см и шириной 85—135 см (без учета уступа) преобладают и предназначались для умерших мужчин, женщин и детей. В больших могилах длиной 170—230 и шириной 90—160 см также хоронили без различия пола и возраста, хотя останки детей встречаются чаще. Семь из восьми совместных захоронений находились в могилах больших и средних размеров. Могилы имеют глубину 45—190 см от современной поверхности и самыми глубокими (150—190 см) были в мужских погребениях.

Лишь одна могила 9/1* имела перекрытие, а когда оно разрушилось — в погребальную камеру попала земля. В остальных случаях характер заполнения могил не позволяет сомневаться в том, что их засыпали во время похорон. Нередко заполнение было твердым, как монолит, и по цвету не отличалось от материковых суглинков. Из опасения не заметить могилу приходилось копать контрольные траншеи глубоко в материке. В разрезах заполнения могил 11/3, 12/3, 1/6, 6/8 и др. были видны отпечатки истлевших растений (солома?). Определенно некоторые могилы, прежде всего в курганах 3 и 6—8 забутовывались увлажненным грунтом — так называемым землебитом, возможно, с добавлением растительной примеси.

В захоронениях 1/6, 4/8, 6/8 и других скелеты находились под слоем плотной засыпи, поверх которой могильные камеры были закрыты землебитными "пробками". Возможно, замес землебита готовился непосредственно в той же яме, которая затем становилась могилкой. Но не исключе-

* Здесь и далее цифра в числителе обозначает номер погребения, в знаменателе — номер кургана или могильной группы.

на и его заготовка на стороне, к примеру, рядом с курганом 8 в ямах, где остался неиспользованным тонкий слой такой земли.

Основной способ захоронений состоял в ингумации скорченных труположений и только в погребениях 6/III и 7/3 (скелет II) можно предполагать расчленения или же погребения черепов. Чаще всего умерших клали на левый бок (31 погребение), реже — на спину (9 погребений), а в двух случаях — на правый бок. Детально прослежены позы 36 скелетов: положения черепов, костей туловища и ног стабильны, а позиции рук варьируют (рис. 29, 13). Особенно разнообразно лежат руки у скелетов, скорченных на левом боку. Однако почти у половины всех скелетов кисти поднесены к лицу. Лица обращены обычно в ту же сторону, куда повернуто и все тело усопшего — вправо или влево и только в могиле 2/7 череп лежал лицом вверх, хотя посткраниальный скелет находился на левом боку. Подогнутые ноги всегда укладывались на бок. У скорченных на спине скелетов направлению поворота ног и лица соответствует и характер наклона туловища (чаще на левую сторону), это прослеживается по расположению ребер и позвоночника.

Превалируют скелеты (19), скорченные в средней степени так, что угол в коленном суставе равен $5-32^\circ$, а в тазобедренном — $50-80^\circ$. У слабо скорченных скелетов (их 10) эти углы колеблются в пределах $5-52^\circ$ и $80-110^\circ$, а девять скелетов подтверждают, что при высокой степени скорченности коленный угол не превышает 32° , тазобедренный — 40° . Предельно возможная скорченность прослежена в могиле 6/8. Этот и еще ряд скелетов не оставляют сомнений в том, что покойников связывали. У многих скелетов на костях, в том числе и на черепе, имеются следы коричневого тлена — остатки покрова и, видимо, приспособлений для фиксации тела в скорченном положении. "Пеленами" могли служить веревки, кожаные ремни или даже узкие матерчатые ленты черного и темно-фиолетового цветов, от которых на сильно скорченных скелетах остались специфические полосчатые пятна тлена.

Погребенные ориентированы на узкий сектор горизонта — $15-125^\circ$. Причем 26 скелетов лежали с запада на восток в интервале от 68° до 105° (рис. 29, 14). Охру содержали 33 погребения и одна яма с инвентарем. Следы темно-бурого, красного, оранжевого и желтого красителей отмечены на останках мужчин (13), женщин (7) и детей (10), свидетельствуют о существовании погребальных косметических ритуалов [74].

Инвентарь имели 42 захоронения и две культовые ямы. В основном это керамические сосуды, от одного до шести в могиле. Сосуды обычно ставились очень тесно в головах, перед лицом и возле рук, реже — вдоль правой стенки могилы, а иногда у ног или даже на ноги покойнику. Наконец, открыты могилы, где погребенные как бы вкушали из поднесенных ко рту сосудов либо держали сосуд в левой руке на уровне головы. В большинстве случаев от содержимого сосудов не осталось следов и лишь в некоторых сосудах видны пятна краски или коричневый осадок, встречаются маленькие деревянные палочки, кремневые отщепы. Возможно, в могилы чаще всего ставилась посуда, наполненная водой или чем-то иным, не оставляющим осадка. Очевидно, перевернутые сосуды или поставленные один в другой были пустыми. Почти в каждом третьем погребении имеется, кроме сосудов, и что-нибудь из другого инвентаря. Это могут быть антропоморфные статуэтки, бронзовые или медные шилья и кинжалы (ножи), роговые и каменные орудия труда, украшения, кремневые отщепы, кости домашних животных.

Таким образом, стандартная часть похоронного ритуала состояла в следующем. Скорченное в погребальных одеждах тело усопшего опускали в могилу и клали на бок, головой к востоку. Возле умершего ставили посуду с пищей, питьем и краской, пустые сосуды. Затем могила засыпалась или забутовывалась землей. Что касается различий в погребальном обряде

основных половозрастных групп, то они, безусловно, имеются, хотя сопровождаются исключениями и потому выражены не очень четко.

Умершие мужчины предавались земле в простых могилах и в погребальных камерах с уступами и подбоями, женщины и дети — преимущественно в простых ямах. Скорченные на спине женские скелеты встречаются относительно чаще, чем мужские и детские в аналогичной позе. Отмечено уложение женщины и ребенка на правый бок. Только в мужских и некоторых детских погребениях кроме лица охрой окрашены теменные и затылочные кости. На женских и некоторых детских черепах следы охры если и встречаются, то только на лбу и костях лица. Впрочем, характерная "мужская" окраска черепов детей (п.2/3, 1/7, 7/8 и 1/10) позволяет предполагать захоронения мальчиков, а не имеющих антропологических определений скелет из могилы 9/VI, на своде черепа которого прослежены пятна охры, вероятнее всего, принадлежал мужчине. Чаши характерны для женских и детских погребений наряду с прочей посудой (горшками, амфорами), но почти не встречаются в могилах мужчин. Только в захоронениях детей и некоторых женщин клали антропоморфные статуэтки и украшения. Кости животных находят преимущественно в могилах взрослых. Металлических вещей немного и распределены они следующим образом: кинжалы (ножи) — в погребениях мужчин (2) и детей (2), шилья — в погребениях детей (4) и женщины (в одном случае в могиле 10/IV). Интересно, что металл в детских могилах встречается чаще, чем в мужских и женских захоронениях. Впрочем, в могилах детей найдены не только почти все шилья, но и другие орудия труда. Наконец, кроме могил со стандартным (сосуды) и неординарным (металл, предметы культа, украшения) инвентарем обнаружены мужские захоронения 11/3, 2/9 и 9/VI без инвентаря.

Погребальный инвентарь. В виде инвентаря использовались обе до сих пор известные категории усатовской керамики — сосуды из теста с примесями и рельефной орнаментацией (категория 1) и традиционная поздне-трипольская посуда из отмученной массы (категория 2). Превалирует посуда средних размеров, но имеются и большие емкости высотой 17—27 см, и очень маленькие высотой 1,2—10 см.

Из 106 найденных сосудов 94 относятся к керамике первой категории. Почти все они имеют пятнистую поверхность, выдержанную в серых и коричневых тонах, и только немногие сосуды красновато-коричневые, равномерно серые или даже черные. Часто керамическая масса крепкая, но есть и крохкие сосуды. Характерны отпечатки циновок на доньях. Отдельные сосуды вымазаны сажей и охрой. Посуда делится примерно поровну на "кухонную", более грубую, и более тонкую "столовую".

"Кухонные" сосуды отличаются обильным и умеренным содержанием отошителя (толченых раковин), гладкими или шероховатыми стенками толщиной 5—10 мм, крупным орнаментом. Редко встречаются следы слабого лощения, возможно, от употребления посуды в быту. "Кухонная" керамика имеет, как правило, большие и средние размеры. Что касается форм, то это в основном горшки и конические чаши, часть амфор, одна прямоугольная мисочка и др. Основными элементами орнамента являются оттиски костяной трубки, плоские и овальные вдавления, вмятины неопределенной формы, разнообразные шнуровые отпечатки в виде гусеничек, серпиков и опоясывающих сосуд линий, "жемчужины". У некоторых сосудов корпус полностью расчерчен вертикальными линиями.

Столовая керамика характеризуется умеренной и незначительной примесью отошителя — мелкотолченых раковин, песчинок или того и другого вместе. Стенки толщиной 3—6 мм обычно тщательно залощены, но иногда только заглажены без лощения или даже шероховатые. Полировка нескольких сосудов доведена почти до зеркального блеска (рис. 19, 11; 21, 16; 27, 7). Сосуды, как правило, маленькие или средних размеров. Это в основном амфоры, миски, полусферические чаши и цилиндрические кубки. Типичны

ряды отверстий под венчиками. Узоры на посуде отличаются особым изяществом и нередко инкрустированы пастой белого или красного цвета, а иногда и обеими пастами сразу, что придавало им эффект полихромии. Типичными элементами орнамента являются оттиски миниатюрных штампов (трубочки, скобы, круглоконечного стержня и др.) в сочетании с многорядными горизонтальными и вертикальными отпечатками тонкого шнура или нити.

Наиболее многочисленны горшки (42 экз.). В основном это банковидные емкости с широким устьем и отогнутым наружу венчиком (рис. 18, 9; 29, 9) и только несколько горшков имеют сферический корпус. Горловина у последних не всегда напоминает раструб, а бывает зауженной кверху (рис. 23, 16; 27, 9). Другая часто встречающаяся форма — амфоры (19 экз.): сосуды с относительно стройным корпусом и высокой цилиндрической шейкой с отогнутым венчиком, амфоры с шаровидным или шаровидно-сплюснутым корпусом и горловиной — воронкообразной или цилиндрической. Одна из амфор имеет не два, как остальные, а четыре маленьких ушка (рис. 21, 9) и поразительно похожа на такие же сосуды из Усатовского кургана I-12 [119, рис. 26, 15, рис. 29, 8, 11]. Усатово, являясь в первую очередь некрополи этого памятника, дает аналогии почти всему комплексу керамики первой категории. Если же говорить о курганах позднеднестропольского времени в Днестровско-Дунайском междуречье, то там до сих пор не обнаружены сосуды с узором из серпиков и опоясывающих оттисков перевитого шнура, "жемчужин". Однако усатовская посуда с такой орнаментацией известна в Нижнем Приднестровье.

Редкой формой является сосуд с ленточной ручкой (рис. 22, 11), аналогии которому имеются в Усатово [119, рис. 29, 5, 10] и Тудорово [102, рис. 23, 2]. Горшочек с биконическим корпусом и шишечками на ребре (рис. 27, 2) отдаленно напоминает высокогорлые расписные кувшины, но в целом оригинален. Зато обычны для усатовской керамики три сосуда с ушками на венчике (рис. 19, 2; 21, 16; 28, 6), аналогичные найденным в Усатово, Николаевке и Желтом Яру (не опубликованы) и, к примеру, в Выхватинцах [118, рис. 43, 5]. Биконический горшочек с узором из отпечатков шнура и врезных линий (рис. 26, 12) близок по форме находке из Паркан [40, рис. 2, 25].

Типичны для усатовской посуды все 8 мисок с S-овидным профилем, найденные в Маяках. Аналоги трем цилиндрическим кубкам (рис. 20, 2, 10; 25, 10) имеются в Каролино-Бугазе [55, рис. 2, 9], на поселении и в бескурганном могильнике Усатово [119, рис. 9, 24, рис. 48, 10]. Редкими формами являются усеченно-конический сосудик (рис. 20, 3) и близкий ему сосуд из Николаевки [184, рис. 7, 8]. Прямоугольные сосуды, сходные с нашей находкой (рис. 20, 5), известны в Усатово [119, рис. 44, 8] и в Данку [42, рис. 2, 14]. В Маяках найдено 12 чаш, в том числе полусферические сосуды на низком поддоне и без него, чаши в виде усеченного конуса. За исключением, пожалуй, чаш на поддонах, все они обычны для усатовской посуды, и только курганы Днестровско-Дунайского междуречья не дают таких находок.

Керамика второй категории в Маяках немногочисленна, всего 12 сосудов, но разнообразна по формам и росписям. Банковидный горшок, расписанный черной краской (рис. 23, 10), аналогичен находкам в курганах Поднестровья [40, рис. 3, 13]. Идентичный сосуд известен в Выхватинцах [118, рис. 47, 6]. Амфора с узором в виде прямоугольных зон косой сетки (рис. 20, 16) близка сосудам из Каролино-Бугаза [55, рис. 2, 10] и двух разрушенных курганов Усатово [119, рис. 39, 1] и Паланки (не опубликована). Судя по фотоматериалам архива ОАМ АН УССР, точно такая же амфора найдена в конце XIX в. И.Я.Стемпковским в кургане 79 у с. Парканы [40, рис. 3, 12].

К амфорам другого типа относятся три сосуда с шаровидным корпусом, короткой шейкой и ушками на плечиках. Один такой сосуд расписан черной и красной красками и снабжен усеченно-конической крышкой

(рис. 25, 1). Привлекают внимание красные битреугольные фигуры на этой амфоре — лабрисы [125, с. 19—20]. Такие знаки до сих пор не были известны на усатовской посуде.

Сосуд в виде стилизованной фигуры животного покрыт черной и красной росписью (рис. 21, 14). Пол животного обозначен углублениями между четырьмя глиняными ножками. Роспись состоит из прямой сетки, четырех тонированных овалов и двух антропоморфных изображений, головы которых обозначены выступами-ушками на плечиках сосуда. Обломок аналогичного сосуда найден на поселении Усатово, целые экземпляры — в Данченах [43, рис. 2, 3], Парканах и Плосковском [40, рис. 2, 16, рис. 3, 5]. Расписная крышка публикуемой амфоры, служившая также и чашей (рис. 21, 13), близка сосуду из Красногорки [40, рис. 2, 26]. Эта и четыре другие чаши из Маяков находят прямые аналогии на памятниках различных культурных групп позднего Триполья. Усатовские сосуды, аналогичные кувшину с пышной росписью черной и красной красками (рис. 22, 5), ранее были известны по случайным находкам в Поднепровье (хранятся в ОАМ АН УССР и музее А.В.Суворова в Измаиле). За пределами усатовской группы такие кувшины встречаются, например, в Выхватинцах [41, рис. 3, 14].

Интересно сравнить посуду могильника с керамикой поселения Маяки, пользуясь материалами наших раскопок 1986 г. Посуда первой категории составляет на поселении более 99 % (около 2 тыс. черепков), а в могильнике ее несколько меньше — 88,7 %. Сходство форм полное, за исключением, пожалуй, известных на поселении сосудов в виде бутылок без дна и с отверстиями в стенках. Правда, на поселении есть еще очень большие горшковидные сосуды (в обломках) — своего рода пифосы с крупным штамповым, а иногда и пальцевым орнаментом. Пифосы не встречены в погребальном инвентаре, но это объяснимо, если они предназначались для бытовых целей, как в Усатово [119, с. 32]. Видимо, по аналогичной причине кухонные сосуды находят в могильнике реже, чем на поселении, где они составляют около 80 % всей керамики по сравнению с 50 % в погребениях. На поселении имеются аналогии всем видам орнамента погребальных сосудов и только узоры с "жемчужинами" и опоясывающими отрисками перевитого шнура здесь отсутствуют. Кроме того, только на одном (!) черепке из поселения есть отриски серпиков, тогда как в погребениях найдена целая группа сосудов с такими узорами. Что касается посуды второй категории, то на поселении она составляет менее 1 % всей керамики по сравнению с 11,3 % в могильнике. Правда, на поселении находят чаши с бихромной росписью, которые в погребениях пока неизвестны.

Коллекция антропоморфной пластики из могильника Маяки насчитывает 11 статуэток. Лучшие из них уже изданы [74; 121]. Поэтому задерживаться на повторных описаниях терракот мы не станем и перейдем к рассмотрению изделий из металла. Пять из них — это четырехгранные в сечении шилья длиной 20—43 мм и толщиной 2,6 мм. Металл шила из могилы 10/IV — мышьяковистая бронза, остальные — медные. Как полагает Л.В.Конькова [81], два шила (из могил 2/5 и 10/IV) сделаны холодной ковкой, а другие три — при помощи литья и холодной кузнечной обработки. Внешне эти примитивные изделия идентичны шильям из Усатово, однако есть отличие в технологии, поэтому едва ли все они сделаны в одной и той же мастерской.

Найдены металлические части трех небольших кинжальчиков или же обоюдоострых ножей. Условно к этим изделиям можно отнести и треугольную пластину, сильно изъеденную коррозией (рис. 22, 10). Клинки литые и подвергались упрочняющей проковке. Хорошо сохранился ромбовидный в сечении кинжальчик из меди, имеющий две выемки для крепления штифтами накладной рукояти (рис. 22, 14). Среди усатовских кинжалов он выделяется необычно длинным черенком. Два других кинжальчика отлиты

из мышьяковистой бронзы. Один из них (рис. 21, 5) до химической очистки напоминал листовидные ножи с длинными черенками, известные, к примеру, в ямной культуре [46, рис. 13, 21, 22]. Второй кинжальчик длиной 76 мм с выемками для штифтов на полукруглом черенке (рис. 23, 6) аналогичен одному из клинков Усатова [119, рис. 29, 5].

Роговая мотыжка (?) из могилы 7/3 имеет длину 13 см и отверстие диаметром 1,4 см для рукояти. Возможно, орудие утяжелялось каменными вкладышами и потому сделано полым (рис. 19, 13). Вторая мотыжка (?) длиной 8,7 см сломана в древности (рис. 20, 13). Аналогичные орудия находили на поселении Маяки и в Усатове, где в одном случае сохранились даже остатки деревянной рукояти [144, рис. 4]. В могилах нередко встречаются отщепы. Один из них использовался как нож для работы по дереву (рис. 19, 5). Трапеция сделана из призматической кремневой пластины (рис. 23, 15). Брусочки из темно-розовой и коричневой гальки с отверстиями для подвешивания имеют форму оселков, хотя в этой функции как будто бы не использовались (рис. 21, 6; 23, 7). По мнению Г.Ф.Коробковой, они служили ретушерами. Интересно, что не только в Маяках, но и в других усатовских курганах на Днестре, и в Буджаке такие изделия всегда находят вместе с бронзовыми кинжалами или ножами. Причем на брусочке из Утконосовки 4/5 (раскопки Н.М.Шмаглия и И.Т.Чернякова в 1970 г.) есть несомненные следы использования его в качестве оселка.

Из украшений имеются только бусы. Одна бусина сделана из шлифованной трубчатой кости животного (рис. 28, 10), а остальные шесть — из черного гагата (рис. 22, 14, 25, 7). Последние имеют диаметр 5 мм при толщине 2 мм и отверстие для подвешивания диаметром 2,5 мм.

Итоги исследования. В общих чертах могильник Маяки похож на большинство усатовских погребальных памятников, для которых характерны простые могильные ямы, скорченные на левом боку скелеты с разнообразными позициями рук и почти всегда есть инвентарь, часто встречается восточная и северо-восточная ориентировка и охра. Самобытность этого могильника проявилась прежде всего в некоторых сосудах и статуэтках, в значительном количестве детских погребений, в устройстве могил с уступами и подбоями. Крупные размеры, топография и планировка могильника, ярусные захоронения, применение в ритуале статуэток, керамика первой категории и некоторые расписные сосуды сближают Маяки с некрополями Усатова. Отчетливо заметно сходство сосудов первой и особенно второй категории из публикуемого могильника и усатовских памятников Нижнего Поднестровья. У Маяков и аналогичных памятников между Днестром и Дунаем одинаковы некоторые специфические детали обряда (курганные ровики, малое число культовых ям, вторичных или расчлененных погребений, что впрочем, типично и для Поднестровья), похожи клинки, близки такие формы посуды как амфоры, горшки, сосуды с ушками на венчике. Правда, орнаментальный стиль посуды и прежде всего расписной здесь, в Буджаке, в целом другой и, по мнению В.Г.Петренко, восходит к гордишештской группе позднего Триполья [55, с. 106—107].

В могильнике Маяки предполагается не менее 100 захоронений и погребались на нем люди с разным положением в обществе. Особым был ранг мужчины, погребенного под самым крупным курганом 1. Если сравнить объем землякопных работ, ориентируясь на размеры курганных ровиков и могил, то здесь затраты труда на похороны были примерно в 8 раз выше, чем обычно. Не исключается насильственная смерть этого человека [74, с. 27]. Его усыпальница аналогична большим курганам вождей в Усатове.

Маяки — первый усатовский могильник, где открыта значительная серия детских погребений. Здесь их количество также велико, как и в позднетрипольском некрополе Выхватинцы [118]. В Маяках инвентарь коррелирует с возрастом умерших детей и это дает основание предполагать существование возрастных классов и каких-то ритуалов типа инициаций.

Так, предметы культа (антропоморфные статуэтки) имеются в захоронениях детей двух лет и старше, орудия труда клали в могилы детям, достигшим пятилетнего возраста, оружие — ребенку 10—12 лет. Что касается детей младше двух лет, то их погребали в Маяках, как и в других усатовских могильниках, крайне редко и только совместно с женщинами.

В Маяках, как и прежде в усатовских некрополях, не удалось получить надежные доказательства подхоронений в могилы с двумя-тремя скелетами. Монолитные забутовки погребальных ям, расположение вещей и костяков убеждают в одновременности ритуала совместного захоронения. Прижизненная связь людей, погребенных в общей могиле, могла быть различной, как различен их пол и возраст. Две особенности таких погребений представляются нам наиболее существенным. Первая — это высокая вероятность насильственной смерти, по крайней мере, одного из двух-трех человек, погребенных совместно. Надежным тому свидетельством является могила 5/III (рис. 23, 17). Исследования черепа мужчины из этого погребения позволили восстановить впечатляющую картину убийства, на основании которой предположили, что погибший был воином [74, с.29—30]. Позже, после реставрационных работ, на лобной кости женского скелета из этого же погребения был обнаружен перелом от удара, вызвавшего проникающее ранение головы. Казалось бы, можно допустить, что эта женщина разделила участь мужчины-воина потому, например, что была ему женой. Однако похоже, что смерть им обоим причинили одним и тем же оружием (обухом каменного молота?) и это наводит на мысль о жертвоприношении, хотя и не исключает обусловленности совместного погребения жертв их брачной связью.

Вторая особенность совместных захоронений, на которую мы считаем нужным обратить внимание, касается их внутренней планировки. Если не в абсолютном, то в подавляющем большинстве погребений с двумя-тремя скелетами, как в Маяках, так и в других усатовских могильниках, весь или почти весь заупокойный инвентарь сконцентрирован возле одного из погребенных. Например, когда усопших клали в ряд, то сосуды обычно ставились близко к тому, кто был погребен справа. По аналогии с Усатово, где имеются четкие случаи частичного наложения скелетов один на другой в парных погребениях курганов I-1 и II-3, мы пришли к выводу, что первым в могилу укладывали покойника, которому предназначался инвентарь. Первого покойника (мужчину, женщину или ребенка) обычно клали вплотную к правой стене могилы, оставляя побольше свободного места для другого умершего. Вероятно, последовательность ритуала отражает разный социальный статус погребенных. Но означает ли это, что ранг непременно был выше у того, кого хоронили первым и притом с инвентарем? Едва ли возможен однозначный ответ, если в частности учитывать, что центральными захоронениями в курганах Усатово завершались погребальные церемонии, а боковые, периферийные, могилы под кромлехами устраивались в первую очередь [144]. Причем инвентарь некоторых боковых захоронений обильнее инвентаря тех центральных могил, которые общепризнанно считаются погребениями представителей высшей ступени социальной иерархии.

В связи с интересующей нас темой нельзя обойти вниманием могилы с антропоморфными статуэтками. Существует много разных объяснений, почему статуэтки клали в захоронения, но все они, как это ни странно, игнорируют то, что следует непосредственно из контекста находок и потому является наиболее важным. Речь идет о том, что представляемые статуэтками существа и умершие люди погребены совместно. Но в Усатово мы знаем и одиночные погребения этих антропоморфных существ под кромлехами и в отдельных ямах, причем с таким же инвентарем, как у настоящих покойников. Впрочем, и в Маяках антропоморфные персонажи наделялись инвентарем. Так, в могиле 1/6 фигурка и четыре маленьких сосуда (своего рода "кукольный" набор) находились за спиной погре-

бенной женщины отдельно от остальных приношений (рис. 24, 21). В Усатово, кроме глиняных статуэток, известны и каменные антропоморфные и зооморфные изваяния [119; 125—126; 156]; ритуальное отношение к тем и к другим идентично. Они уложены в надмогильные заклады, в могилы, под кромлехи и сопровождаются посудой, краской и даже украшениями. Для примера упомянем могилу 6/II-2 в Усатово [144], где находилось скульптурное изображение головы (символическое расчленение?) зооантропоморфной "богини" [125].

В Маяках прослежена совершенно особая связь сосуда и статуэтки в могиле 2/5 двоих детей (рис. 22, 1): одна из трех фигурок лежала между жожками зооморфного существа (в виде сосуда), как бы рожденная им. Существенно, что элементы этой композиции находят прямые аналогии в Усатово. В частности, расписные антропоморфные фигурки на сосуде (рис. 21, 14) идентифицируются с уже упоминавшимся изображением "богини" (ср. рис. 25, 1).

Возможное объяснение причин, которые вызвали к жизни ритуальные захоронения антропоморфных персонажей, мы видим в универсальной концепции умирающего и воскресающего божества, уже привлекавшейся для интерпретации пластики Триполья и других раннеземледельческих культур [11; 130]. Мы считаем, что усатовские антропоморфные фигуры изображают в основном мертвых существ. Едва ли есть основание сомневаться, что это были мифологические персонажи. Поскольку их и покойников погребали на общем могильнике, то и умершие люди, видимо, представлялись строителям захоронений мифологическими существами, обитающими рядом с поселениями живых. Умершие, как и живые, обязаны были совершать определенные ритуалы и об этом мы можем судить, основываясь на результатах раскопок могил (1/II, 15/III, 1/7, 5/8), где погребенные как бы вкушают из сосудов (ср. расположение статуэтки — антропоморфного сосуда в могиле 12/V по рис. 25, 5) или же держат сосуд возле головы, совершая адоративное (?) действие. Пепел с осколками кремня под сосудом в могиле 1/7, закопченность стенок сосудов свидетельствуют о том, что "вкушаемое" усопшими нуждалось в подогреве, по крайней мере в символическом (в сходном контексте можно рассматривать вероятные знаки огня — сажу и охру на сосудах, порошок краски под доньями горшков, кремневые отщепы в могилах). Считаем нужным обратить внимание на сосуд, который мог использоваться для приготовления хмельных напитков (рис. 28, 17). Не исключено, что погребальные сосуды вмещали нечто вроде знаменитой ведической сомы, настой трав и т.п. Этот напиток, судя по уже упоминавшимся изображениям (рис. 21, 14, 25, 1), соотносился с сакральной сущностью "богини", цикл представлений о которой наиболее полно зафиксирован в Усатово [125; 126].

УСАТОВСКАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ГРУППА

Из истории изучения усатовских памятников. Первые усатовские памятники (как выяснилось позднее) открыл в 1896—1899 гг. археолог-любитель И.Я.Стемпковский [40; 153]. Это были курганы в окрестностях Тирасполя. В селах Усатово и Большой Куяльник под Одессой случайные находки были сделаны еще в 1915 г. М.С.Моргулисом, а в 20-е годы М.Ф.Болтенко начал здесь систематические раскопки поселений и могильников. Тогда же М.Ф.Болтенко впервые объединил памятники Усатово и погребения с характерными сосудами из дореволюционных раскопок в одну группу, которую назвал усатовской культурой [14; 15, с.25, сноска 3].

Основной период истории исследования усатовских памятников, охватывающий промежуток с конца XIX в. до 70-х годов нашего века, подробно рассмотрен в книге В.Г.Збеневича "Позднетрипольские племена

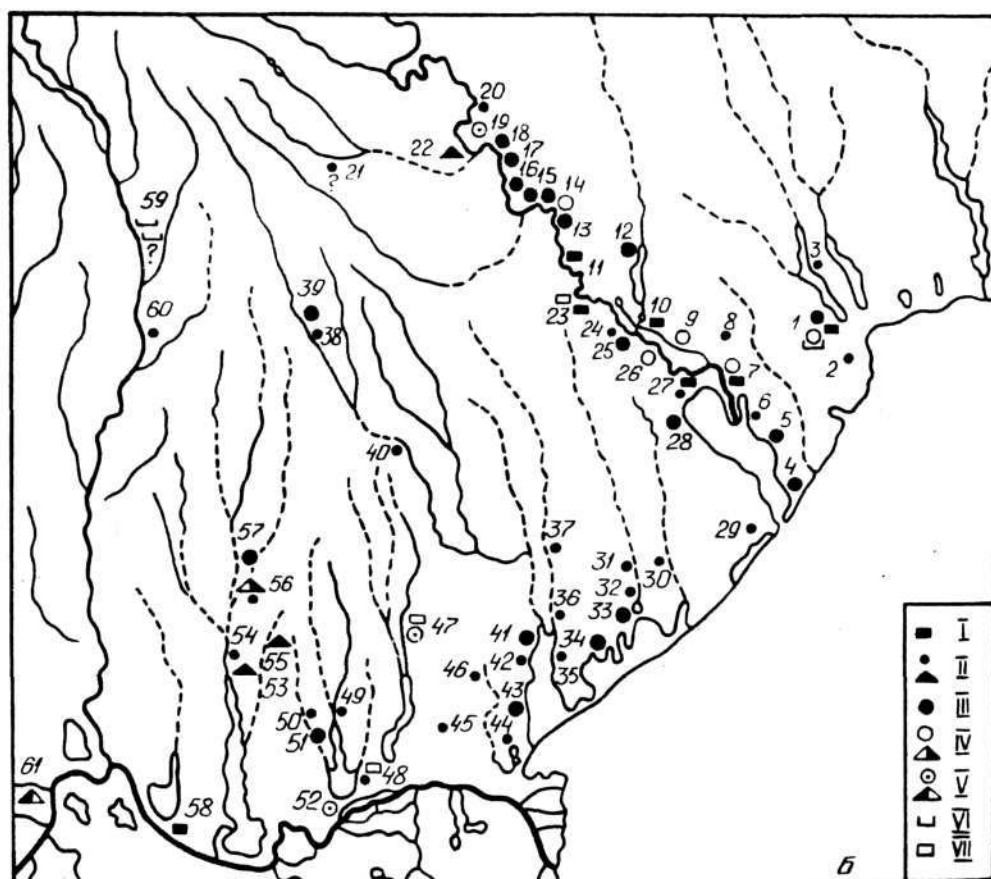
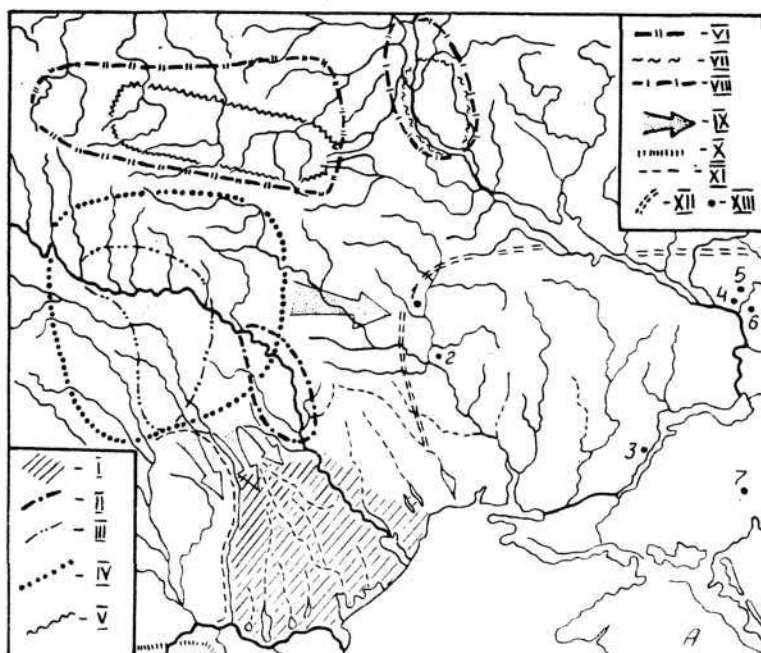

Рис. 30. А – трипольско-кукутенская культурно-историческая общность позднего этапа и сопредельные культурные группы: усатовский ареал (I), выхватинская (II), брынзенская (III), гординештская (IV) трояновская (V), городская (VI), лукашовская (VII) и софиевская (VIII) группы, основные

Северного Причерноморья" [57]. Книга подводит итоги многолетней дискуссии об отношении усатовских памятников к Триполью и в этом развивает взгляды Т.С.Пассек и других археологов, рассматривающих Усатово как часть трипольской культуры. В.Г.Збеневич внес большой вклад в изучение многих общих проблем усатовской культурной группы.

Рост интереса к усатовской проблематике в последние 10–15 лет нашел отражение прежде всего в новых книгах [44; 84; 99; 119; 177] и целенаправленных полевых изысканиях. В этот период К.В.Зиньковским, Э.Ф.Патоковой и В.Г.Петренко был открыт и частично исследован могильник Маяки — один из самых крупных в усатовской группе, возобновились исследования курганов Усатово и поселения Маяки (В.Г.Петренко). Важные результаты дали раскопки курганов на новостройках Одесской обл. (А.В.Гудкова, Л.В.Субботин, И.Т.Черняков, Н.М.Шмаглий и др.) и Молдавии (С.М.Агульников, В.А.Дергачев, Е.Н.Савва, Е.В.Яровой и др.).

Фонд источников удвоился по сравнению с 70-и годами, когда была подготовлена первая обобщающая монография по усатовской группе [57]. Однако по-прежнему его основу составляют материалы эпонимного памятника, так до сих пор полностью и не опубликованные, хотя с выходом в свет книги Э.Ф.Патоковой [119] завершился целый этап (1921–1973) исследований Усатово. Впрочем, в Одесском музее археологии мною обнаружена значительная часть находок и документов, прежде всего чертежей, считавшихся утраченными, они позволяют существенно дополнить издание Усатово, что является делом будущего. Эти материалы кратко обобщены в настоящем очерке, основная цель которого — характеристика усатовской культурной группы в целом.

Мы не отрицаем права этой группы называться культурой, к чему сейчас склоняются даже исследователи, признающие ее теснейшую связь с Трипольем, и в их числе В.Г.Збеневич [61]. И все же нам представляется более целесообразным использовать термин "культурная группа". Впрочем, вопрос о названии не так важен, как то, что в усатовскую группу включают памятники, относящиеся к другим культурным группам.

Унаследованная от Е.Ф.Лаговойской и Т.С.Пассек практика, которая не отличает усатовский ареал от распространения позднетрипольских расписных сосудов по Галацу и степному югу Украины и Молдавии, неоправдана, как и представление, будто воздействие культуры Триполье СII на эти районы сводится к выхватинскому импульсу.

Мне уже приходилось говорить [55; 156], что трипольские черты керамического материала с поселений типа Фолтешты на Серете и Пруте [211; 212; 215] и курганных могил Подунавья, традиционно относимых к усатовским комплексам, обусловились группой Гординешты (Городиштя), что целый ряд этих захоронений по всем атрибутам ритуала анало-

направления гординештских влияний в Северном Причерноморье (IX); часть территории культур Чернавода I и III (X) и группы Фолтешты (XI); курганы "животилковского" типа (4–6), памятники с гординештской керамикой (1–3, 7) в ареале днепро-бугских культурных групп рубежа неолита и бронзового века (XII): 1 – Владимировка, 2 – Грушевка, 3 – Михайловка, 4 – Животилковка, 5 – Подгородное, 6 – Соколово, 7 – Волчанск.

Б – Памятники периода Усатово в Северо-Западном Причерноморье:

- 1 – Усатово, 2 – Слободка-Романовка, 3 – Ильинка, 4 – Каролино-Бугаз, 5 – Николаевка, 6 – Надлиманское, 7 – Маяки, 8 – Маяки I, 9 – Ясски, 10 – Граданицы, 11 – Слободзея, 12 – Никольское, 13 – Суцеля, 14 – Тирасполь, 15 – Терновка, 16 – Тирасполь, 17 – Плосковское, 18 – Красногорка, 19 – Спея, 20 – Буторы, 21 – Данчаны, 22 – Гура-Быкулуй, 23 – Раскайцы, 24 – Опоиешты, 25 – Пуркары, 26 – Тудорова, 27 – Паланка, 28 – Семеновка, 29 – Шаболата (Бельное), 30 – Широкое, 31 – Захаркина Могила, 32 – Дивизия, 33 – Желтый Яр, 34 – Вишневое, 35 – Траповка, 36 – Белолесье, 37 – Сарата, 38 – Екатериновка, 39 – Гура-Галбене, 40 – Тарутино, 41 – Борисовка, 42 – Глубокое, 43 – Нерушай, 44 – Приморское, 45 – Мирное, 46 – Струмок, 47 – Холмское, 48 – Кислица, 49 – Суворово, 50 – Каменка, 51 – Утконосовка, 52 – Богатое, 53 – Болград, 54 – Огородное, 55 – Кубей (Червоноармейское), 56 – Тараклия, 57 – Казаклия, 58 – Орловка, 59 – Данку I–2, 60 – Токиле-Радуканы, 61 – Брзилица, I – поселения, II – курган, III – группа курганов, IV – курганно-грунтовые комплексы, V – впускное погребение, VI – бескурганное погребение, VII – отдельные находки (треугольниками отмечены наиболее важные памятники с керамикой гординештского типа)

гичен тем памятникам степной Днепро-Бугской области, которые еще раньше Т.Г.Мовша сочла причастными не к группе Усатово, а к городско-касперовскому Триполью [106] (рис. 30, А). Материал по своей совокупности необычайно сложный и разнообразный.

Сколько групп, особенно от Усатово-памятника до Серета, соединено и смешано под одним и тем же названием? Е.К.Черныш [177] полагает, что две — собственно группа Усатово в поречье Днестра плюс нижнедунайские курганы с поселениями типа Фолтешты, точнее Фолтешты I, по устаревшей номенклатуре [215]. Сходных взглядов придерживается и С.Ястжембский [203]. Однако в том, что касается типа Фолтешты, нельзя согласиться с этими археологами. Сам эпоним его поделен на горизонты ошибочно [211]. Тип Фолтешты в целом — часть комплекса Чернаводы II [195], а не нижнедунайской группы.

Ход истории археологических открытий и традиционные взгляды на связи трипольской общности и степного энеолита совершенно естественно привели к тому, что Усатово и памятники его круга в области нижнего течения Днестра и Дуная в основном расценены как филиация выхватинского варианта позднего Триполья. В действительности трипольские черты этого пласта гетерогенны. Кажется мы можем признать, что он был связан со степным миром и Западным Причерноморьем не менее тесными узами, чем с культурой Триполье, и к тому же обладал достаточно выраженной самобытностью.

То представление о группе Усатово, которое изложено ниже, сложилось у нас с учетом того, насколько явно весь пласт этого периода распадается на массивную центральную часть, ядро из поселков и крупных приселищных могильников, и на дисперсную оболочку из небольших самостоятельных погребальных памятников (рис. 30, Б). Именно поселение и при нем обширный некрополь с антропоморфной пластикой и определенным набором посуды — во та категория усатовских памятников, группа Усатово в узком смысле слова, которая по комплексу признаков близко стоит к выхватинскому Триполью.

Все усатовские памятники лежат на высоких надпойменных террасах или на гребнях водоразделов вблизи рек, ныне существующих или давно пересохших, лиманов и озер. Преобладают небольшие самостоятельные могильники. Они известны в Поднестровье наряду с несколькими поселениями и крупными поселенческими некрополями, но для междуречья Днестра и Дуная — это единственный вид памятников. Здесь, в Буджакской степи, остатки усатовских поселений найти пока не удалось (рис. 30, Б). Правда, мною и И.В.Бруяко в 1986 г. обнаружены следы поселения на главной возвышенности левого берега Нижнего Дуная — на Каменной Горе у с.Орловка. Но эта находка — объяснимое исключение.

Дело в том, что только в районе оз.Картал, напротив г.Исакача (СРР) дунайские берега удобны для переправы из Северного Причерноморья в Добруджу. Для поселения, блокирующего между озерами Кагул и Картал подход к переправе и путь от нее вглубь Буджака, незаменима господствующая на низкой равнинной местности Каменная Гора. Люди культуры Болград-Алдени, кажется, первыми основали здесь поселение, когда переправились из Добруджи на юг Буджака [154, с. 120].

Усатовские центры: эпонимный памятник и Маяки. Состоянием изученности берегов Днестра или малых степных рек нельзя объяснить, почему усатовские поселения, известные науке, единичны. Видимо, в расчет надо брать особенности заселения края, хозяйство, палеосреду того времени, эволюцию почв, в которых погребены остатки селений, наконец, характер самих поселков группы, насколько это возможно сделать, учитывая нераз-

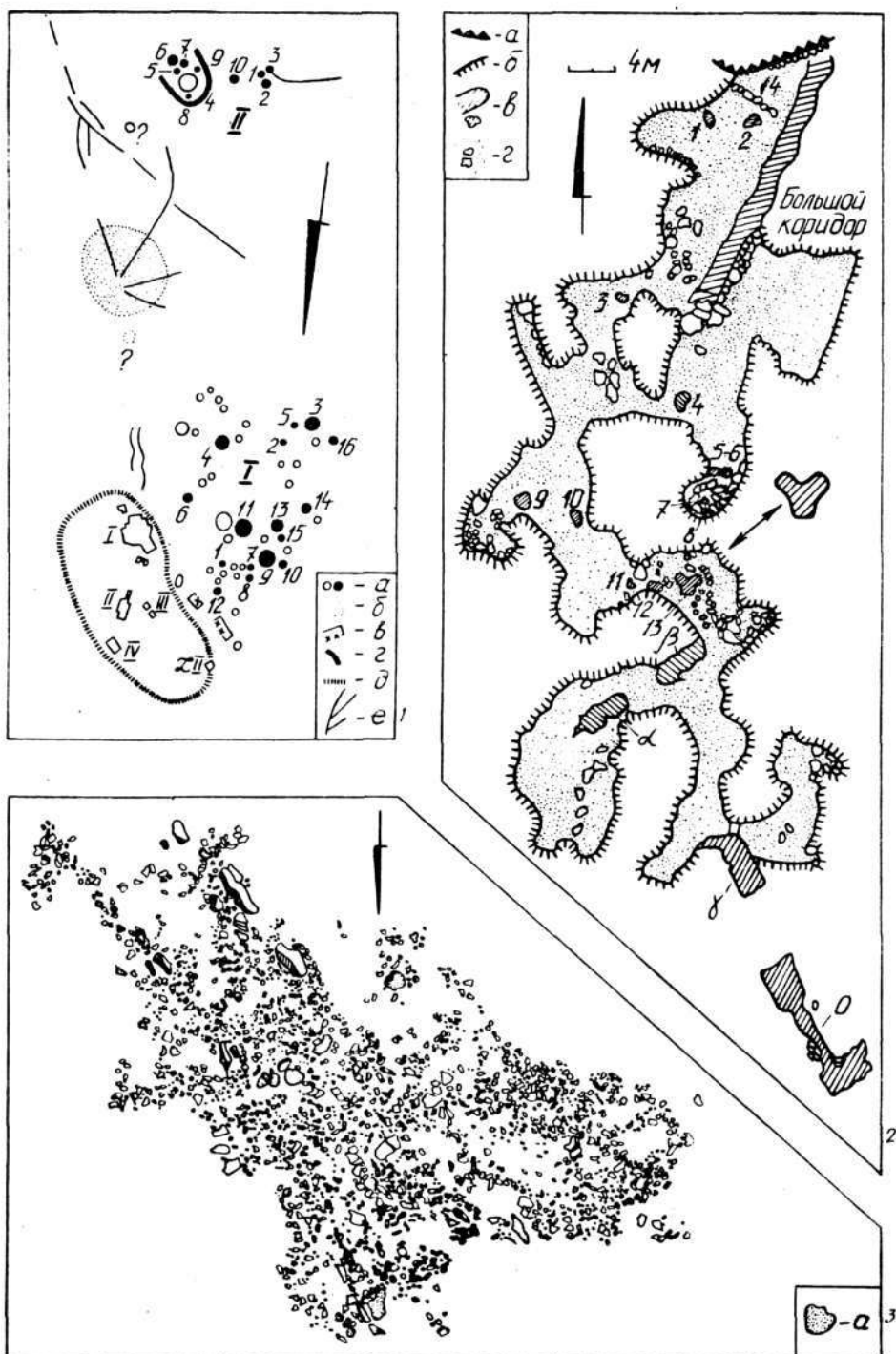

Рис. 31. Комплекс памятников в селах Усатово и Большой Куяльник:

1 – планировка комплекса по данным раскопок и аэрофотосъемки (а – курганы, б – грунтовой могильник, в – раскопы с погребениями, г – ров, д – граница поселения, е – древние грунтовые дороги), 2 – план участка II (а – край плато, б – границы каменоломен XIX в., в – траншеи и ямы в известняке, г – остатки каменных кладок), 3 – остатки каменного основания жилища 1

работанность вопросов. Так или иначе, раскапывались два из нескольких открытых пунктов*. Оказалось, оба имеют могильники.

Поселение Усатово-Большой Куяльник (Усатово), могильники и, вероятно, относящиеся к нему остатки древних грунтовых дорог (рис. 31, 1) занимают мысовидное плато южнее устья Хаджибейского лимана, всего в 3,5 км от берега моря. Внести серьезные изменения в план Усатовского комплекса (ср. рис. 31, 1 и [74, рис. 7; 119, рис. 2]) и в частности установить существование дорог позволил уже упомянутый фонд аэрофотоснимков 1946 г.

Поселение вытянуто вдоль склона к прилиманной низине. Площадь поселка определяют в 4,7—6 га [119, с.11; 177, с.224]. Однако она получится равной 6,5—7 га при длине 400 и ширине 150—200 м, если учитывать не только основную часть поселения на плато высотой 50—52 м, но и участок на верхней оползневой террасе высотой 35—40 м над современным уровнем моря.

До начала раскопок поселение было частично разрушено каменоломнями. Раскапывалась в основном наиболее насыщенная материалом юго-восточная половина памятника (4,65 га плато) с остатками сооружений из плитчатого известняка. Исследования проводились нерегулярно с 1921 по 1948 г. и в 70-е годы на нескольких отдельных участках общей площадью около 5,7 тыс. м².

Участок I на южной окраине поселения отличается от остальных тем, что в двух его раскопках (1932—1933 гг.) вместе с усатовскими сооружениями обнаружены жилища среднего и позднего периодов бронзового века. Впрочем, к этим же жилищам Е.Ф.Лагодовская [87] относит и кладки в соседних раскопах А и Е 1921 г., где были сделаны подтверждающие данное определение находки "фатьяновских" черепков [14, с.60—61]. Основания и усатовских и более поздних каменных кладок уходили в грунт на 30—40 см, нигде не перекрывая друг друга. Черепки от сосудов разных эпох встречались вперемешку с прочими культурными остатками по всей толще гумусированных суглинков — в черноземе мощностью 55 см, включая растительный слой, в переходной бледно-гумусовой почве толщиной 30 см. Мнение о существовании в Усатово особого слоя бронзового века [119, с. 13, 177] ошибочно.

Площадь участка I составляет 3,8 тыс. м². Здесь обнаружили три усатовские постройки, которые стояли в ряд с юго-востока на северо-запад, в 15—20 м одна от другой. Первое сооружение имеет Г-образную планировку (рис. 31, 3). Его основание на площади 10,6 × 2,2—4 м вымощено одним слоем мелкого камня и местами обожжено. Кое-где на вымостке и на грунте без видимого порядка лежали плиты длиной до 40 см. Вдоль длинных сторон юго-восточной части вымостки сохранились фрагменты двуслойных орфостатных кладок из плит величиной до 110 × 50 × 30 см. Плиты стояли на ребре попарно в два ряда, почти вплотную одна к другой. Основания кладок опущены в грунт на 10—15 см ниже вымостки. План второго сооружения также прослежен по скоплениям камня и кладкам толщиной 30—110 см при длине до 350 см. Однако кладки здесь постелистые иррегулярные высотой около 30 см, а постройка подпрямоугольная (15,5 × 2,2—3,5 м), с небольшой щебневой вымосткой в юго-западном углу. Такого же типа кладки из одного-трех слоев камней были и в сооружении 3, от которого уцелела только юго-восточная часть прямоугольного помещения шириной 4 м.

Очевидно, все три сооружения являлись жилищами площадью 35—40 м². Прослежены цоколи стен, но нет завалов. Однако нельзя категорически утверждать, что стены не были каменные на всю высоту. Возможно, камни в кладках скреплялись глиной; это четко установлено по соседству

* На многослойной Орловке ведутся раскопки (В.Д.Головки, А.Г.Загинайло, Р.Д.Бондарь), но находки эпохи энеолита и бронзового века пока не дифференцированы.

с участком I [160]. Полы местами были вымощены щебнем. Дом 1, в отличие от других, вероятно, состоял из двух комнат или же имел нечто вроде сеней. Небольшая ширина построек позволяет предположить существование односкатных крыш.

Интересно, что толщина гумусированного суглинка в раскопах такая же, как и на непогребенных почвах по всему Усатовскому плато за пределами древнего поселка. Причем на участке I понтический известняк лежит глубоко (1,8 м и более) и не препятствовал увеличению мощности гумусового горизонта, который развивается сверху вниз — в суглинки [76]. Значит, существование поселения (по крайней мере, на участке I) не оказало заметных влияний на формирование почвенного покрова. Сравним наши наблюдения с профилями погребенных почв в курганах Усатова. Здесь слой чернозема вдвое тоньше (около 35 см), чем на месте древних жилищ, а синхронная поселению дневная поверхность лежит или на одном уровне с современным черноземом [57, рис. 15] или даже на 15 ± 5 см выше. Очевидно, основания жилищ и прежде всего стены для прочности заглублялись в грунт подобно тому, как это и теперь делается в примитивном каменном и глинобитно-каменном домостроительстве. Что касается черепков, костей животных, ракушек и прочего бытового мусора, то такие находки, сделанные ниже древней дневной поверхности поселения, часто даже глубже каменных кладок, связаны и с естественным погружением в почву культурных остатков, и с существованием возле жилищ многочисленных ям для отбросов. Ямы утратили четкость границ после гумусирования суглинков, в которых были вырыты, и потому не прослежены археологами. Впрочем, рисунки в дневнике Е.Ф.Лаговойской [87] и фотографии свидетельствуют, что на раскопах 1932—1933 гг. местами встречались гумусированные пятна с материалом, уходящие на глубину до 220 см. Однако полностью заполнение этих ям, судя по всему, не выбиралось и на основных чертежах они не показаны. Одна из таких ям находилась, к примеру, рядом с жилищем 3. В ней обнаружены кости овцы.

На участке II у края плато каменные кладки того же типа, что в жилищах 2 и 3 на периферии поселения, но доведены до уровня понтического известняка, который здесь лежит под черноземом на глубине всего 10—35 см (рис. 31, 2). Есть и ямы. Они вырублены в известняке. Судя по плану участка II, раскрыто 12 овальных и почти круглых ям диаметром от 50 до 160 см, глубина и характер заполнения которых нигде не отражены. Яма 13 с пеплом — очажная и выдолблена по-особому. Ее план напоминает крестовидные глиняные алтари в жилищах Триполья или, как полагала Е.Ф.Лаговойская [89, с.48], голову быка. Свод и стены этого очага сложены из четырех плит, в виде прямоугольного ящика с боковым отверстием для загрузки топлива. Возле очага лежали кости дикого или домашнего быка, поврежденная глиняная фигурка этого животного и керамический культовый кубик. Еще на участке II обнаружены подпрямоугольные траншеи глубиной в известняке по 130 см каждая, неудачно названные коридорами [16].

Самая короткая траншея α имела размер $4,3 \times 1,6$ м, а самая длинная (большой коридор) — $24 \times 2,2$ м. В траншеях отмечались скопления золы, обжиг стен и дна — следы очагов. Перед очажными пятнами на дне траншей α , β и γ стояли столбики высотой по 50 см, вырезанные из материкового известняка. На каждом таком столбике лежал камень. Не исключено, что столбики были опорами несохранившихся сводов очагов. Полевые шифры на черепках противоречат представлению, будто только на дне траншей лежал культурный слой [16, с. 26]. Находки шли по всей глубине, а сверху траншеи были завалены камнями.

О назначении траншей высказаны разные мнения. Э.Ф.Патоква подвела итоги дискуссии и предположила, что траншеи — это каменоломни строителей погребальных сооружений Усатова, позднее приспособленные под жилье и хозяйственные цели [119, с. 18]. В этой связи считаю нужным об-

ратить внимание на остатки построек рядом с траншеями. К сожалению, на общий план участка II (рис. 31, 2) почему-то нанесены не все кладки. Не обозначена, например, трехъярусная кладка, которая шла вдоль западного борта Большого коридора и показана на отдельном чертеже [119, рис. 5]. По оригиналам фотоснимка [119, рис. 6] видно, что эта кладка соединялась с перпендикулярной коридору кладкой 1 плитами, уложенными в перевязку. Следовательно, обе кладки могут рассматриваться как остатки нижней части дома, тем более что они обнаружены под каменным завалом. Мощность завала позволяет предположить стены из камня. Длина дома достигала 14 м, а ширина — не менее 6 м. Внутри дома были ямы, вероятно, хозяйственного назначения. Возле других траншей планы строения непонятны (рис. 31, 2), но ясно, что застройка в центре поселения была плотной, сооружения на участке II стояли тесно, иначе, чем небольшие дома 1—3 на окраине.

Надо полагать, из траншей брали камень для стен жилищ. Позднее эти ямы использовались для очагов и мусора. Именно из траншей происходит основная масса находок с участка II. Траншеи Усатово-Большого Куяльника напоминают каналы возле домов культуры Гумельница [154, с. 20, 106]. Только добывали в этих канавах не камень, а глину. Потом они также служили для отбросов, очагов и даже для захоронений. Траншеи аналогичного назначения В.С.Титов отмечает в культуре линейно-ленточной керамики [162, с. 256].

Еще одна траншея в известняке, каменные кладки и следы очагов раскрыты в Усатово-Большом Куяльнике на террасе (участок IV). Причем здесь руины сооружений местами лежат под глыбами известняка, упавшими с края плато. Однако неясно, существовала ли эта оползневая терраса в усатовское время или же она образовалась позже.

Исключительно важен небольшой раскоп В площадью 58 м² (участок III), так как именно по его стратиграфии М.Ф.Болтенко предположил несколько горизонтов обитания на Усатовском поселении [16]. Впрочем, другие исследователи с этой гипотезой не согласны [57; 119]. Имеется возможность уточнить некоторые результаты работ на раскопе В, пользуясь малоизвестной статьей геолога В.И.Крокоса о стратиграфии Усатово [83], отчетом и неопубликованными заметками М.Ф.Болтенко [14; 17], фотоснимками из архива ОАМ АН УССР.

В раскопе В, как и на соседнем участке II, гумусированная почва лежит на понтическом известняке, однако достигает мощности около 120 см. Столь значительная разница в толщине напластований тем более примечательна, что на месте раскопа В наблюдалось всхолмление высотой 50—80 см. Не сохранилась ли в раскопе В погребенная почва? Действительно, здесь прослеживалось два черноземных слоя, отделенные один от другого золыстым суглинком с культурными остатками. Причем непосредственно на материковой породе лежал темный гумусированный суглинок мощностью 32 см, кроме осколков раковин в нем не оказалось никаких находок. Поверху этот чернозем на площади 7 x 7 м² был устлан ровным слоем дробленого известняка толщиной 14 см. Уже по одному характеру вымостки было предположено, что это пол жилища [14, с. 55; 57, с. 131]. О правомерности такого определения свидетельствует каменная кладка длиной 3,5 м, выстроенная вдоль южного края вымостки (с противоположной стороны вымостка уходила в борт раскопа). Кладка постелистая иррегулярная и достигает высоты 25 см. Она сложена из плит средней величины 25 x 20 x 5 см со следами обработки и на 20 см заглублена в чернозем (в описаниях стратиграфии этот слой условно поделен на два горизонта относительно основания каменной кладки). Заглубленная в грунт кладка и вымостка ничем не отличаются от аналогичных сооружений на поселении и могут рассматриваться как остатки нижней части дома. Здесь даже прослежены детали внутреннего убранства, похожие на интерьер лесостепных трипольских домов: вдоль стены сохранилось аккуратное прямоугольное

возвышение (190 x 140 x 20 см) из каменных плиток, рядом с ним на полу у стены стояли большие сосуды. в Основном уцелели днища емкостей и только от одного сосуда высотой около 100 см и диаметром 80 см найдены почти все черепки.

Выше уровня пола лежал бесструктурный золистый суглинок толщиной 50 см, необычайно насыщенный костями животных, черепками сосудов, мелкими камнями, осколками кремня, обломками статуэток (рис. 35, 2, 4—5). Едва ли есть основания утверждать, что это накопившийся в жилище культурный слой. Скорее всего перед нами зольник, устроенный на месте разрушенного дома. По-видимому, сверху зольник был еще досыпан землей или же его верхняя часть деградировала в растительный слой мощностью 20 см.

Неподалеку от раскопа В, посреди современной каменоломни М.Ф.Болтенко исследовал останец поселения на площади около 12 м² [16, чертеж]. Верхний слой почвы здесь был переотложен, но ниже шел такой же, как и на раскопе В, слой чернозема с настилом из щебенки. Под ней и обнаружили те самые кости животных, стенку сосуда с сетчатой росписью и другую керамику, в основном черепки с пальцевым орнаментом, которые М.Ф.Болтенко датировал ранним Трипольем, якобы синхронным древнейшему этапу усатовской культуры. Вероятно, автор раскопок открыл не нижний горизонт обитания на поселении, а хозяйственную яму под полом жилища. Кстати, керамика с узорами из защипов и вмяти, сделанных пальцами, найдена не только под вымосткой на останце, но и на полу жилища и в зольнике на раскопе В, на многих участках поселения. И наконец, чтобы завершить краткую характеристику юго-восточной части Усатово-Большого Куяльника, упомянем еще один зольник — на южной окраине памятника, подобный зольнику на раскопе В [16, с. 55, сноска 1]. Предположительно именно с вторым зольником связаны находки костей человеческого черепа. По заключению антрополога [165], этот череп идентичен краниальным остаткам из курганов Усатово.

Особенностью северо-западного сектора поселения считают разобщенный на отдельные участки, бедный находками культурный слой. М.Ф.Болтенко раскопал один из таких участков LI, но никаких сооружений не нашел. Более успешно прошли раскопки участка LII, где Е.Ф.Лагодовская обнаружила 10 округлых грунтовых ям диаметром 90—130 см и глубиной 70—100 см [90]. Почти все они содержали культурные остатки. Но были и пустые ямы, плотно забутованные суглинком или доверху заваленные камнями. Е.Ф.Лагодовская утверждает, что все 10 ям — культовые, другие авторы видят в них хозяйственный комплекс [119, с. 19] или даже нечто вроде зольников [179, с. 137]. Возможно, пятна культурного слоя и ямы остались на месте жилищ, немного заглубленных в грунт и построенных без применения камня. Однако нам ничего неизвестно о планировке, количестве и размерах участков слоя.

Поселение Маяки и относящийся к нему могильник расположены в сходных с Усатово топографических условиях (рис. 17, 2). Поселение вытянуто вдоль склона к пойме Днестра и находится на высоте 12 м над современным уровнем реки. Как показали раскопки кургана 1 в Маяках, древняя дневная поверхность была выше нынешней и на поселении не сохранилась. Нет здесь и культурного слоя. Весь материал сосредоточен в ямах, которые пока не раскапывались, и в трех канавах или так называемых рвах длиной около 70 м, идущих параллельно береговому откосу. Возле рвов обнаружено захоронение [57, с. 22—32].

В 1986 г. ближайший к обрыву ров исследован мною посередине на протяжении 15 м. К сожалению, вся восточная часть рва была уже к этому времени уничтожена карьером, а слой чернозема над рвом снят еще в период первых раскопочных кампаний. Ров напоминает в профиле воронку (местами с уступами) глубиной в лессовидном суглинке 3,6 м при ширине сверху 4 м и 0,6 м у дна. Стратиграфические разрезы четко фиксируют до

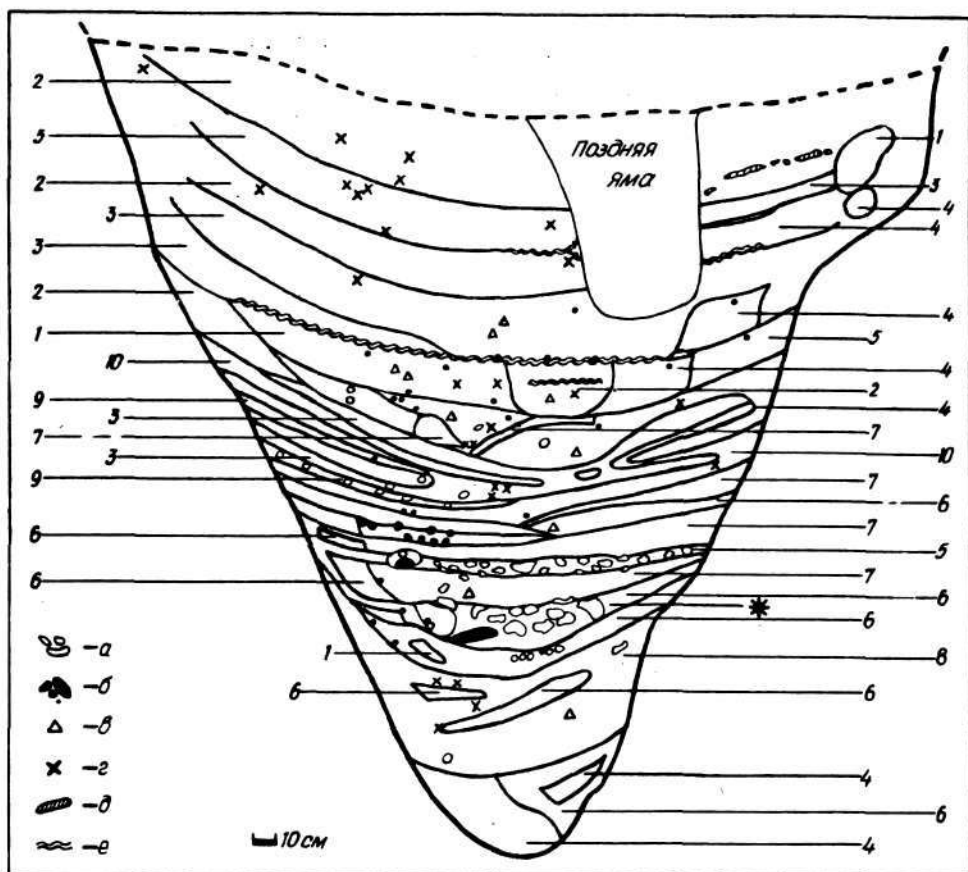

Рис. 32. Поселение Маяки. Разрез заполнения внутреннего рва:
 1 – светло-серые, 2 – серые, 3 – темно-серые, 4 – серовато-желтые, 5 – серовато-коричневые,
 6 – желтые, 7 – светло-коричневые, 8 – коричневые, 9 – красновато-коричневые суглинистые
 слои, 10 – желтый лессовидный суглинок; х – место отбора проб для датировки по C14,
 а – обмазка, б – обугленная древесина, в – керамика, г – кость животного,
 д – белая глина, е – рыба чешуя)

30 слоев заполнения, неоднородного по характеру грунта и находкам (рис. 32). Нижний пласт мощностью 150–210 см состоит в основном из наслоений желтого и слегка прокаленного коричневого (разных оттенков) комковатого суглинка с обильной примесью обугленных стебельков. Отмечены и прослойки чистого лессовидного суглинка толщиной 5–8 см, который, очевидно, смыт со стен рва и свидетельствует о том, что засыпка рва шла с перерывами. Наиболее мощный натечный слой 50 см имеется на дне. Местами лежат еще небольшие по площади прослойки до 1 см сгоревшего камыша или прутьев, травянистых растений. Встречаются разрозненные куски обугленной древесины. Найдены плоские гальки, два-три обломка нижних плит зернотерок, две целых и несколько поврежденных антропоморфных статуэток (рис. 35, 1, 3) и небольшое количество черепков, костей животных, кремневых отщепов. Необычайно много обломков обмазки, которые попадаются по отдельности и скоплениями. Впрочем, обмазка встречалась в засыпи рва и ранее, но полностью собрана и определена только теперь. Обломки содержат обильную примесь половы, в длину достигают 40 см. Обмазка после обжига серая, желтая, коричневая, оранжевая. В зависимости от степени обжига одни куски рыхлые и рассыпчатые, другие – прочные. Преобладают фрагменты аккуратно заглаженной снаружи заготовки грубо колотых досок, а также бревен или горбылей диаметром 15–20 см, расположенных параллельно в 2–3 см друг от друга. Слой обмазки достигает 5–6 см. У обломков толщиной 2–3 см наружная

сторона тоже гладкая, но на внутренней рядами отпечатались прутья или стебли камыша. Есть, наконец, обмазка без отпечатков какого-либо каркаса — стенки разбитых печей или очагов и обломки мощных (10—12 см) печных перегородок, которые находили в Маяках и раньше [57, с. 81, сноска 4], пронизанные отверстиями жаропродухов диаметром 2,5—3 см. Очевидно, в пустой ров были сброшены остатки жилища, быть может, типа трипольской "площадки". Несомненно, дом стоял недалеко от рвов, но где именно — между рвами или за ними — пока неясно.

Строительными остатками засыпана в основном самая узкая часть рва. Возможно, ров после этого какое-то время использовался под жилье — землянку. Во всяком случае, на засыпи местами наблюдалось напоминающее земляной пол наслоение 1—2 см утоптанной грязи, а в стене рва открыты две ниши глубиной по 80 см: одна с полукруглым сводом диаметром 50 см, другая прямоугольная размером 50 × 40 см. Под нишами стена рва имела уступ шириной 60—120 см. Каждая ниша принадлежала одному из двух смежных отсеков или помещений, на которые ров поделен поперечным простенком, сделанным из суглинка, с пустотами от истлевшей растительной примеси. На уступе эта оплывшая перегородка длиной 190 и толщиной 40—50 см достигает высоты 40—70 см, а далее — 80 см. Основанием простенок на 25—30 см опущен в слой строительного мусора ниже предполагаемого пола. К сожалению, один отсек уходит в борт раскопа, где имеется поздняя яма, другой частично разрушен карьером.

Засыпь верхней части рва (котлована землянки?) резко контрастирует с напластованиями строительных остатков. В основном это серые слои равномерной смеси пепла и суглинистой пыли. Здесь же отмечены небольшие прослойки зерен гипса и чистого лессовидного суглинка, рыба чешуя, спрессованная в тонкие слои длиной до 7 м. В одном из разрезов прослежена ямка диаметром 30 см, глубиной 25 см. Золистые слои необычайно насыщены костями животных, преимущественно домашних видов, а также рыб, отходами кремнеобработки, черепками сосудов. Отдельные кости обуглены, а черепки покрыты нагаром. Встречались обломки орудий труда из камня, кости и рога, кусочки обмазки, фрагменты статуэток и даже одна целая фигурка. Слоистая структура и толщина зольника свидетельствуют о длительном обитании.

Предполагается, что если не все, то по крайней мере бо́льшая часть маякских жилищ находилась южнее рвов и уничтожена береговыми оползнями [57, с. 31]. Однако геоморфология района поселения не дает свидетельств активных оползневых разрушений. Это естественно, поскольку развитие относительно пологих склонов идет медленно [49]. А разрушительное воздействие Днестра и его лимана заметно значительно южнее Маяков, где затоплены нижние речные террасы и вода вплотную подходит к высокому берегу.

Планировка маякских рвов считается нерациональной с точки зрения фортификации, но не должна вызывать удивление, если рвы были необходимы прежде всего для добывания суглинка, из которого строились жилища. Примечательно, что полностью отсутствует выброс грунта из рвов, хотя объем его превышал 2 тыс. м³. Впрочем, первое время рвы могли составлять вместе с домами единый жилищно-оборонительный комплекс — все зависит от того, как располагались жилища относительно рвов, одновременно ли рвы.

Если фортификационная роль маякских рвов и проблематична, то не вызывает сомнения использование их для отходов, золы и устройства очагов, как это было доказано еще первыми раскопками, для мусора от разрушенных жилищ. В этом рвы аналогичны коридорам Усатово-Большого Куяльника, траншеям на поселениях целого ряда культур неолита Европы и, наверное, некоторым так называемым оборонительным рвам с заполнением из бытового мусора на поселениях культуры Триполье-Кукутени.

Можно говорить о сходстве поселения Маяки с Усатово-Большим Куяльником, если то немногое, что о них известно, рассматривать как характерное. Оба они занимают доминирующие мысовидные возвышенности и лежат вдоль склонов к поймам. Каждое из них имеет свои крупные некрополи, расположенные с напольной стороны поселка, одиночные "интрамуральные" захоронения. Типичны ямы и зольники, в которых сосредоточен почти весь материал, погребенные под зольниками руины домов. Правда, дома в Усатово-Большом Куяльнике были не такими, как в Маяках, но архитектурные различия в какой-то мере объясняются целенаправленным выбором специфических природных условий для домостроительства (близкий к поверхности выход камня в Усатово, например) и в данном случае, кажется, менее важны, чем вероятная связь построек с традициями Триполья как на одном, так и на другом поселении.

Впрочем, обмазка в Маяках похожа на обожженные остатки не только трипольских домов, к примеру в Костештах IV (99, рис. 91). Наземные жилища с деревянными настилами, подобные трипольским, из плетеных прутьев или камыша с глиняной обмазкой встречаются наряду с землянками в культуре Чернавода I (206, р.75). Можно вспомнить и о жилищах с обмазанными глиной стенами из камыша или прутьев в культуре Чернавода III (206, р. 83), тем более что близость с этой культурой свойственна и некоторым усатовским сосудам.

Что касается аналогов архитектуры Усатово-Большого Куяльника, то уже первые поиски [119, с. 15] привели к трипольским поселкам на скалистых холмах — памятникам бронзовой (жванецкой) группы, например (обзор раскопок см. [44, с.112—113; 108, с.233]). И действительно, Усатово-Большой Куяльник напоминает исследованное Т.Г.Мовшей поселение Жванец-Шовб с его вырубленными в известняке землянками, наземными домами на каменных цоколях из постелистых иррегулярных кладок. Есть, наконец, сведения о применении камня в гордишештском домостроительстве [195, р. 138].

Поселенческая архитектура типа Жванца или Усатово не самая древняя на Европейском континенте. Она моложе, скажем, такого поселения фракийского энеолита с домами на каменных цоколях как Дуранкулак [163, табл. 21]. Однако Усатово-Большой Куяльник старше "классической" ямной культуры, старше каменных построек ее поселения Михайловка, где в нижнем горизонте среднего слоя найдены типичные гордишештские черепки [91, рис. 32, 4—6]. Постелистая иррегулярная кладка из рваного или слегка тесаного камня-известняка была основной в архитектуре могильников и поселений энеолита и бронзового века степного Причерноморья. Поэтому нетрудно найти общее в постройках разных культур и культурных групп этого региона.

Существование различных типов построек на усатовских поселениях неудивительно. Аналогичные сооружения есть прежде всего в позднем Триполье (лесостепного Поднепровья), близко к которому лежит усатовская группа.

Могильники и погребальный обряд. Поскольку могильник Маяки рассматривался в предыдущей главе, целесообразно дать краткую характеристику некрополей Усатово, по возможности не повторяя то, что о них уже известно [1; 57; 74; 119]. Здесь, в Усатово, предполагается существование не менее 300—350 могил, но только 1/3 из них раскопана. Судя по результатам раскопок и аэрофотоснимкам, могильников было три (рис. 31, 1). Один могильник бескурганый. Что касается двух других некрополей, то условно их можно считать курганными. Сплошными раскопами они нигде не исследовались. Поэтому не может быть уверенности в отсутствии захоронений в промежутках между курганами, тем более что открыто уже несколько могил рядом с насыпями — возле курганов I-8 и II-1, на так называемом Первом бескурганном могильнике (рис. 31, 1в). в существовании которого давно и обосновано сомневались [74, с.26].

Скорее всего, два могильника в Усатово, подобно Маякам, были курганно-грунтовыми погребальными памятниками, хотя категорически это утверждать нельзя.

Бескурганный могильник занимает около 2 га пахотного поля. Могилы здесь расположены группами, по 2—14 погребений в группе. На аэрофотоснимках памятник имеет план почти правильного круга диаметром 160 м и выделяется белесым пятном потому, в частности, что почва содержит примесь известняковой крошки от разрушенных плугом надмогильных плит. Рядом с этим некрополем как будто бы просматривается еще одна, обособленная от остальных группа могил. Интересно, что к центру могильника сходится несколько древних дорог и, похоже, они не пересекают погребения.

Курганы в могильниках стояли тесными группами, по 3—22 насыпи в группе. Всего курганов насчитывается 52 (раскопано 24), но еще несколько насыпей, несомненно, уничтожила застройка XIX—XX вв. Каждая группа включает, кроме 1—4 крупных курганов, несколько низких, как правило, едва заметных насыпей. Крупными считаются курганы высотой 1—3 м. Одну из курганных групп окружал ров с гумусированным заполнением, который прошурфован мною в 1984 г. План рва подобен подкове, повернутой открытой стороной на юго-восток. Расстояние между концами рва достигает 60 м. Он имеет ширину 2 м, округлое дно и глубину 1,5 м от поверхности. Вероятно, из рва брали землю для курганных насыпей.

Существует несколько подробных описаний курганной архитектуры Усатово; выделены различные типы курганов и характерные для них каменные изваяния [119; 124—126; 156]. Особенностью Усатово считаются монументальные каменные облицовки насыпей и кромлехи. Действительно, только низкие курганы II-5, II-8 и II-9 не были опоясаны кромлехами. Кладка кромлеха обычно постелистая иррегулярная, то есть такого же типа, как на поселении.

Чаще всего встречается тип изваяний, аналогичный антропоморфным стелам степных причерноморских культур эпохи энеолита и бронзового века (нижнемихайловской и ямной). Найдено 20 таких скульптур величиной от 90 × 68 × 16 см до 270 × 150 × 25 см: 3 стелы — в бескурганных погребениях I-2/5, остальные — в курганах. Изваяния перекрывали захоронения, стояли вертикально в могилах и в насыпях. В кургане I-13 отбитая голова статуи была зарыта (символически погребена?) под кромлехом. Почти все изваяния гладкие и только некоторые имеют гравировки, рельефные изображения, отверстия. Иногда углублениями показаны глаза, а дуговидной канавкой или протеской подчеркнут выступ, обозначающий голову [156, рис. 2]. Интересно, что фигурки, напоминающие антропоморфные стелы, изображались пластически и красками на трипольских сосудах (рис. 25, 1).

Другой часто встречающийся тип скульптур — это изображения головы зооантропоморфного существа ("богини"), которое полностью показано на стеле из кургана I-3 [125]. В курганах (в кромлехах и могилах) нашли 8 таких скульптур, а на территории грунтового могильника и на поселении — еще две [126]. Эти изваяния напоминает форма очага на поселении (рис. 31, 2). Их также сравнивают с плитами из кургана в Красном [146, с. 123].

Почти все захоронения в Усатово совершались в грунтовых могилах и только в четырех курганах несколько скелетов нашли под плитами на древнем горизонте. Утверждают [57, с. 45; 119; с. 135], что и в бескурганном некрополе некоторых умерших погребали не в могилах, а прямо на грунте — это якобы скелеты, найденные в слабогумусированных суглинках на глубине 35—70 см от поверхности. Это мнение должно быть отброшено. По разрезам погребенных почв в курганах хорошо известно положение древней дневной поверхности (см. выше) и ясно, что речь должна идти всего-навсего о захоронениях с непрослеженными контурами могил. Со-

суды, находимые по одному и по три в земле бескурганного могильника отдельно от скелетов, свидетельствуют о существовании неглубоких ям (кенотафов?) с приношениями. На этих же глубинах (30—70 см) лежат и надмогильные плиты. Очевидно, многие бескурганные могилы имели уступы, о величине которых можно лишь ориентировочно судить по размерам каменных закладов.

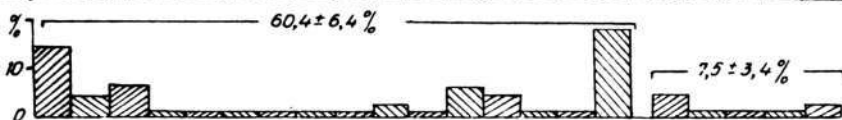
Иначе обстоит дело в курганах. Здесь устройство могил с уступами не предусматривалось и в этом у нас полная уверенность, поскольку перекрытия всех могил, а иногда и скелеты лежат на погребенном черноземе. Возможно это различие связано с тем, что в бескурганном ритуале внешние знаки захоронения не должны были возвышаться над землей, подобно курганам. Насыпью кургана одновременно перекрывалась группа погребений, если их было несколько. Положение перекрытий могил на древней поверхности говорит об отсутствии захоронений, впущенных через насыпь, то есть строительство кургана начиналось после одного, трех, пяти и даже семи захоронений. В двухкамерной могиле кургана II-3, например, похоронили сразу четырех покойников. Установлено, что центральные захоронения совершались в последнюю очередь, после устройства периферийных могил под кромlechами [144]. Не исключено даже исполнение обрядов на двух курганах одновременно. Это доказывают обломки одних и тех же сосудов в могилах и насыпях курганов II-1 и II-2 [144].

Почти все могилы — это простые ямы с отвесными стенками. Только одна прямоугольная могила 2/II-5 имеет подбой. Превалируют прямоугольные ямы, а трапециевидная или овальная могила, могила с канавками, идущими вдоль длинных стен, ступеньки для спуска в погребальную камеру могут рассматриваться как исключение. В кургане I-2 центральное погребение 1 (череп) находилось в прямоугольном ящике величиной 120 × 90 × 90 см из четырех каменных плит с перекрытием из одной плиты. Могилы чаще всего закрывали плитами, но изредка применялась многоярусная кладка или же ямы просто засыпали или заботовывали землей, заваливали камнями. Могила в кургане I-3 закрывал настил из прутьев, уложенный на раму из деревянных плах и обмазанный толстым слоем ила. Иногда деревянную плаху подкладывали под плиты для удержания их на краях могилы. Особенностью погребального обряда являются символические могилы (кенотафы, культовые ямы). Такие могилы типичны прежде всего для бескурганного некрополя, но раскрыты и курганы I-10 и I-16, возведенные над кенотафами.

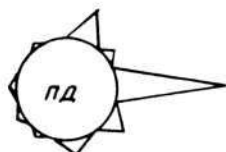
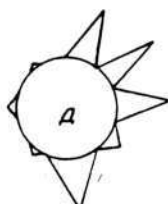
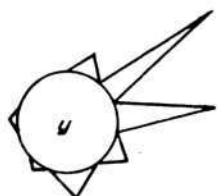
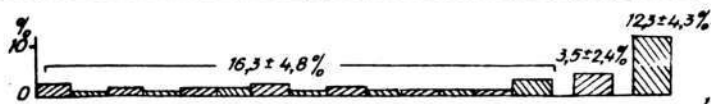
По характеру группировки погребений можно выделить четыре типа могильников периода Усатово. Первый тип самый простой — одиночное захоронение или же группа могил под курганом или без насыпи (Данку, Дачены, Спя, например). По два-три и более таких могильников объединяют памятники следующего, второго типа, к которому относятся многочисленные самостоятельные курганные группы и эпонимный бескурганый могильник. К третьему типу принадлежат Маяки (рис. 17) и оба курганных (или курганно-грунтовых?) некрополя Усатово (рис. 31, 1); каждый из них объединяет по два-три могильника предыдущего типа. И, наконец, к четвертому типу относится Усатово в целом — комплекс могильников второго и третьего типов. Для наглядности типовые структуры могильников можно представить математическими символами: соответственно А, nА, (nА + nА), (nА + nА + nА) + (nА + nА) + nА, где n количество могильников первого типа (А), наверное, в определенной степени зависящее от того, как долго действовал некрополь.

Основной погребальный обряд усатовской группы и могильников ее периферийной зоны вместе с нижнедунайской группой — труположение и с 95-процентной вероятностью [128] можно утверждать, что так погребали 87,7 ± 4,4 % подлежащих ингумации покойников. Из них только 3,5 ± 2,4 % умерших хоронили вытянутыми, а остальных — в скорченном положении, в том числе: 60,4 ± 6,4 % — на левом боку, 7,5 ± 3,4 % — на пра-

1	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15					тип					
																2									
У	9	5	4							2		4	2						20	1	1				
М	13		5	1	1	1	1					1	5						3					1	1
Д	6	1	1						1	1	1	4	3			2	5		4	4		1		4	
ПД	8	3	4					1		1		5		1					12	4					
Σ	36	9	14	1	1	1	1	1	1	4	1	14	10	1	2	40			9	1	1	1	1	5	

3	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13			тип
														4		
У	1	1	2	1	2	2	1	1	2				1	1		24
М	5		1	1	1					1			1			1
Д							3				1	1		4	8	1
ПД					1										2	2
Σ	6	1	3	2	3	3	4	1	2	1	1	1	2	7	8	28

5 погребений

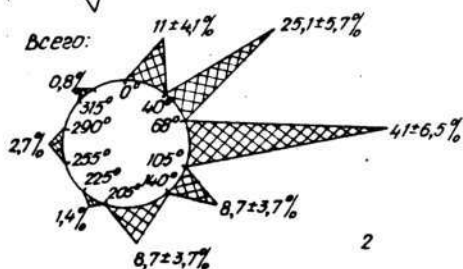

Рис. 33. Положение (1) и ориентировка (2) погребенных в могильниках периода Усатово (У – Усатово, М – Маяки, Д – Нижнее Поднестровье, ПД – степное Прутско-Днестровское междуречье)

вом и $16,3 \pm 4,8 \%$ — на спине. Утверждают, что у скорченных на боку скелетов руки единообразно согнуты в локтях и кисти поднесены к лицу [57, с.41]. В действительности положение рук варьирует и только треть всех скелетов лежит в позе "адорации" (рис. 33, 1). Разнообразные положения рук характерны и для скорченных на спине. Причем чаще всего такие скелеты лежат с наклоном на левый бок и в эту же сторону у них повернуты ноги и лицевая часть черепа. В этих случаях произвольные перемещения костей исключены, так как скелеты обнаружены в могилах с засыпью и грунтовой забутовкой, на древнем горизонте курганов и даже в ямах, глубина которых была явно мала для установки ног коленями вверх (могилы 1/1-9 и 2/II-5 в Усатово, например). В аналогичных условиях обнаружены и скелеты с наклоном на правый бок. И наконец, открыты скелеты, грудная клетка которых лежала строго на спине, череп — на затылке, а согнутые ноги распались "ромбом" (Усатово 2/1-1) или самопроизвольно (?) наклонились влево или вправо.

Что касается ориентировки погребенных, то она определена по чертежам скелетов в абсолютных значениях. Благодаря этому удалось определить диапазоны ориентировок (рис. 33, 2), что не позволяет установить традиционный метод [123]. В основном скелеты ориентированы с запада на восток от 65° до 105° ($41 \pm 6,5 \%$), но часто встречается и северо-восточное направление ($25,1 \pm 5,7 \%$). В подавляющем большинстве случаев погребенных ориентировали в диапазоне от 40° до 140° , который совпадает с сектором восходов Солнца и Луны в Северо-Западном Причерноморье [123].

Особенностью ритуала являются часто встречающиеся в Усатово, а иногда и в других могильниках этой группы, неполные скелетные останки погребенных. Это черепа или их отдельные кости, черепа и большие (обычно бедренные и тазовые) кости посткраниального скелета, обломки крупных костей конечностей. Интересно, что нет нижних челюстей, эпифизов, трубчатые кости в большинстве случаев расколоты продольно. Поскольку специализированные исследования пока не проводились, то категорично судить о характере ритуала затруднительно. Наиболее вероятно расчленения или же ингумация останков, скелетированных естественным образом. Исключая сомнительные случаи, такие захоронения составляют $12,3 \%$ всех погребений.

Другой особенностью ритуала являются могилы, где находят по два три полных или частичных скелета от погребенных, уложенных в ряд или ярусно по разнообразным вариантам (рис. 33, 1). Причем парные захоронения обнаружены повсеместно, кроме Попрутья, а тройные — только в Усатово и Маяках.

Известно пять частичных трупосожжений, но нельзя исключать и более частое применение такого обряда, поскольку он мог не оставить заметных следов на скелетах. Так, в могиле 1/II-7 (Усатово) с труположением у погребенной пожилой женщины отсутствовала кисть левой руки и были обожжены сочленения левого предплечья, а возле скелета встречались угольки. Более четко и в одинаковых признаках проявился огневой ритуал в трех из 10 погребений Данку 1 и 2 и в детской могиле 1/7 Желтого Яра. Реконструкция обряда проведена для Данку [42], но она противоречит результатам раскопок и физике горения. Мне представляется, что топливо для погребальных костров клали непосредственно на тела умерших, уже помещенные вместе с инвентарем в могилы, и на выбросы грунта вокруг могил. Вероятно, после того как прекратилось горение, могилы засыпали прокаленной землей с остатками кострищ. Следы огня есть на закладках нескольких могильных ям, вокруг них и возле скелетов в Усатово, на древнем горизонте ряда курганов (Усатово I-12, Нерушай 9 и др.). Так, в мощном кострище вокруг центральной могилы кургана I-12 были кремированы овцы или же остатки жертвенной пищи (кости).

Основной погребальный инвентарь — керамические сосуды, от одного

до семи в могиле. Некоторые сосуды перевернуты. В курганах Усатово открыто большинство известных нам могил и единственная культовая яма с бронзовыми и медными кинжалами, топорами, долотами, шильями и украшениями из различных материалов. В бедных инвентарем бескурганых захоронениях Усатово нет украшений, а также металла, кроме единичных шильев. Иногда усатовские могилы с металлическими вещами встречаются в поречье Днестра (Сукляя, Маяки, Пуркары, Тудорова), в Буджаке (Нерушай, Огородное [155], Утконосовка) и в Попрутье (Данку). Особенностью ритуала Усатово, преимущественно бескурганых захоронений, и могильника Маяки является использование глиняных антропоморфных статуэток. Остатки деревянного изделия (сосуда?) с оковками из листовой бронзы или меди найдены в мужском погребении 4/II-6 Усатово (рис. 34, 31, 32). Исключительно редко встречаются в погребениях кости животных, но это всегда домашние виды — лошадь, крупный рогатый скот и овца.

Принято считать, что в Усатово все погребения с металлическим оружием и инструментами были мужские. Однако захоронение женщины с кинжалом в Нерушае [63, с. 164; 183, с. 30] и неполные антропологические определения скелетов в курганах Усатово ставят такой вывод под сомнение. Особой осторожности требуют определения пола и возраста по аналогичному инвентарю кремированных покойников в могильниках типа Софиевки [84], тем более что известны и детские могилы с кинжалчиками (Маяки). Интересно, что в Усатово кинжалы часто клали отдельно от покойников или умышленно портили это оружие [74, с. 36]. Примером может служить изогнутый до неприменимого состояния клинок из мужской могилы 1/I-1 (рис. 34, 1).

Охра имеется в погребениях (40 %) и культовых ямах (20 %) Усатово [74, табл. 1], но особенно часто встречается в Нижнем Поднестровье и в Буджаке, где охру содержит почти 70 % захоронений. Ее следы есть на скелетах и погребальном инвентаре. Иногда находят кусочки краски. Погребение 82/9 в Нерушае [183, с. 30], засыпанное охрой и мелом, является исключением. В Усатово открыты скелеты, окрашенные веществами яркосинего и светло-зеленого цветов (могилы 1/II-8 и 1/I-3), состав которых неизвестен, а у одного погребенного в могиле 2/II-5 прослежено сплошное, от лба до подбородка, покрытие костей лица сажей слоем в 1—2 мм. Остатки подстилок на дне могил характерны для половины погребений Буджака и крайне редко встречаются в Поднестровье и Усатово.

Антропологами изучены скелеты взрослых и детей в некоторых курганах и в бескурганном могильнике Усатово (результаты опубликованы частично [62; 70; 74; 165]), в Маяках, Желтом Яре (С.П.Сегеда) и еще в нескольких могильниках [4; 42; 43; 63; 151]. В курганах усатовской группы погребали в основном взрослых и только Маяки и Яски составляют в этом отношении исключение. В бескурганном могильнике Усатово треть всех скелетов — детские, а остальные принадлежат мужчинам пожилого и старческого возраста и немногим женщинам. Антропологические определения показали, что 2/3 всех скелетов в курганах I-1, 12, 13 и II-5-9 Усатово — мужские. Очевидно, почти все группы усатовского населения хоронили основную массу умерших детей иным способом, чем взрослых, или же в особых могильниках. Не исключены также неглубокие, легко разрушающиеся труположения.

Антропологические материалы усатовских могильников свидетельствуют об интенсивном смещении протосредиземноморского и восточного протоевропеоидного типов древней европейской расы [63; 70; Приложение 1].

Производственный инвентарь и оружие. Каменный инвентарь, особенно кремневые изделия, составляют значительную часть находок на поселениях. Однако часто от изделий находят одни невыразительные обломки. По этой причине нам неизвестны, например, форма и величина единичных

сверленных топоров, изготовлявшихся из аргиллитоподобных пород и порфиroidного микродиорита. Месторождения последнего имеются за Дунаем (определение В.Ф.Петруня). Интересно, что из этой породы сделаны и топоры-молоты (культуры Болград-Алдени, усатовские ?) на поселении Орловка, возле которого, видимо, находилась переправа через Дунай.

Утверждают, что единственная целая зернотерка известна на эпонимном поселении [119, рис. 54, 7], хотя по условиям находки она скорее связана с развитым бронзовым веком, а не с периодом Усатово. Обломки одной-двух зернотерок из плит местного глауконитового песчаника толщиной 10—12 см обнаружены в 1986 г. на поселении Маяки. Им соответствуют 7 пестов-терочников (рис. 34, 6) и растиральников овальной и подпрямоугольной форм высотой от 2 до 4,5 см при длине 7,5—13,5 и ширине 5,8—9,5 см. Они сделаны из мелкокристаллического песчаника. В Усатово аналогичные орудия фрагментарны и учтены выборочно [81, табл. 59]. Здесь же нашли стертую с двух сторон мелкопористую известняковую конкрецию, которую почему-то называют якорем и даже используют как повод для рассуждений о мореплавании обитателей Усатово [144; 119; рис. 54, 2]. По всем признакам это типичный ладьевидный курант небольшой зернотерки. Прием, похоже, куранты хорошо известны на античных поселениях Причерноморья. В Усатово находили черепки древнегреческих амфор и это тем более заставляет сомневаться в том, что "якорь" имеет прямое отношение к этому поселению.

Из гальки изготовлялись плоские грузила, возможно, для рыболовецких сетей (рис. 34, 5), пестики-краскотеры (рис. 34, 27) и оселки. Кроме того, в Маяках найдены гальки, которыми ложили глиняную посуду перед обжигом.

Что касается изделий из кремня, то подробно опубликована только коллекция эпонимного памятника [81; 119]. Поэтому целесообразно привести некоторые сведения о кремнеобработке на поселении Маяки, изученной мною совместно с Г.В. и И.В.Сапожниковыми и во многом аналогичной кремнеобработке Усатово.

В 1986 г. в Маяках найдено 50 необработанных галек и 1278 (100 %) расколотых кремней, в том числе 68 (5,3) оббитых и расколотых галек, 175 (13,7 %) нуклевидных осколков, 336 (25,5 %) осколков, 107 (8,4 %) цельх и 27 (2,2 %) обломков нуклеусов, 473 (37 %) отщепа, 29 (2,3 %) пластин, 11 (0,9 %) сколов подправки нуклеусов и 62 (4,9 %) изделия со вторичной обработкой. Раскалывание кремня производилось отбойниками крайне небрежно и незаконнично. Получали в основном отщепы средних размеров. Отщепы и единичные пластины неправильных очертаний скалывались преимущественно с грубых нуклеусов призматической формы длиной от 2 до 4 см. Больше ядрищ одноплощадных, меньше — двухплощадных. Один нуклеус конусовидный.

Изделия со вторичной обработкой включают скребки, в основном концевые из отщепов (рис. 34, 14), резцы (рис. 34, 9), долотовидные орудия (рис. 34, 13), скребловидные изделия, асимметричную трапецию без следов использования (рис. 34, 10), отщеп с выемкой, а также отщепы, пластины, нуклевидные осколки, обломки нуклеусов и осколки с участками краевой ретуши. Выборочный трассологический анализ позволил определить скобели для работы по дереву (рис. 34, 12) и кости (рис. 34, 11) и два серпа (рис. 34, 7, 8). Причем один серп и скребок, комбинированный с ретушером, сделаны из крупных правильных пластин (рис. 34, 8, 15). Последние не имеют ничего общего с грубопризматической техникой расщепления кремня и, очевидно, поступили извне скорее всего от трипольского населения Среднего или Верхнего Поднестровья.

Что касается предметов вооружения — наконечников стрел и копий, то они единичны. Едва ли наконечник длиной 4,5 см [57, рис. 24, 14] был сделан на поселении Маяки, где нет нуклеусов соответствующих размеров. В Усатово большие наконечники также выпадают из основного

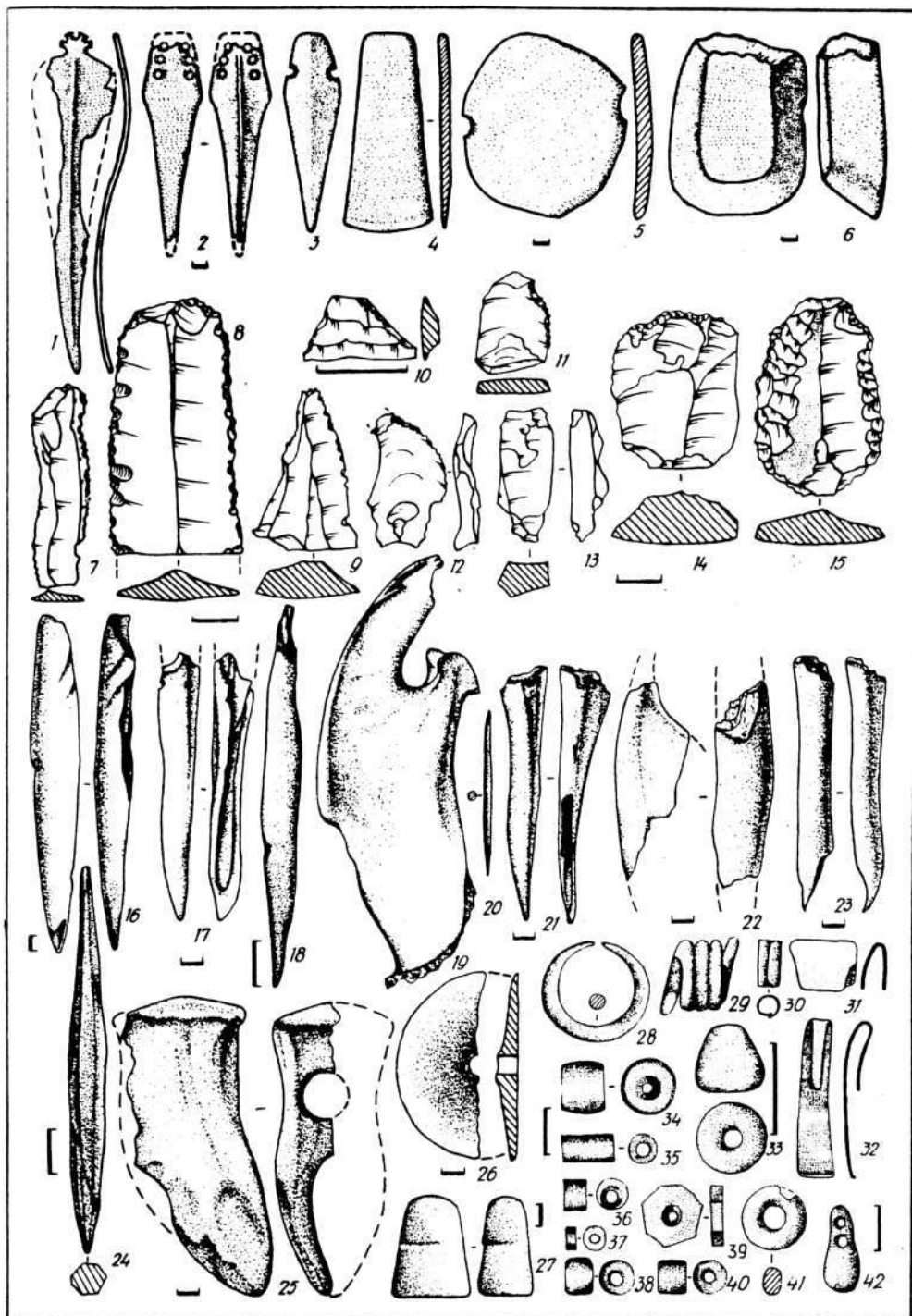

Рис. 34. Оружие, орудия производства и украшения из Усатово (1, 3, 4, 27, 29-42), поселения Маяки (5-26) и Траповки (28)

комплекса кремневого инвентаря. Наконеч, здесь найдены наконечники с глубокой выемкой в основании [119, рис. 7, 1], поразительно похожие на кремневые наконечники позднеямной и катакомбной культур [46, рис. 24, 1-4]. Очевидно, эти находки следует рассматривать в связи с черепками катакомбной культуры в Усатово.

Изделия из кости и рога лучше всего изучены по находкам на

поселении Маяки. Кроме всем известных многочисленных проколов и шильев для обработки кож (рис. 34, 18, 20) здесь трассологическими методами впервые выделены инструменты для работы по глине: шпатели (рис. 34, 16, 17) из ребер и заточенных осколков трубчатых костей, лошила (рис. 34, 19), сделанные из ветвей нижних челюстей животных. Имеются также костяные лошила для кож (рис. 34, 22), шилья для шкур (рис. 34, 23), ножи для сдирания коры (рис. 34, 21) и кочедыки для плетения сетей (рис. 34, 24). Обращают на себя внимание топоры-молоты из оленьего рога, у которых лезвие находится в той же плоскости, что и рукоять (рис. 34, 25), единичные мотыжки (?) миниатюрных размеров, аналогичные найденным в погребениях (рис. 19, 13). Казалось бы, должны быть рыболовные крючки, но они пока неизвестны. Утверждают, что в Усатово одно костяное острое с зазубриной было рыболовным крючком [119, рис. 34, 10], но форма изделия противоречит этому.

Пряслица единичны и это необычно для позднего Триполья. Возможно, веретена с грузиками вытаскивались целиком из дерева и потому не сохранились. В Усатово найдены цилиндрические и биконические глиняные пряслица. Пряслище из Маяков имеет лощение и напоминает колесико с невысокой "ступницей" (рис. 34, 26), которая получилась, когда протыкали отверстие для оси веретена. Аналогичные пряслица известны в Эзеро и, например, в Варваровке XV, где их считают колесиками глиняных повозочек [99, рис. 97]. К пряслицам относят также кружки с неровными краями и отверстием в центре, вырезанные из стенок сосудов. Однако следы работы, характерные для пряслиц, на них не обнаружены. В Усатово найден обломок керамической ложечки или же сосудика с "носиком" [119, рис. 54, 1]. Э.Ф.Патокова полагает, что это и есть тот самый металлургический тигель (хотя правильнее было бы говорить о льячке), упоминаемый Е.Ф.Лаговой [144, с. 241]. Связь этой находки с обработкой металлов вызывает определенные сомнения.

Усатовские изделия из меди и мышьяковистой бронзы могут считаться хорошо изученными [80; 141; 172]. За исключением так называемых больших кинжалов, импортированных из Западной Анатолии, все остальные изделия принято относить к местной продукции. Это прежде всего шилья, долота, топоры-тесла и кинжалы (ножи). Считается, что усатовская металлообработка сложилась в системе Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) раннего бронзового века, но вместе с тем унаследовала и ряд старых технологических навыков Триполья времен Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП). Применялись различные режимы кузнечной обработки и литья. Бронзовые и медные вещи находятся в соотношении 10:5. Изделия из чистой меди встречаются наряду с бронзой и в других районах ЦМП [51; 172]. Но это нас не удивляет, поскольку по технологическим причинам металлургия чистой меди долго сохранялась как часть производства бронзы [77, с. 27].

Утверждают, что усатовские металлурги работали с привозным металлом, состав которого близок 7-й и 8-й группам болгарской бронзы [80], конкретно — продукции металлургического очага "типа Эзеро" в Южной Болгарии [172, с. 170].

Все шилья небольшие, четырехгранные в сечении и обоюдоострые. Возможно, они использовались не только для обработки кож, но и для нанесения углубленного орнамента на сосуды и статуэтки, татуировок и т.п. Топоры-тесла (рис. 34, 4) Л.В.Конькова делит на типы и варианты в зависимости от формы обуха (ровный, полукруглый) и лезвия (с закраинами и без них), основываясь на классификации Ж.Дейе. Шильям и топорам, как достаточно примитивным изделиям, существует множество аналогий. Иначе обстоит дело с долотами и кинжалами. Одни долота сделаны в виде простого стержня с лезвием, другие имеют еще и черенок для крепления рукояти. Эти черенковые долота долгое время неудачно сравнивали с майкопскими изделиями. Позднее вспомнили о похожих долотах из Терми

[80, с. 171], но аналогии из памятников культуры Коцофени [215, Pl.8, 16] до сих пор не учитывались.

Что касается кинжалов, то местные изделия небольшие (5—15 см) и не имеют фланцевого скоса на лезвии и нервюры и этим отличаются от длинных (17—22 см) импортных клинков. Однако Н.В.Рындина и Л.В.Конькова говорят еще и об отличиях в технологии и разном уровне технологической культуры, имея в виду "посеребренность" анатолийского оружия слоем медномышьяковистой эвтектики (рис. 34, 1), которую усатовские металлурги якобы получать не умели. Однако так ставить вопрос неправомерно, хотя анатолийское происхождение трех усатовских клинков [141, рис. 1, 6—8] кажется неоспоримым. Дело в том, что серебристое покрытие имеется и на кинжалах, традиционно приписываемых трипольским мастерам. Это кинжалы Софиевки, где такое покрытие обнаружила Н.В.Рындина [140], и кинжальчик из кургана I-9 в Усатово [50] (рис. 34, 3). Очевидно, необходимы дальнейшие исследования. Эти авторы утверждают также, что в круг анатолийских клинков хорошо вписывается утерянный кинжал из Суклеи, хотя малоизвестные фотографии изделия [153; 217, fig. 31], по которым выполнен рис. 34, 2, скорее позволяют утверждать обратное.

В целом усатовские кинжалы типологически разнообразны. Они отличаются один от другого количеством и расположением отверстий и выемок для штифтов рукояти, сечением лезвия (линзовидным, ромбическим), формой и длиной черенка. Нельзя назвать и двух одинаковых изделий. То же самое можно сказать о топорах-теслах и долотах. Варьирует и состав сплавов [81, табл.]. Все это свидетельствует о мелкосерийности, если не об индивидуальном производстве металлических вещей. Как мне представляется, они не играли сколько-нибудь существенной роли ни в экономике, ни в военном деле усатовской группы.

Украшения. Украшения изготовлялись как местными мастерами, так и далеко за пределами усатовской группы и поступали на ее территорию в результате межплеменного обмена. На поселениях украшения находят редко. Это граненые плоские бусы из просверленных черепков (рис. 34, 39), характерные для Усатово, клык лисицы и ракушки *Unio* с отверстиями для подвешивания. Совсем иной набор украшений происходит из погребений, и прежде всего курганов Усатово, где эти изделия особенно разнообразны и многочисленны.

Кольца из медной или бронзовой и серебряной проволоки имеют от 1,5 до 4 оборотов (рис. 34, 29) и, вероятно, были украшениями начальных повязок или причесок. Считается, что ранняя металлургия серебра связана с добычей свинца из соединений, где свинец и серебро встречаются вместе [77, с. 36]. Действительно, в усатовских серебряных кольцах есть микропримесь свинца, которая в среднем выше, чем в изделиях из меди и бронзы. Из листовой меди или бронзы изготовлялись трубкообразные пронизи (рис. 34, 30). Интересно, что когда усатовскую группу сменяет ямная культура, типы металлических украшений в Северо-Западном Причерноморье остаются прежними.

Излюбленными украшениями являлись бусы. Из лигнита и гагата (гешира) изготовлялись бусы боченкообразной формы (рис. 34, 34) и в виде трубочек длиной 15 мм (рис. 34, 35) или плоских кружков толщиной 2 мм при диаметре 5 мм (рис. 34, 37). Впрочем, последние найдены не только в Усатово, но и в Маяках и, что любопытно, имеют одинаковые размеры. Говоря о происхождении этих бус, необходимо учитывать специфику поделочного материала, который требует обработки в районах добычи, то есть на Кавказе [6, с. 59]. Очевидно, такие украшения поступали уже в готовом виде и, не исключено, через посредничество днепро-бугских общин, в могильниках которых часто находят бисер из антрацита [113, рис. 11, 18]. Следовало бы проверить, из чего сделаны угольно-черные бусы в ожерелье из Брэилицы [201], поскольку в Усатово аналогичные бусы гагатовые,

а не из обожженного оленьего рога, как утверждают некоторые археологи. В случае положительного результата румынская находка обозначила бы максимальное распространение к западу кавказских украшений на рубеже энеолита и бронзового века. Бусины из гагата, похожие на усатовские, находят также в низовьях Дона [94].

Что касается украшений, изготовление которых на территории усатовской группы более чем вероятно, то это бусы из трубчатых костей и каплевидные подвески (рис. 34, 42) из просверленных зубов (?) животных. Возможно, в Усатово сделаны цилиндрические бусины из мраморовидного известняка (рис. 34, 38, 40), которые до сих пор считали костяными. Сложно судить, где изготовлена единственная бусинка из непрозрачного медово-красного янтаря (рис. 34, 41).

Неизвестен источник поступления в Усатово стеклянных бус и таких же украшений Софиевки, открытие которых является заслугой А.С.Островерхова [114]. В круг этих изделий хорошо вписывается грушевидная бусина из стекла винно-розового цвета, найденная мною в могиле 1/П-8 в Усатово (рис. 34, 33). Бусина имеет длину и диаметр 7,5 мм при диаметре отверстия 2 мм и сильно патинизирована. По мнению А.С.Островерхова, ее изготовили методом навивки. Количественный спектральный анализ 387/26, проведенный В.А.Галибиным в Лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР показал следующий состав бусины (в %):

SiO_2 — основа, Na_2O — 19 и K_2O — 4,3 (зола солончаковых растений), CaO — 14, MgO — 0,7, Al_2O_3 — 2,8, Fe_2O_3 — 0,9, MnO — 3,6 (краситель), PbO — 0,055, CuO — 0,005, TiO_2 — 0,11, SnO_2 — 0,026, Ag_2O — 0,04, NiO — 0,008, As — 0,21.

Здесь обращает на себя внимание абсолютно бесполезный с технологической точки зрения компонент — мышьяк. Он является свидетельством изготовления стекла металлургами, которые работали с арсениевыми бронзами и могли добавлять мышьяк в стекло, руководствуясь ритуализованной технологией своего основного производства. В этом отношении стеклянные бусы из памятников позднего Триполья служат прекрасной иллюстрацией концепции Вяч. Вс.Иванова о нерасчлененности производств в эпоху ранних металлов [77], в данном случае — мышьяковистой металлургии и древнейшей стеклоделания.

Гипотеза А.С.Островерхова о производстве стеклянных бус Усатово и Софиевки в одном из передовых центров ЦМП не лишена оснований. Однако нельзя согласиться с его утверждением, что эти находки на 1000—1200 лет моложе самых древних в мире стекол Египта. По сводке Д.Барага [192], древнейшие стеклянные изделия (бусы и кусочки стекла) обнаружены не только в Египте, но и в Месопотамии. Причем в Египте их находят в захоронениях не старше VI династии, а в Месопотамии — в культурных слоях, которые датируются, по Д.Барагу, 23—21 вв. до н.э. — эпохой Саргонидов и временем правления царей III династии Ура. Как мы увидим далее, позднее Триполье древнее по радиоуглеродной хронологии. Тем большую остроту приобретает вопрос о месте производства стеклянных бус из Усатово и Софиевки и путях доставки изделий в Северное Причерноморье. Вряд ли можно признать аргументированным мнение Дж.Меллаарта [205], который рассматривает Усатово как транзитный торговый порт (в частности, по торговле янтарем) и прокладывает маршрут для древних кораблей напрямую из Усатово в Анатолию через Черное море. Море, кажется, не играло столь существенной роли в жизни усатовских общин.

Пластика. К пластике усатовской группы относятся антропоморфные и зооморфные фигурки и так называемые кубики. Кроме того, в Усатово-Большом Куяльнике найден обломок алтаря или столика на ножках, сделанного из темно-серой керамики с толчеными раковинами и напоминающего алтарики из поселений группы Болград [154, рис. 52].

Усатовскую пластику считают в Триполье явлением своеобразным.

Действительно, только фрагменты семи фигурок из Усатово-Большого Куяльника напоминают обычные женские статуэтки позднего Триполья, особенно выхватинские и жванецкие [105; 108, с.252]. Некоторые фигурки этого типа лепили из двух половинок, скрепившихся перед обжигом (рис. 35, 4—5).

Чаще всего встречается тип статуэтки, для которой характерно основание в виде куба, усеченной пирамидки или даже трехгранной призмы и склоненная вперед верхняя часть тела, сделанная фалломорфной (рис. 35, 1). Итифаллический облик фигурок подчеркнут особой формой головы, а иногда еще глубокой прорезью или отверстием на темени. Кроме того, на нескольких статуэтках имеются налепы, обозначающие груди. Фигурки этого и остальных типов обычно лепились из глины с песчинками или толчеными раковинами. Иногда тесто тонко отмучено. Встречается выгоревшая при обжиге примесь соломы хлебных злаков и зерновок обычного проса (определение З.В.Янушевич). Возможно, технология изготовления статуэток связана с сопричастностью представляемых ими персонажей трем стихиям Вселенной — земле (плодоносящей), воде и огню. Статуэтки, которые "удачно" сломались по линии груди, позволяют видеть внутри "сердцевину" из глины и охры. Кроме того, в Усатово некоторые фигурки обмазывались до обжига тонкими слоями глины разной тональности, отчего грани изделия становились резко контрастными (темными и светлыми) либо последовательно темнеющими. Черточки и углубления обозначают на статуэтках ожерелья, глаза, брови, нос и уши, но ни разу не показан рот. Иногда нос пластичен. Высота всех фигурок 3,5—6 см. Отдельные статуэтки раскрашивались красным или белым веществом, а иногда и тем и другим сразу, что придавало им эффект полихромии (рис. 25, 13). На фигурках процарапывались и накальвались уголки, зигзаги, М и W-образные знаки, дужки, кружочки, звездочки, незамкнутые лабирисы, древовидные знаки в П-образной рамке (рис. 35, 1) или стилизованные варианты последних в виде двух линий. Интересно, что почти все эти начертания известны и в древнебалканской системе письменных знаков [77, рис. 11], и на керамике культуры Кукутени-Триполье [177, табл. ХСII]. Похожие статуэтки лепились в культуре Коцофени [215, Pl. 51] и в группе Фолтешты [57, рис. 6, 14, 38, 5]. Аналогии, которые приводит Э.Ф.Патоква [121], менее удачны с точки зрения хронологии.

Второй тип статуэток (красногорский) отличается бедным орнаментом и более реалистичной проработкой пластических деталей, прежде всего сидячей позы фигуры (рис. 19, 6). Поэтому красногорские фигурки считали самыми древними усатовскими статуэтками и прототипом фигурок первого типа [16, с.26; 57, с.133]. Но закрытые комплексы могильника Маяки опровергают данную точку зрения и свидетельствуют, что в погребальных ритуалах одновременно употреблялись еще два типа пластических изображений. К одному из них (третьему типу) относится расписная статуэтка (рис. 28, 1), которая была вершиной усатовского искусства мелкой глиняной пластики [74; 121].

Фигурки четвертого типа имеют колоннообразную, заметно расширенную в плечах форму. Статуэтки стоячие (иногда с легким наклоном вперед), но стилизованы по тому же принципу, что и статуэтки первого типа. Отмечены и аналогичная охровая "сердцевина" и примесь проса. Однако на фигурках четвертого типа четко видна одежда, тогда как на статуэтках первого типа о ее существовании можно только догадываться. Прочерченные линии обозначают на фигурках крестообразные перевязи и прикрепленные к ним лентами набедренные повязки (коротенькие юбочки) или пояса с рядами лент спереди и сзади (рис. 35, 4; рис. 22, 1—3). Интересна трактовка передников (юбок) знаками в виде гребня, что позволяет предположить аналогичную деталь "костюма" и на фигурках первого типа. Возможно, статуэтки четвертого типа являются мужскими изображениями. Основание статуэток обычно вогнутое, а иногда имеет

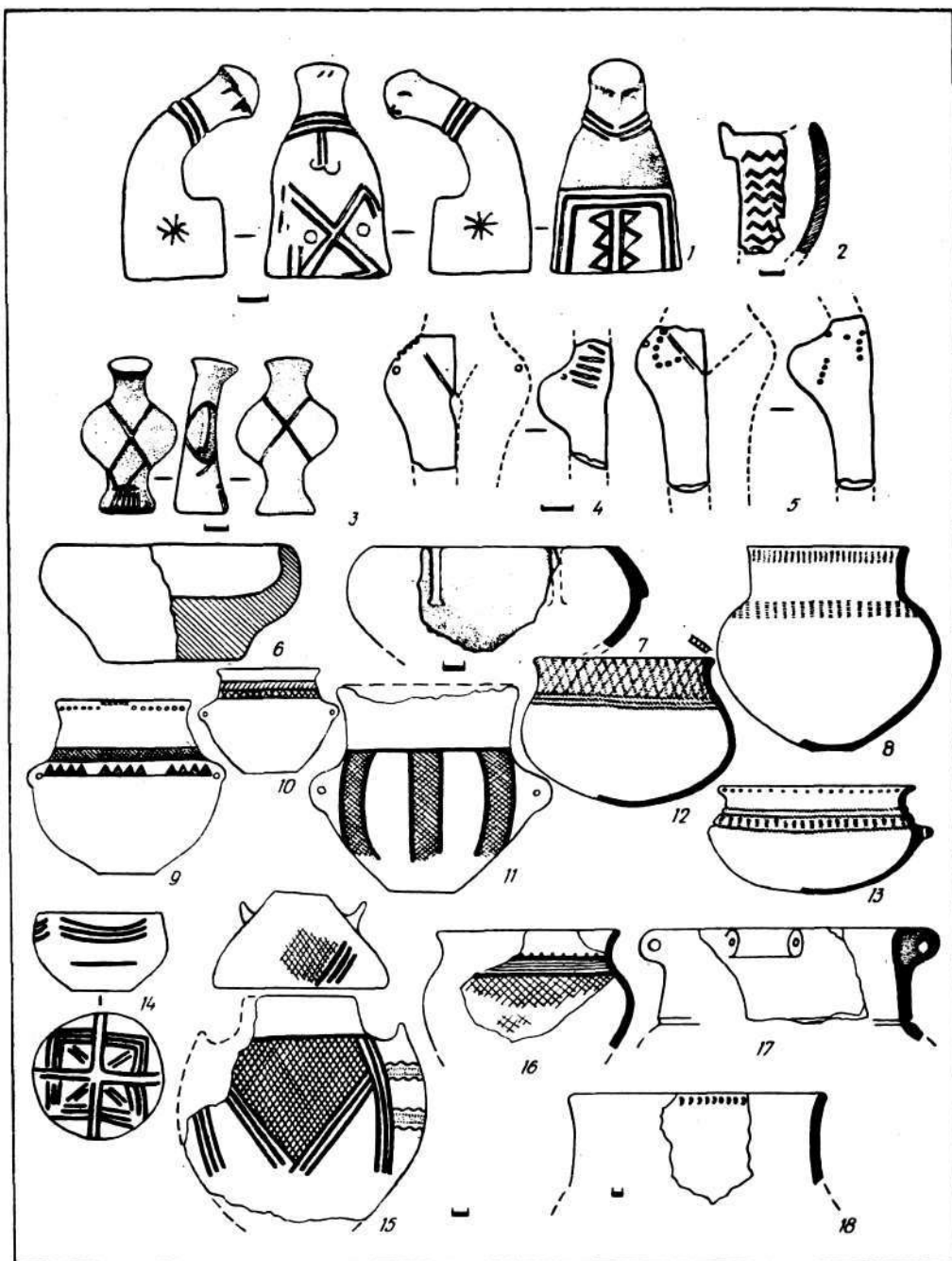

Рис. 35. Антропоморфные статуэтки и образцы керамики из поселения (2, 4–7) и погребений (12–14) Усатово, из поселений Маяки (1, 3) и Орловка (16–18) и курганов в Слободке-Романовке (15), Каменке (8), Желтом Яру (9), Кислице (10) и Суворово (11)

глубокое отверстие или носит следы отламывания от какой-то подставки, на которой статуэтку лепили и обжигали. Всего в Усатово и Маяках найдено 27 таких статуэток, столько же известно аналогичных фигурок так называемого серезлиевского типа по всему днепро-бугскому ареалу [113, с. 44]. Сравнение последних с усатовскими фигурками не оставляет сомнений в существовании в степи двух вариантов единой традиции искусства мелкой пластики.

Пятый тип пластики известен нам по единственному обломку горса статуэтки-оранты из Усатово-Большого Куяльника (рис. 35, 2). И, наконец, к шестому типу фигурок относятся упомянутые стоячие статуэтки, изображающие обнаженных женщин.

Три глиняные зооморфные статуэтки (быков ?) найдены в Усатово-Большом Куяльнике [119, рис. 14]. Одна из них была не самостоятельной фигуркой, а ручкой сосуда. Обычное для простых ручек отверстие здесь грубо проткнуто по сырой глине через глаза и нос изображения животного. Утверждают, что на этой фигурке краской нарисована упряжь [57, с. 110, рис. 40, 6]. В действительности рисунок поразительно напоминает орнаменты некоторых антропоморфных фигурок первого типа (рис. 25, 13).

Керамические поделки в виде кубиков [16, табл. 1; 57, рис. 39; 119, рис. 15] имеют особенности, которые еще не упоминались и важны для изучения семантики этих изделий. Прежде всего обращает на себя внимание примесь кусочков соломы и даже зерен каких-то хлебных злаков к глине нескольких кубиков. Другой особенностью является единая система орнамента на кубиках с двумя узорчатыми гранями: грани отличаются одна от другой графикой орнамента [119, с.40] и по принципу чет-нечет, причем всего линий в узорах 5 или 7 [119, рис. 15, 1-4, 11]. Видимо, орнамент имел особый смысл для тех, кто лепил эти кубики. В одном случае [119, рис. 15, 6] узор явно умышленно удален точечной оббивкой поверхности готового изделия. Как и антропоморфные статуэтки, разбитые и даже целые кубики выбрасывались в Маяках в канавы с очажным и строительным мусором, а в Усатово-Большом Куяльнике найдены в зольнике [16, с.27] и в скоплениях мусора вокруг жилищ. С.Н.Бибиков убедительно доказал, что подобное отношение к ритуальным пластическим изображениям обуславливалось календарной земледельческой обрядностью плодородия, которая, как считает исследователь, вызвала к жизни и обычай человеческих захоронений (жертвоприношений ?) на поселениях Триполья. Все это в принципе сопоставимо с находками цельных и умышленно поврежденных антропоморфных фигур за чертой поселения, в погребениях с анатомически полными и расчлененными скелетами, в частности в усатовских могильниках.

Керамика и вопросы периодизации. Определенные различия в посуде усатовской группы привели исследователей к предположению, что эта группа прошла в своем развитии два или даже три этапа [57, с. 131 и сл.; 119, с.156-157; 177, с.224-226]. Считается, например, что для позднего этапа характерны тонкие лощеные сосуды, почти неизвестна расписная керамика, грубая посуда часто орнаментируется не шнуром, а штампом. Однако этот вывод основан на подсчетах обломков посуды из Усатово-Большого Куяльника и поселения Маяки и не подтвержден вертикальной стратиграфией. Острый недостаток стратиграфических данных для всего Триполья в последние годы успешно компенсируется хронологическими классификациями, основанными на стилистических и морфологических методах анализа керамики из закрытых комплексов [29; 41], но такого рода изучение усатовской посуды пока не проводилось.

Закрытые комплексы — это соединения вещей, имеющие определенное назначение (ритуальное, например) и найденные *in situ*. Закрытыми комплексами в усатовских памятниках являются могилы. Впрочем, в последние годы становится все более очевидным, что и курган с однокультурными погребениями — это тоже своего рода замкнутый комплекс, все в котором имеет ритуальный символический смысл и взаимосвязано. Можно попытаться расчленить хронологически усатовские памятники, если выделить группы коррелирующих типов посуды из закрытых комплексов (могил).

В предлагаемую классификацию обеих категорий керамики (рис. 36-38), о которых говорилось в предыдущей главе, включены сосуды соб-

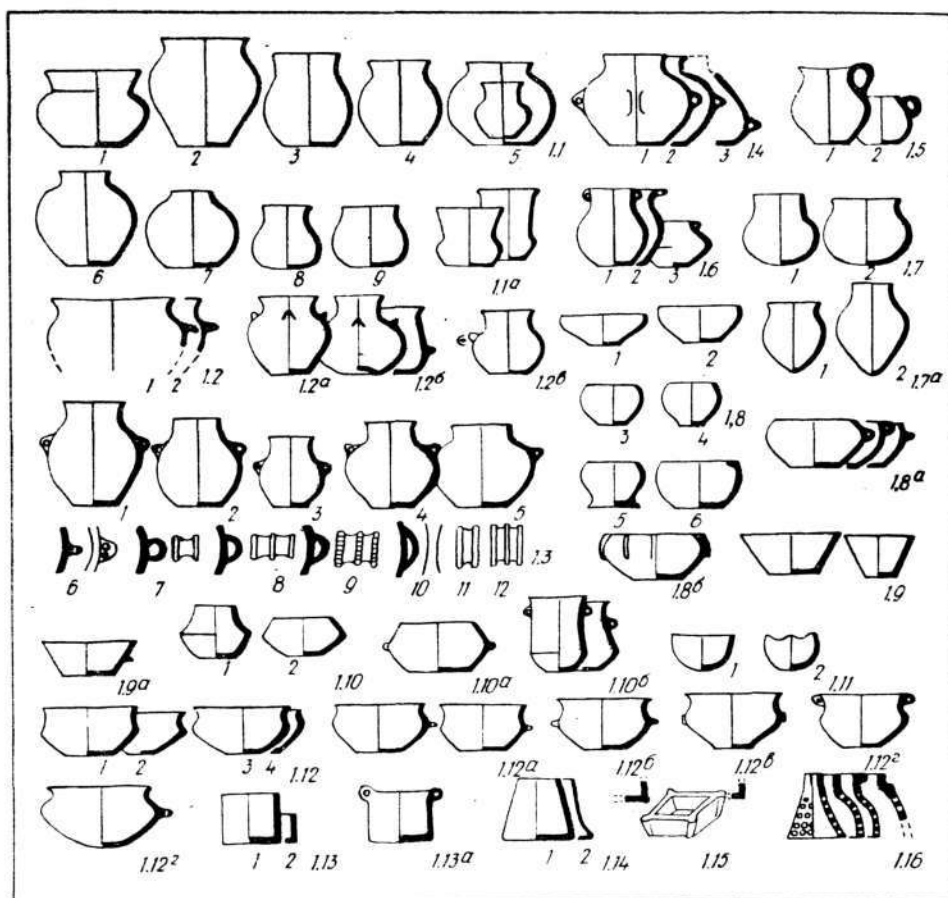

Рис. 36. Классификация форм усатовских сосудов первой категории

ственно усатовской группы и традиционно к ней относимых памятников Нижнего Поднестровья и Прутско-Днестровского междуречья. Причем находки в Усатово и Маяках фактически исчерпывают все разновидности керамики первой категории. Редкие типы сосудов помечены на рисунках 36—38 буквенными индексами рядом с цифрами, первая из которых обозначает категорию керамики, а вторая — тип формы или орнамента. Учтены классификации, созданные ранее [15; 44; 57; 119; 177]; прежде всего примененные в них принципы деления материала оказались полезными для нашей схемы.

В корреляционные таблицы вошли комплексы, где находилось не менее двух орнаментированных сосудов. Причем в каждом случае сочетания типов учитывались попарно. Таблицы были составлены для форм и узоров отдельно и дали неравнозначные результаты. На первой из них не удалось получить четкой группировки типов. Возможно это связано с относительной хронологической устойчивостью форм или, быть может, с недостатками классификации. Однако орнаменты встречаются один с другим принципиально иначе — довольно четко выделились корреляционные поля, соответствующие двум группам комплексов (рис. 39, 1). Правда, поля немного накладываются друг на друга, поскольку небольшая серия комплексов обладает смешанными признаками (типами орнамента).

Наиболее существенно отличаются углубленные орнаменты, а не росписи. Левое корреляционное поле, например, принадлежит в основном сосудам с опоясывающими отрисками перевитого (намотанного) шнура,

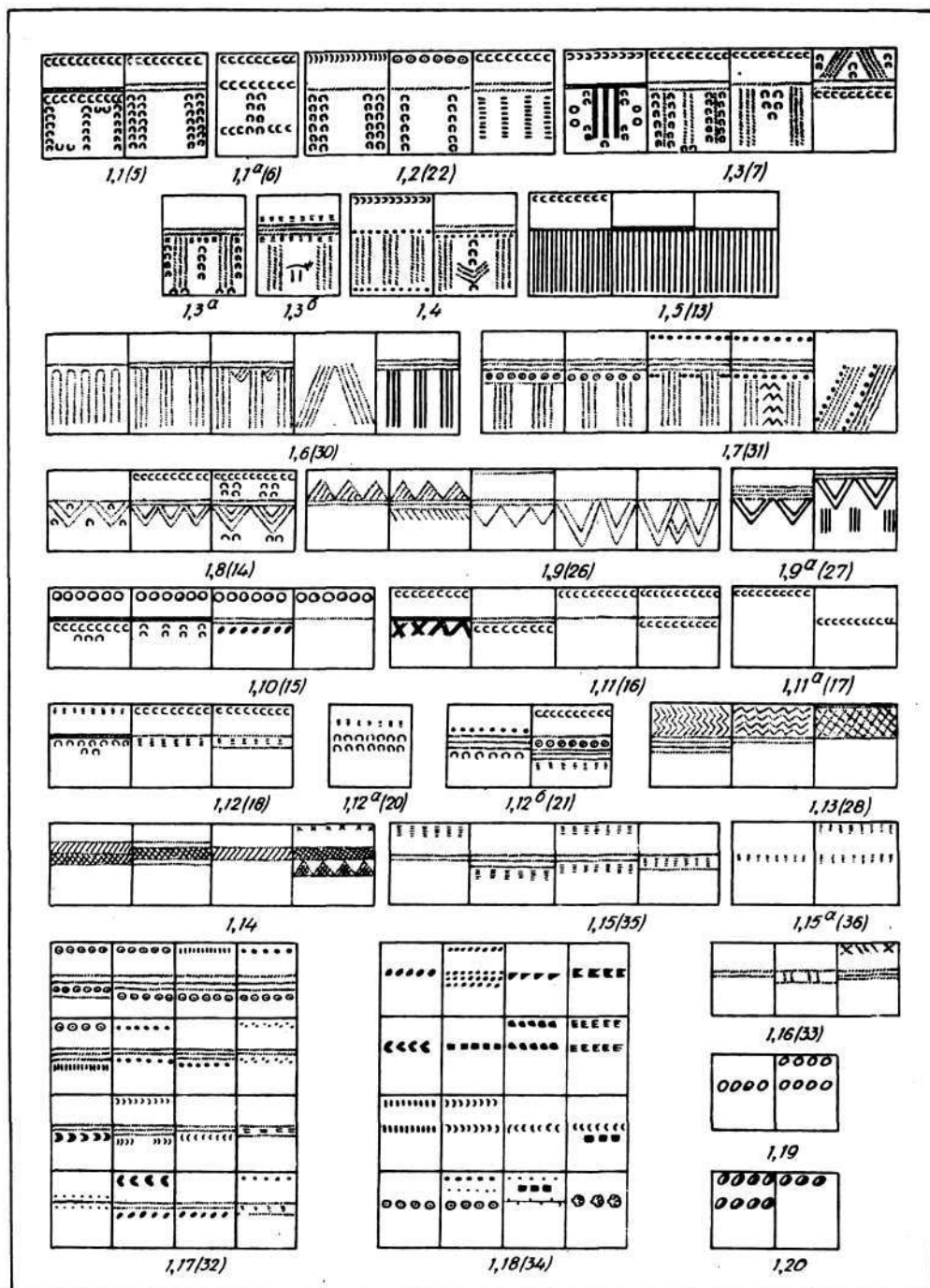

Рис. 37. Классификация орнаментов посуды первой категории
(цифры в скобках соответствуют нумерации на рис. 39, 1)

серпиками, "жемчужинами" (типы 1.1-1.3 и 1.10-1.12, например). В правое поле попали главным образом узоры в виде пояса с опущенными на тулово сосуда пучками параллельных линий, сделанные простым шнуром (веревочкой) и часто сопровождаемые отпечатками разных штампов — типы 1.6, 1.7, 1.18 и др. (рис. 37). Однако на памятниках усатовской группы мы не найдем никаких данных, чтобы определить, какое корреляцион-

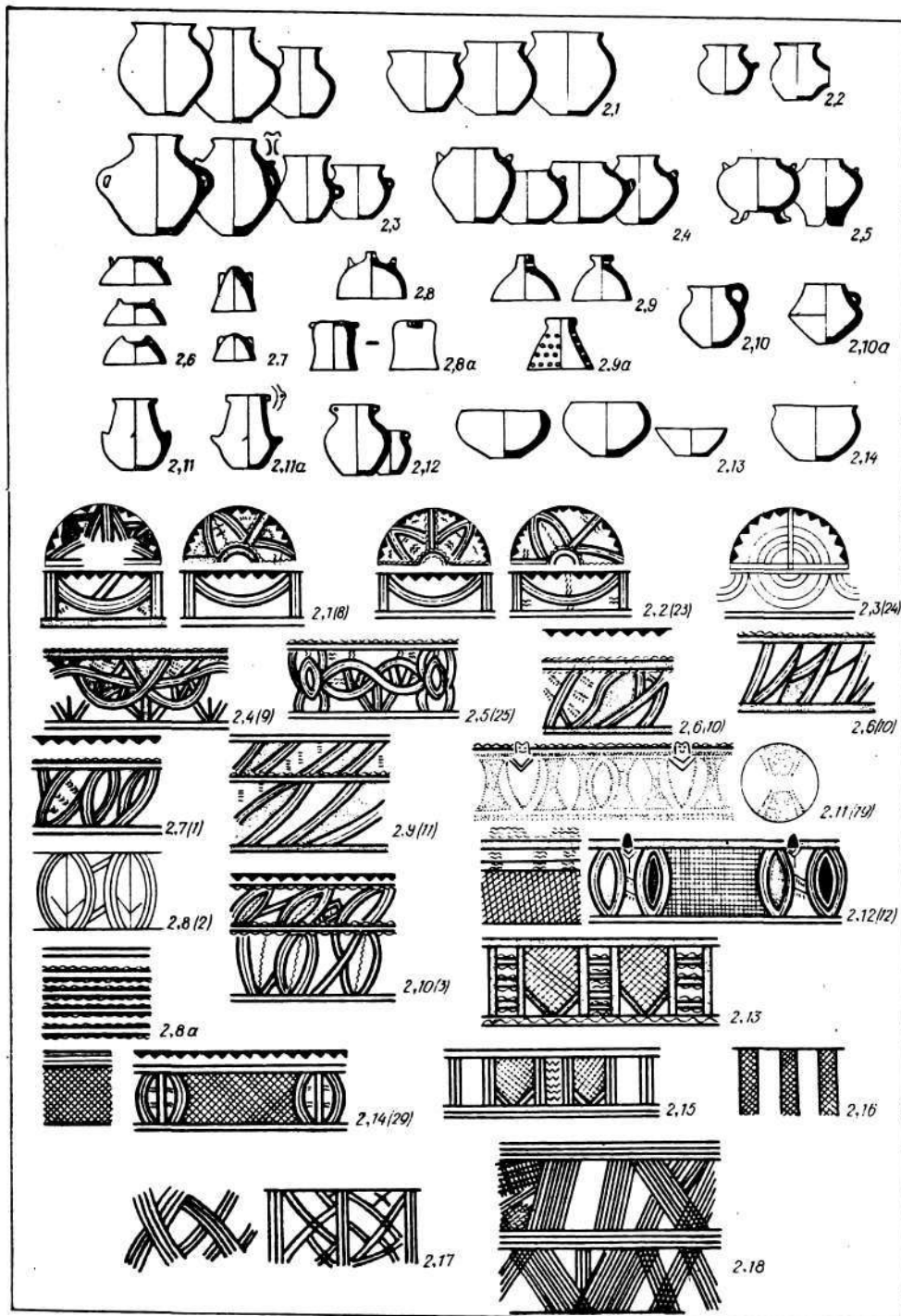

Рис. 38. Типы форм и росписей поздне трипольских сосудов из степных памятников Северо-Западного Причерноморья (цифры в скобках соответствуют нумерации на рис. 39, 1)

ное поле отражает начало эволюции этой группы, а какое ее конец. Очевидно, хронологический критерий необходимо найти вне ареала усатовских памятников. В некоторой степени можно ориентироваться на колонку культур Балкано-Карпатского региона ЦМП, поскольку известно о связи с ним металлургического очага Усатово.

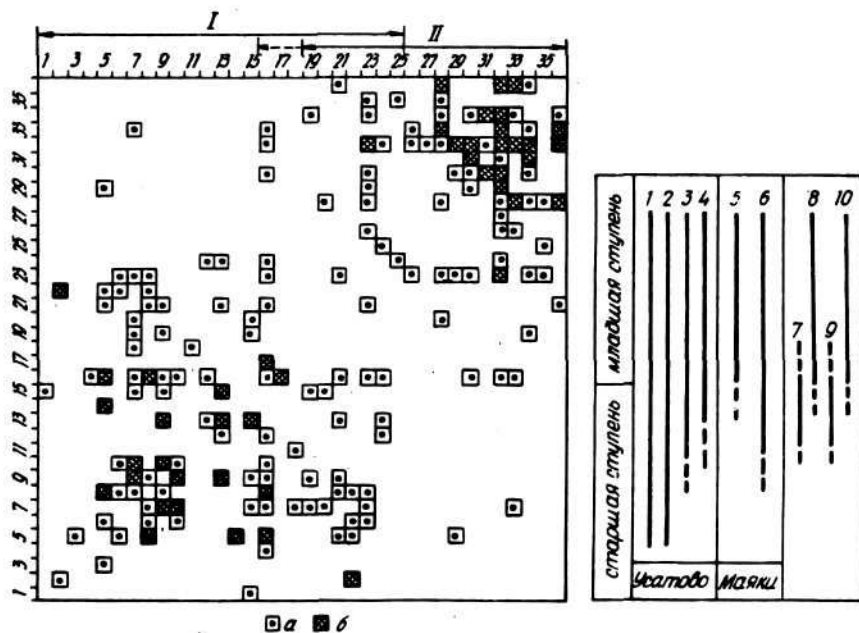

Рис. 39. Периодизация усатовской группы:

- 1 — взаимовстречаемость типов орнамента посуды в закрытых комплексах могильников Усатово и Маяки (а — один раз, 2–6 раз), 2 — синхронистическая схема (I — поселение; 2–3 — Первый и Второй курганный могильники; 4 — бескурганный могильник; 5 — поселение; 6 — могильник; 7 — Олонешты, Парканы 91, Раскайцы, Спея, Терновка 5/179, Тудорово, Плосковское 263; 8 — одиночные курганы и курганные группы Нижнего Поднестровья (кроме обозначенных в предыдущей колонке, см. рис. 30, Б); 9 — Данку, Данчени; 10 — памятники Буджака, см. рис. 30, Б)

И действительно, первое корреляционное поле включает узоры, элементы которых характерны для культуры Чернавода I [206, Авв.8–12], уходящей в глубь энеолита. Это давно известное сходство, распространяющееся и на некоторые формы посуды, служит даже свидетельством хронологической близости поздней Чернаводы I и Усатово [57, с.141; 206, р. 76; 215, fig. 1]. В свое время еще Е.Ф.Лагодовская считала керамику с серпиками в Усатово наиболее архаичной. Что же касается узоров, типичных для второго поля, то нельзя не заметить отдельных стилистических совпадений с посудой следующих за Чернаводой I [209, р.171] культур раннего бронзового века Эзеро [51], Коцопени [214], Баден [191].

Интересно также сравнить корреляционную таблицу усатовской керамики с аналогичной таблицей Выхватинцев [41, рис. 20], тем более что обе они построены разными методами. Во-первых, есть несомненное сходство в чередовании типов росписей. Во-вторых, обращает на себя внимание, как распределились по условным хронологическим горизонтам Выхватинцев те несколько сосудов [41, рис. 3, 11, 8, 18, 9, 19, 11, 8], которые нетипичны для позднетрипольской керамики Среднего Поднестровья и либо являются подражаниями усатовской керамике, либо "импортами": двум первым горизонтам этого памятника принадлежат сосуды с серпиками и "жемчужинами", более позднему третьему — сосуд, орнаментированный пучками шнуровых линий.

Эти аналогии дают определенное основание считать, что в расположении корреляционных полей (рис. 39, I) отражена именно хронологическая последовательность групп замкнутых комплексов: одна из них, первая, является ранней, а вторая относительно поздней. Результаты корреляции позволяют выделить старшую и младшую ступени развития усатовской группы и характерную для них керамику.

В Усатово каждый курган содержит захоронения либо старшей, либо младшей ступени, но в группах бескурганных могил такого четкого раз-

граничения разновременных погребений не наблюдается. К старшей ступени в Усатово относится большинство курганов и бескурганых могил, к младшей — например, группа 4 и могилы 1/2 и 2/2 бескурганного некрополя и раскопанные мною курганы I-16, II-6 и II-9. В Маяках курганы и бескурганные (?) комплексы 1, 3, 6—10, II—III, V, VII, погребения 2/I и 1/4 принадлежат к поздней ступени. К старшей ступени (к ее финалу?) относятся курган 5, комплекс IV и, возможно, могилы 1/I и 2/4 в Маяках.

Что касается поселений, то в Усатово-Большом Куяльнике имеется посуда обеих ступеней, а в Маяках — поздняя. Интересно проследить за распределением посуды в Усатово-Большом Куяльнике. В заполнении траншей (участок II), в зольнике (участок III) керамика раннего облика решительно преобладает. С окраины поселения, где открыты дома 1—3, материал смешанного характера, с участка LII — преимущественно поздний [90].

Уверенно определить хронологическую позицию отдельных замкнутых комплексов крайне затруднительно или даже невозможно, если они не дают таких сосудов, орнаменты которых "полярны" на корреляционной таблице. Речь идет прежде всего о могилах, куда поставили по одному сосуду, а именно — горшок с пояском шнуровых оттисков в основании шейки (узор типа 1.16), амфорку с таким же орнаментом или вообще без узора, чашу из отмученной глины с черной метопной росписью типа 2.2. Такая посуда известна и в ранних и в поздних комплексах, а также попадает в зону пересечения корреляционных полей. Даже чаши с бихромной (черной и красной) росписью типа 2.1, вопреки популярному мнению об их древности в Триполье СII, иногда находят в бесспорно поздних материалах поселения Маяки [57, рис. 12, 12]. Все это учитывалось при синхронизации памятников (рис. 39, 2).

Керамика усатовской группы отличалась разнообразием форм и необычайным богатством орнаментов. Сосуды лепились из глиняного теста нескольких сортов. Как уже отмечалось, к глине добавляли раздробленные ракушки, ракушки, растертые в порошок и песчинки и т.д. Использовалась и почти чистая, тонко отмученная глина. Готовые изделия подвергались обжигу. Его обычно вели при температуре от 750 до 850 и от 900 до 1050 °С, хотя нередко употреблялся и режим в 800—950 и даже 600—700 °С [143]. Гончарные печи до сих пор не открыты и только обломки глиняных плит с "перфорацией" на поселении Маяки могут свидетельствовать о существовании таких печей.

Посуда с примесями к глине и углубленным орнаментом преобладала на обеих ступенях. О количестве другой, расписной посуды, едва ли можно судить по раскопкам могил, как это иногда делается, тем более видеть в ее процентах непосредственный хронологический критерий. В могильниках эти находки связаны прежде всего с "престижными" захоронениями и часто сопутствуют таким атрибутам социального ранжирования как курганные насыпи, металлическое оружие и инструменты, украшения. Что же касается поселений, то в Усатово-Большом Куяльнике, например, расписные сосуды, как их не считай — по обломкам венчиков, доньшек или стенок — составляют максимум 8 % всей керамики, а вовсе не 12 % [119, с. 26] или 18 % [57, с. 90], то есть не намного больше, чем в Маяках по самым высоким оценкам [57, с. 90]. В том же Усатово, однако, а на Днестре особенно, курганы насыщены великолепной расписной посудой. Но это не удивительно. Ведь и другая изысканная керамика — тонкая и лощеная, из глины с примесями, с белой и красной инкрустацией — тоже в основном употреблялась в погребальном ритуале, как показали раскопки в Маяках. Выделяется на этом фоне бескурганый могильник Усатово, где погребались люди низкого происхождения [1, с. 12; 57, с. 129]. Соответственно здесь для погребального ритуала изготовлялось много крохотных сосудов, часто слабого обжига [119, с. 139] и лишь по стилю похожих на боль-

шие, добротной отделки сосуда из "богатых" могил в курганных усыпальницах Усатово. Грубая толстостенная посуда крупных размеров (от 30 до 100 см в высоту), наоборот, характерна для поселений.

В целом для старшей ступени свойственны "кухонные" сосуды (подгруппы 1 первой категории), но ближе к ее финалу появляются, видимо, и первые образцы "столовой" керамики этой же категории. Происходят и определенные изменения в системе орнаментации посуды с примесью ракушек к глине. Эти перемены выразились прежде всего в том, что типичные для старшей ступени серпики и "жемчужины" мастера начинают комбинировать с гусеничками и оттисками всевозможных штампов, а на поздней ступени полностью вытесняют ими старые элементы орнаментации. Однако преемственность в мотивах и композициях орнаментов сохраняется. Основную роль играют пояса и колонки — нанесенные на сырую глину орнаментальные ленты, опущенные с плечиков к дну сосуда (рис. 37).

На раннеусатовской "ракушечной" керамике встречается несколько типов орнамента: узор из замкнутых оттисков простого или перевитого шнура, комбинированный с поясами и колонками серпиков (тип 1.1); пояса и колонки серпиков (1.1^a); шнуровой пояс с колонками серпиков или оттисков плоской палочки, сопровождаемый поясами серпиков либо скобок или кружочков, сделанных трубчатой костью (?) диаметром 5—8 мм (1.2); пояса, колонки и наклонные ленты из шнуровых линий с серпиками (1.3); шнуровые линии, оттиски круглого штампа, серпики (1.4); корпус полностью расчерчен вертикальными линиями, еще одна такая линия или оттиск перевитого шнура опоясывает шейку сосуда, под венчиком — пояс серпиков (1.5); шнуровая лента из горизонтальных линий и треугольников, опущенных вершинами вниз, серпики (1.8); пояса "жемчужин" и отпечатков простого или перевитого шнура, комбинированные с серпиками или с овальными углублениями (1.10); пояса шнуровых линий и серпиков (1.11); пояса серпиков (1.11^a); замкнутые шнуровые линии, пояса серпиков и гусеничек (1.12); орнаментальный пояс из серпиков и гусеничек (1.12^a); орнаментальный пояс из шнуровых линий, серпиков, оттисков круглого штампа, трубочек из кости птшицы или жесткого стебля (от 2 до 4 мм в диаметре) и плоской палочки (1.12^b). Изредка встречаются прямоугольные и полукруглые оттиски штампов, характерные для поздних узоров типа 1.18, вертикальный шнуровой зигзаг типа 1.13.

Что касается форм сосудов, то наиболее характерны различные варианты горшков типа 1.1 — плоскодонных, то с шаровидным, то с приземистым или, наоборот, стройным корпусом и по-разному моделированной горловиной (рис. 36). Именно эта форма служила основой еще нескольких типов посуды, отличающихся один от другого прежде всего расположением и формой ручек или налепов. Горшки орнаментировались всеми перечисленными разновидностями узоров, за исключением, кажется, одной — не применялось сплошное расчерчивание линиями, идущими от основания шейки ко дну. Такой орнамент встречается на амфорах. Амфоры типа 1.3 имеют по два горизонтально проколотых налепных ушка или по две ручки, а малочисленные амфоры типа 1.4 — по четыре. Вариации форм и тех и других амфор составляют как бы параллельный горшкам типологический ряд. Причем амфоры типа 1.4 — шаровидные, а один такой неопубликованный сосуд из могилы 6/II-2 в Усатово необычно приземист. Ручки амфор как правило округлые и только на некоторых сосудах коленчатые. Последние интересны тем, что могут быть объяснены влияниями культуры воронковидных кубков, но не прямыми, а скорее опосредованными, пришедшими от лесостепного позднетрипольского населения, на посуде которого влияния этой культуры заметны отчетливо [99, с. 176]. Амфоры с двумя ручками-ушками отличаются разнообразной орнаментацией, но узоры с "жемчужинами" на этих сосудах не известны. Такой орнамент встречается, кроме горшков, еще лишь на асковидных сосудах типа 1.5. Сосуды типа 1.6 с двумя проколотыми ушками на краю венчика

условно называют "молочными крынками"; в ранних комплексах найдены две "крынки" — [144, с. 253, рис. 22] и (рис. 21, 16). Зато многочисленны миски типа 1.12, имеющие S-овидный профиль и характерную для старшей ступени орнаментацию. Встречаются и миски типов 1.12^a—1.12^г с S-овидным профилем и одним-двумя вертикально или горизонтально проколотыми ушками на плечиках или на краю венчика, с пластическими шишечками. К редким разновидностям посуды относятся плоскостенные пузатые горшочки типа 1.2^б с шишечкой или одним проколотым ушком на боку, нарисованные неточно [119, рис. 26, 6, 50, 1], круглодонный горшок типа 1.7 из могилы 1/1-6 в Усатово (не опубликован), чаши, имеющие усеченную полусферическую форму типа 1.8, кубки типа 1.10^б с ушками и резко профилированным корпусом.

Среди ранней керамики другой категории — поздне трипольской посуды из желтой или красновато-коричневой отмученной глины, расписанной до обжига одной (черной) или двумя (черной и красной) красками — следует выделить прежде всего изделия, типичные для Выхватинцев, отчасти для брызенской культурной группы. Такие сосуды преобладают среди расписной керамики старшей ступени и отличаются от остальных не столько формами, сколько стилем росписей, основную роль в котором играет лента из двух широких параллельных полос и одной или нескольких тонких полосок темной краски между ними. В бихромных росписях пространство между лентами заполнено красными треугольниками и линиями, иногда с "бахромой" из черных черточек. Эти росписи делают на метопные композиции (типы 2.1 и 2.2), "совиные лики" (типы 2.4 и 2.5), одно- и двухъярусные фризы из овалов (типы 2.6, 2.7, 2.9 и 1.10). Метопами орнаментировались чаши усеченно-полусферической формы (тип 2.1), "совиными ликами" — амфоры с двумя ручками (2.4), а овалами — горшки, кувшины (2.12—2.13), отдельные амфоры с двумя ручками (2.4) и амфоры с вертикально проткнутыми ушками (2.5), усеченно-полусферические крышки типа 2.7 к амфорам (рис. 38).

Некоторые горшки и "молочные крынки" (тип 2.14) орнаментировались ленточными росписями типа 2.8, состоящими из полосок одинаковой ширины и этим напоминающими стиль гординештской посуды. В аналогичном стиле изображены метопы типа 2.3 на чаше из Маяков (рис. 21, 13), похожей на чаши из Красногорки [40, рис. 2, 26], Барсуков и Волчинца на Днестре [117, рис. 1, 11, 2, 14].

В Маяках зооморфная амфора на четырех ножках (2.6) имеет роспись типа 2.12 из зомраченных красным черных лент и сетки (рис. 21, 14). Вопреки мнению о позднем происхождении такого типа росписи, она встречается на керамических изделиях в могилах, считающихся в Выхватинцах древними [41, рис. 7, 1]. Впрочем, и монохромная сетчатая роспись типа 2.14, судя по находкам в Маяках (рис. 25, 1), Усатово [119, рис. 32, 7] и Выхватинцах [41, рис. 5, 17], была известна достаточно рано. Отметим, наконец, росписи типа 2.11, на которых главенствуют не черные, как обычно, а красные знаки (овалы, лабрисы), нарисованные на амфорах из Маяков (рис. 25, 1) и кургана I-12 в Усатово (не опубликована), имеющиеся и в Выхватинцах [41, рис. 7, 28]. К старшей ступени относится лошаная мисочка типа 2.3 с S-овидным профилем, вылепленная из необычно плотной и тяжелой красной глины [119, рис. 26, 13].

Для позднеусатовской ступени характерны как относительно грубые, так и тонкие "столовые" сосуды из керамической массы с примесями. Первые орнаментировались преимущественно крупными штампами, часто в сопровождении отпечатков довольно толстой (до 4 мм) веревочки; вторые — тонким шнурком или нитью, миниатюрными штампами, узор инкрустировался белой и красной пастой, под венчиками делались ряды отверстий. Применялось несколько типов орнамента (рис. 37): пояс и опущенные вниз пучки шнуровых линий, сопровождаемые отпечатками круглоконечного штампа, тонкой трубочки (1.7); опоясывающие линейные

оттиски шнура, шнуровые треугольники, поставленные на основание или опущенные вершинами вниз (1.9); узор, композиционно аналогичный типу 1.9, но треугольники, а иногда и весь орнамент прочерчены палочкой (1.9^a); поверхность шейки сосуда покрыта оттисками шнура — вертикальным или горизонтальным зигзагом или косой сеткой, иногда в сочетании с гусеничками, нанесенными на край венчика (1.13); опоясывающие оттиски шнура, ряды гусеничек (1.15); ряды гусеничек (1.15^a); горизонтальная шнуровая лента, сопровождаемая отпечатками штампов — трубочки, скобы, палочки с плоским, круглым, овальным концом или в виде серпиков, наряду с которыми встречаются гусенички (1.17); "чистый" штамповый узор — овальные, полукруглые, квадратные, треугольные В-образные и плоские углубления, отпечатки скобы и трубки, оттиски палочки с квадратным бороздчатым концом и (только в Усатово-Большом Куяльнике) даже отпечатки ракушки "морское сердечко" (тип 1.18).

Что касается типологии форм посуды первой категории, то на поздней ступени изготовлялись, как и в предшествующий период, горшки — плоскодонные, типа 1.1, а иногда и круглодонные сосуды типа 1.7 (рис. 35, 12), амфоры с двумя горизонтально проколотыми ушками, миски с S-овидным профилем, "крынки", горшочки с одним ушком. Асковидные сосуды не известны в замкнутых комплексах (могилах), но встречаются на поселении Маяки. Исчезают амфоры с четырьмя ручками. Получают широкое распространение усеченно-полусферические чаши. Найдены четырехугольные мисочки. Новациями в керамике поздней ступени определенно являются цилиндрические и усеченно-конические кубки типов 1.13—1.14, кубок типа 1.1^a с высокой цилиндрической горловиной [119, рис. 46, 7], яйцевидные горшки типа 1.7^a, круглодонные чашечки типа 1.11, одна из которых (в кургане I-16 Усатово) имеет лепестковидный венчик, сосуды усеченной конической и биконической формы (типы 1.9—1.10^a), круглодонный сосуд типа 1.12^d (рис. 35, 13), а также применение шамота в качестве примеси к глине некоторых чаш типа 1.8 в Усатово, по-видимому, заимствованное у керамистов гординештской группы или же у соседей в Подунавье. Узор на отдельных сосудах в Маяках [57, рис. 37, 2] (рис. 26, 12) напоминает врезной орнамент гординештских сосудов. Заслуживает внимания банковидный горшок (1.2^a) с шишечками на плечиках, найденный в кургане I-16 в Усатово: это пока единственный типично позднетрипольский "кухонный" горшок в усатовском керамическом комплексе.

Поздняя расписная керамика сохранила почти все формы, известные на старшей ступени — чаши, амфоры типов 2.4 и 2.5 и крышки к ним типа 2.7, кувшины, "молочные крынки", горшки. Характерны аналогичные выхватинской посуде монохромные метопы, овалы и "совиные лики". Иногда встречается сетка. В качестве новаций могут рассматриваться приземистые банковидные горшки с монохромными метопами (рис. 23, 10), вероятно, неизвестные на старшей ступени. Отдельные образцы посуды на поселении Маяки [57, рис. 12, 10—11], чаша из кургана I-16 в Усатово (рис. 35, 14) близки посуде гординештской группы (рис. 40, 8, 9).

В дополнение к характеристике керамики необходимо упомянуть о разновидностях посуды, встречающихся только на поселениях. Прежде всего это горшки, амфоры и S-овидные в профиле миски больших размеров, имеющие грубую фактуру и толстый черепок серого цвета, насыщенный дроблеными раковинами. В Усатово-Большом Куяльнике обычным узором такой посуды являются овальные вмятины — ровные или с сильно оттянутым краем (типы 1.19 и 1.20), сделанные пальцами. Именно от этих сосудов, которые даже предлагается выделить в отдельную керамическую группу [119, с. 29], в Усатово-Большом Куяльнике найдены крупные гладкие и реберчатые ручки. Интересны также горшки типа 1.2 с пластическими налепами в виде плоского упора или загнутого вниз крюка.

Другой разновидностью керамики являются изделия наподобие буты-

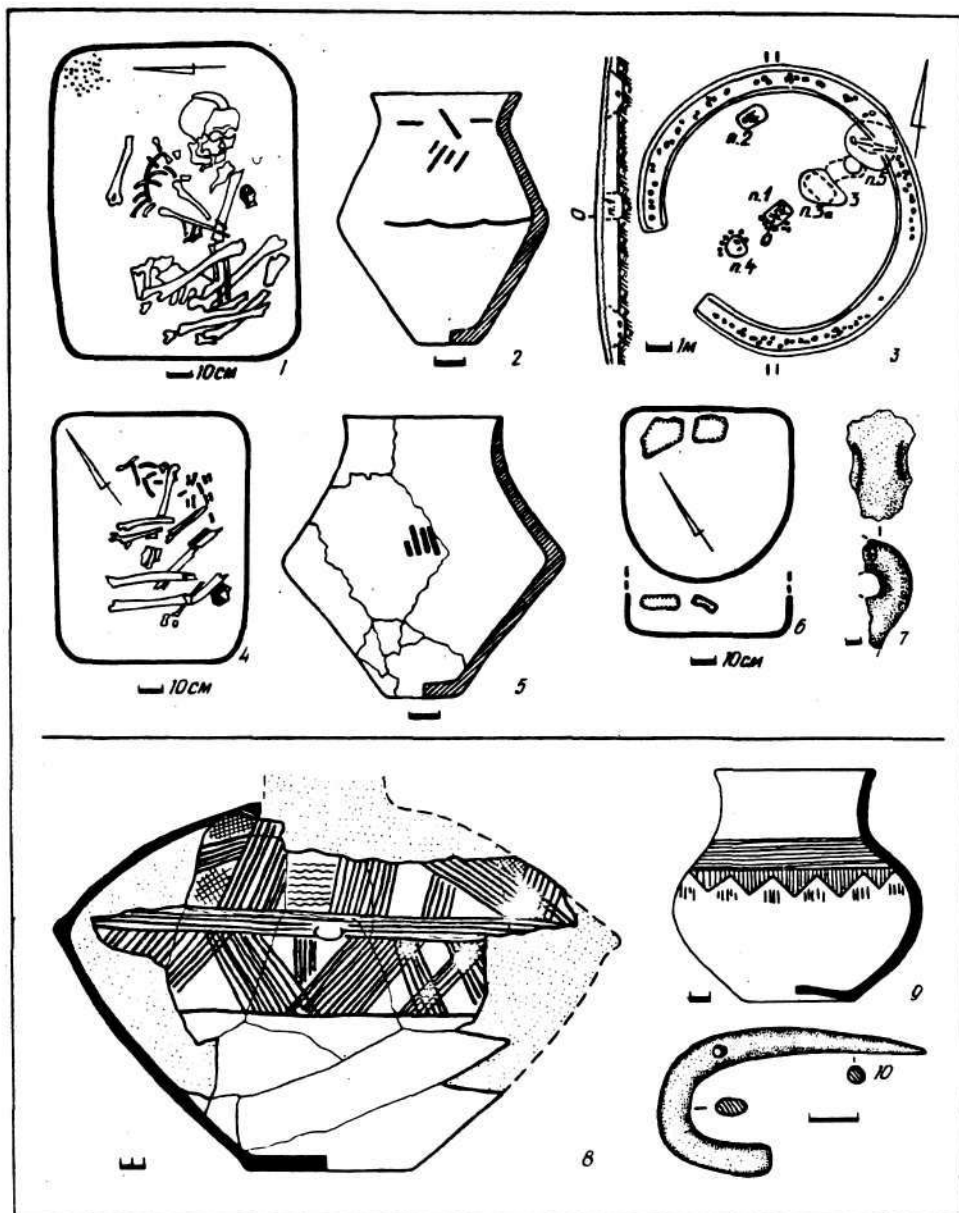

Рис. 40. Материалы неолитических погребений в Кошарах (1-2) и могильника Хаджидер (3-7), гордишецкие сосуды из Кубея (8) и Гура-Быкулуй (9), посоховидная булавка из Болграда (10)

лок без дна или воронок типа 1.17, стенки которых пронизаны отверстиями. Утверждают, что воронки относятся к категории грубой посуды [119, с. 32]. В действительности они вылеплены из теста разных сортов, даже из отмученной глины. Интересно, что на юго-востоке Европы такая "посуда" спорадически встречается от неолита до античного периода, не претерпевая существенных изменений от культуры к культуре, но интерпретируется по-разному. Усатовские воронки считают цедрильниками [57, с. 87], хотя они могли быть крышками сосудов, служивших курильницами. Еще одна особенность Усатово-Большого Куяльника и поселения Маяки — это единичные обломки керамики с примесью половы хлебных злаков, напоминающие по текстуре обмазку (рис. 35, 6).

Кроме того, поселения дали ряд керамических находок, важных для

изучения связей и относительной хронологии усатовской группы. Например, обломок гордишештской чаши [119, с. 29, рис. 9, 18]. Найденный здесь же, в Усатово-Большом Куяльнике, фрагмент чаши с вертикальными валиками, с толчеными раковинами в черепке (рис. 35, 7) может рассматриваться как подражание посуде балкано-дунайских культур раннего бронзового века Эзеро [51] и Чернавода III [206, S.81—98] и свидетельство синхронности Усатово с культурой Баден, на керамике которой также встречаются вертикальные валики (ср. [209, p.171, Авв. 5, 5, 9]. Другой вопрос — степень этой синхронности, который может ставиться на основании аналогий усатовской керамики в культуре Чернавода III, синхронной слоям XIII—VII Эзеро и Бадену I, по В.Немейцовой-Павуковой [209]. В.Г.Збеневич убежден в послеусатовской датировке Чернаводы III [57, с.141]. Но в его книге есть описание черепка с пролощенным орнаментом из Усатово-Большого Куяльника [57, с. 97, 103], который типичен именно для культуры Чернавода III. Свидетельства синхронности Чернаводы III и усатовской группы далеко не единичны [177, с. 229]. Имеются в виду прежде всего фрагменты сосудов с гладкими и рифлеными трубчатými ушками на венчике, найденные на обоих поселениях этой группы [57, рис. 37, 3]. Важной является находка сосуда с такими ушками в позднеусатовском погребении (рис. 28, 6).

Что касается посуды Эзеро, то с ней в Усатово-Большом Куяльнике могут быть сопоставлены уже упомянутые керамические реберчатые ручки, а также черепок с орнаментом типа 1.14 (инкрустированная пастой шнуровая лента с косой штриховкой). Именно такой орнамент характерен для сосудов из курганов Буджака (рис. 35, 9, 10), нижнедунайской группы, а в Эзеро встречается до слоя VI включительно [51, обр. 157]. А слои VI—IV Эзеро синхронизируются с ранней ступенью культуры Коцофени в схеме В.Немейцовой-Павуковой [209]. Некоторые формы сосудов усатовской группы напоминают керамику культуры Коцофени, а именно типы Ie, IV, VIIa1, XVIII, XXIV и XXV, по П.Роману [214].

Датировка. Представления о древности усатовских памятников менялись по мере того, как пересматривалась абсолютная хронология Триполья и решалась проблема происхождения основных датирующих находок — больших бронзовых кинжалов [141]. В настоящее время культуру Усатово датируют серединой, третьей четвертью или даже второй четвертью III тыс. до н.э. по радиоуглеродной хронологии [46; 99; 106; 159; 177; 203; 215].

Опубликованы определения радиоуглеродного возраста (по периоду полураспада 5568 ± 40 лет) Усатовского бескурганного могильника — 4330 ± 60 лет [199, p. 185], поселения Маяки — 4340 ± 65 [145, с. 256], 4375 ± 60 и 4375 ± 60 [199, p. 185], 4400 ± 100 [213, S.248], 4670 ± 110 [159, с. 12] и Данку 2 — 4600 ± 60 [42, с. 59]. Еще два определения по C14 для поселения Маяки получил Институт геологических наук АН УССР: 4475 ± 130 КИГН-281, 4580 ± 120 КИГН-282. Неизвестно, как отбирались образцы прежде, но в последнем случае обугленная древесина взята из одного слоя толщиной 20 см в заполнении рва на площади около 2 м^2 (рис. 32). Причем материал был намеренно разделен на две части и передан на исследование. Однако среднее расхождение в датах получилось равным 105 годам. Вообще в Маяках разброс дат огромный. Едва ли возможно допустить, что усатовская группа существовала около 500 лет, не говоря уже об одной (младшей) ее ступени и позднеусатовском поселении Маяки, которое показывает такой широкий диапазон датировок по C14. По-видимому, необходимо пользоваться средней (2509 г. до н.э.) из семи дат Маяков. Она старше единственной и потому не вполне надежной даты Усатово (2390 г. до н.э.), но младше Данку 2 (2650 г. до н.э.).

Впрочем, радиоуглеродные анализы (даже с учетом наибольшей статистической ошибки ± 130 лет) показывают, что поздняя ступень Усатово не моложе 24 в. до н.э., а если ориентироваться на среднюю дату Маяков —

то и 25 в. до н.э. Есть возможность проверить эту датировку. Именно середина III тыс. до н.э. считается верхним хронологическим рубежом Майкопской культуры [166], а сосуды, которые носят гординештские, то есть позднейшие трипольские, и позднемайкопские черты, находят в курганах животиловского типа [80; 106; 111].

Далее, большие усатовские кинжалы, поступившие из Анатолии. Хотя аналогии им и найдены в смешанных троянских коллекциях якобы второй половины III тыс. до н.э., однако маловероятно, что эти кинжалы попали в Усатово позднее 24–23 вв. до н.э. — Троя II и поселения ее круга в Анатолии прекращают существование в промежутке между 2300–2200 гг. до н.э. по радиоуглеродной хронологии [78; 161, с. 117–121; 205, р. 174].

Нам уже приходилось говорить о позднеусатовских сосудах с орнаментом в виде заштрихованных лент и треугольников и о керамике с аналогичным узором в Эзеро, где слои с такой посудой датируются не позднее 24 в. до н.э. по радиоуглеродной хронологии [51, с. 515]. Радиоуглеродный возраст культуры Коцофени, близость с которой показывают отдельные черты материальной культуры Усатово, оценивается от 4300 ± 60 до 4470 ± 50 лет, а календарный (пробы и калибрация — лаборатории Ля Джолы) — промежутком между 3500–3000 гг. до н.э. [216, р. 67]. Если принять во внимание датировки памятников Триполья С1 [106; 159; 177], то вряд ли культура Усатово уходила вглубь 28 в. и 27–25 вв. до н.э. могут, видимо, считаться наиболее вероятным временем ее существования по радиоуглеродной хронологии. Однако эта хронология не соответствует реальной древности культур и потому условные даты по С14 переводят в реальные календарные [162; 163; 173; 177]. Если воспользоваться вариантом калибрации М.Кларка [194] и средней датой поселения Маяки, то поздняя часть усатовской группы будет датироваться серединой 33 в. до н.э.

Природная среда и хозяйство. Еще В.И.Крокос установил, что Усатово моложе термического оптимума эпохи голоцена [83]. М.Ф.Болтенко, А.А.Браунер и другие исследователи [14; 19; 83; 144] считали, что культура Усатово существовала в ландшафтно-климатических условиях, отличающихся от природы степного Причерноморья новейшего времени. Невозможно согласиться с иной точкой зрения, согласно которой "климатические условия Северного Причерноморья в течение тысячелетий оставались неизменными" [57, с. 111].

Многовековые колебания уровня морских бассейнов исключительно полно отражают флуктуации природной среды в целом. Детальные данные о трансгрессиях и регрессиях Черного моря получены благодаря новейшим геологическим исследованиям его шельфа [10; 20; 33; 150]. По результатам этих изысканий построены два независимых, но очень похожих графика или так называемые эвстатические кривые, иллюстрирующие ритм Черного моря в позднем плейстоцене и голоцене. Предпочтительнее кривая (В.А.Карпова) для северо-западного шельфа как наиболее корректная и хорошо обеспеченная радиоуглеродными датами, которых имеется около 150. Кроме того, она уже апробирована в реконструкции палеогеографии Северо-Западного Причерноморья раннего железного века [20].

Этапы Триполья [106; 177] и фазы эвстатического ритма синхронизируются по радиоуглеродным датам следующим образом. Впервые Черное море поднялось на уровень, равный нынешнему положению мирового океана или даже немного выше к началу Триполья А. Потом происходила регрессия и к концу Триполья В море снизилось на 7–8 м. К началу Триполья СII море вновь достигло нулевой отметки, после чего опять последовала регрессия, которую иногда называют хаджибейской. Хаджибейскую регрессию считают небольшой (минус 2–5 м) и только отдельные авторы [30] пишут о величине 16 м. Каковы бы ни были масштабы этой регрессии, но синхронность ее (начала, вероятней всего) и позднего Усатово можно предполагать, основываясь на измерениях радиоуглеродного возраста геологических проб (4560 ± 160 , 4500 ± 120 , 4480 ± 60 , 4450 ± 310 ,

4400 ± 100, 4330 ± 100 [10; 33; 150], средняя дата — около 4450 лет назад) и археологического материала. Причем некоторые из этих дат и определения по C14 для поселения Маяки (КИГН-281, 282) выполнены в одной и той же лаборатории.

Известно, что морские трансгрессии приурочены к эпохам относительно теплого климата, а регрессии — к эпохам похолоданий. Действительно, хаджибейская регрессия совпала по времени с микроклиматохроном $\Pi_{\text{P}} 22$ палеоклиматической этапности голоцена, по М.Ф.Векличу, и сопровождалась понижением среднегодовой температуры [27, рис. 61]. Что касается схемы Блитта-Сернандера, то ее модификация, выполненная А.А.Хотинским применительно к истории атлантико-континентального климата Восточно-Европейской равнины [169], в сравнении со схемой М.Ф.Веклича и эвстатическим ритмом показывает, что существование Триполья А в целом падает на кульминацию трансгрессии, на максимум среднегодовой глобальной температуры периода термического оптимума атлантика. Конец культуры Триполье вместе с Усатово совпал с похолоданиями времен хаджибейской регрессии, ложится на грань между атлантиком и суббореалом. Судя по приведенным данным, трипольско-кукутенский феномен двигался к пределу своего становления в одном ритме с климатическими колебаниями. Конец энеолита севернее Черного моря и конец атлантического периода голоцена синхронны.

В этой связи интересно знать положение Усатово в системе 1850-летних климатических ритмов [185]. Однако концепция А.В.Шнитникова разработана в рамках абсолютной хронологии, потому необходимо учитывать реальный календарный возраст древних культур, соотносимых с этими климатическими ритмами. Кстати говоря, по той же причине лишены смысла имеющиеся сопоставления схемы Шнитникова с периодами голоцена, датированными по радиоуглероду без калибровки. С учетом допустимых колебаний продолжительности климатических фаз 1850-летних циклов и составленной мною таблицы калиброванных дат (Введение) раннее Триполье совпадает с засушливой фазой, а Триполье В — с влажной. Существование Триполья С растянулось на всю переходную фазу от влажного к сухому климату. Возможно, позднетрипольские группы даже застали начало очередной засушливой фазы, на фоне которой уже после Триполья, после конца Усатово в 33—32 вв. до н.э., развивалась "классическая" ямная этнокультурная общность.

Как бы то ни было, но в степи с ее недостаточной увлажненностью особое значение для добычи и производства продуктов питания имеют ресурсы пойм и неслучайно все памятники периода Усатово в Северо-Западном Причерноморье тянутся цепочками вдоль рек и лиманов (рис. 31, Б). Тур, благородный олень, кабан, рысь, кулан, сайгак, гидрутиновый осел и другие животные, которые становились добычей охотников из Усатово-Большого Куяльника и Маяков (Приложение 2) [57, табл. 4; 119, табл. 7], свидетельствуют о расположении поселений на территории с разными биотопами. Интересно, что фактически одни и те же виды диких животных, судя по находкам их костей на поселениях, обитали в Северо-Западном Причерноморье и в период Усатово, и в век ранней меди, когда существовала культура Болград-Алдени [154, табл. 9]. Здесь были условия для жизни типичных обитателей открытых степных пространств, лесостепи и даже леса. Относительно засушливому климату должно быть соответствовала хорошо выраженная ландшафтно-растительная зональность: участки леса находились в долинах, а настоящая степь — на междуречных пространствах. Впрочем, леса не были густыми, а скорее имели парковый характер, о чем свидетельствует небольшое количество костей благородного оленя и кабана на усатовских поселениях. Однако локальные участки густых прирусловых лесов, видимо, все же встречались, в них обитал бобр, на которого охотились жители Усатово. Известно о существовании терна, лесного ореха и дикорастущей яблони или груши, семена которых

отпечатались в глиняном тесте сосудов и определены З.В.Янушевич. Определены также травы — ковыль и болотница, из которых в Усатово и Маяках плели рогожки для лепки посуды. Что касается почвенного покрова, то на высоких речных террасах и водораздельных плато гумусовый слой достигал 30—35 см толщины, как показали раскопки курганов.

Предполагаются определенные изменения в геологическом ландшафте, которые повлекла за собой регрессия Черного моря на поздней ступени усатовской группы. О них можно судить, сравнивая снизившийся не более чем на 5 м уровень моря и синхронный хаджибейской регрессии верхний уровень так называемого каламитского слоя [33] в донных отложениях лиманов [32, рис. 16—18, 21], если он, конечно, не был частично размыв позднее, и это не ослабляет реконструируемую картину. Так, Днестровский лиман, в 5—6 км к северу от которого находилось поселение Маяки, должно быть немного сместился вслед за отступающим морем и стал меньше. Очевидно, нечто похожее произошло и с другими мелководными лиманами (Сасык, Шаганы, Алибей). В Хаджибейском лимане каламитские отложения в самых глубоких местах начинаются почти в 25 м от поверхности воды. По-видимому, это глубоководное озеро прорвало пересыпь и на время регрессии соединилось с морем одной или несколькими постоянными протоками.

Хозяйство. Хозяйство населения усатовской группы традиционно рассматривается как скотоводческо-земледельческое с подсобным значением присваивающих промыслов [57; 81; 88—89; 119; 144; 170]. Однако прямые свидетельства земледелия до сих пор не были известны.

С целью обнаружить на керамике отпечатки растительных остатков мною впервые просмотрены коллекции Усатово и обработаны находки 1986 г. на поселении Маяки. Отобранный материал был передан на определение палеоботаникам З.В.Янушевич и Н.Н.Кузьминой. На черепках отпечатались зерновки, отходы от обмолота хлебных злаков, семена бобовых и диких плодовых растений, сорняк вида *Setaria* sp. (щетинник). Обломки обожженного глинобита в Маяках содержат обильную примесь злаковой соломы с остатками колосков, вилочек, зерен и чешуек культурного эммера (полбы), который отмечен и в Усатово. Кроме эммера (*Triticum dicoccum* Shrank) обитатели обоих поселений возделывали пшеницу, карликовую-мягкую (*Triticum aestivum* — *compactum*), просо (*Panicum miliaceum* L.), голозерный ячмень (*Hordeum vulgare* V. *coeleste*) и горох (*Pisum* sp.). В Маяках обнаружена также пленчатая пшеница-однозернянка (*Triticum monosocum* L.), а в Усатово — нечеткие отпечатки овса (*Avena* sp.) и вики эрвильи (*Vicia ervilia*). Отпечатки культурных растений имеются и на посуде из усатовских могильников, не связанных с конкретными поселениями: в Николаевке [184] — голозерный ячмень, в Широком — просо, а в Кубее — однозернянка (раскопки Л.В.Субботина в 1987 г.). На керамике решительно преобладают отпечатки проса. Видимо, неслучайно и на культовых статуэтках, а их более 100, если и встречаются отпечатки растений, то только проса. Возможно, просо было основной культурой усатовского земледелия, хотя утверждать это категорически нельзя. Интересно, что усатовцы не возделывали пшеницу-спельту и пленчатый ячмень, которые знали позднетрипольские общины лесостепного Попрутья и Поднестровья [99, табл. 1], а в степи, задолго до появления усатовской группы, выращивали земледельцы культуры Болград-Алдени [154, с.92].

В усатовском земледелии использовались растения, малочувствительные к засухе, скороспелые, неприхотливые и устойчивые к полеганию (о свойствах растений см. [187]). Видовой спектр культурной флоры, несомненно, был рассчитан на местные агроклиматические условия. При таком широком ассортименте растений мог применяться плодосмен. Если было так, то поля сравнительно долго теряли плодородия, их не требовалось покидать, что особенно важно для обитателей стационарных поселений. Полагают, что для восстановления плодородия почвы на полях эффек-

тивен выпас овец, и такой метод применялся в Европе наряду с паром и плодосменом еще в неолите [162, с. 99]. Овцы же, как известно, преобладали в стадах, которыми владели усатовские общины. О поликультурном характере земледелия усатовской группы свидетельствуют черепки сосудов, на каждом из которых имеются оттиски разных злаков. Состав растительной примеси в обмазке жилища на поселении Маяки позволяет предположить, что злаки, в данном случае эммер, убирали вместе с соломой, и посевы были одновидовые.

Усатовцы возделывали растения, пригодные в пищу в основном в виде каши. Это в какой-то степени объясняет небольшое количество находок пестов и растиральников при единичных зернотерках на поселениях. Возможно, потребность в таких орудиях была невелика в связи с тем, что пищевое зерно сушили на огне или даже поджаривали, после чего освободить его от чешуй было легче. Полагаем, жаровнями служили небольшие, до 25 см в диаметре, но массивные сосуды, обломки которых находят на поселениях. Толстое (до 5 см) дно у этих сосудов снаружи прокалено, стенки невысоки и вдвое тоньше днищ. Очевидно, при таких толщинах нагрев жаровни шел равномерно и не достигал опасной для продукта температуры. Интересно, что эти сосуды вылеплены не из теста с ракушками, как обычно, а содержат обильную примесь злаковой соломы, отходов от обмола и даже зерновки. Одна такая емкость из Усатова вмещала до 500 см³ зерна (рис. 35, 6).

Усатовские мотыжки единичны и столь малы, что практически могли использоваться разве только в каких-нибудь мелких огородных работах. По сравнению с поселениями позднего Триполья, где роговые мотыги представлены в широком ассортименте, можно предположить иную, чем в Лесостепи, техническую оснащенность усатовского земледелия. Очевидно, для рыхления земли, проведения на участках борозд и заделки в грунт посевных колосков полбы здесь, в степи, применялись какие-то деревянные орудия, возможно, даже тягловые. Естественно, наиболее эффективны такие орудия на относительно легких почвах, какими являются прежде всего делювиальные (намытые) черноземы на шлейфах склонов и в балках, а не тяжелый пойменный аллювий или черноземы на водоразделах. Впрочем, в поймах могли сеять просо. В.С.Титов пишет, что просо "имеет очень короткий вегетативный период и потому хорошо подходит к условиям земледелия на равнине, заливаемой половодьем" [162, с. 99—100]. Возможно, большое количество отпечатков семян *Setaria* sp. свидетельствует о посевах не на целине, а на многократно распаханых участках, где хорошо привился этот вид сорняка. И скорее всего это были поля проса, так как именно всходы проса и щетинника трудно отличить друг от друга. Кстати, в обмазке с примесью остатков эммера на поселении Маяки сорных растений нет, и в данном случае это может свидетельствовать о тщательной прополке посевов. Возможно, поля были более или менее постоянными. Это естественно, поскольку пригодных для земледелия участков в окрестностях поселений было гораздо меньше, чем пастбищ для выпаса скота.

Представления о животноводстве усатовской группы основаны на фаунистических материалах ее поселений. Утверждают, что обитатели поселения Усатово имели меньше овец и лошадей и больше коров, чем в Маяках, содержали свиней и потому были более оседлы [119, с. 146]. Однако уже сама коллекция Усатово вызывает сомнение в корректности такого вывода, поскольку для сравнения использовался материал, взятый суммарно за все годы раскопок этого памятника, и никто не считался с тем, что в этом случае учитывается фауна разных культур. Речь идет о раскопках 1921, 1932—1933 гг., где можно было выделить не относящуюся к усатовской группе керамику, но кости животных приходилось брать без разбора. Именно отсюда в коллекцию поступили остатки домашней свиньи и много костей крупного рогатого скота, на это примечательное обстоя-

Таблица 4. Соотношение стадных домашних животных и примерный выход мясной про

Вид	Усатово-Большой Куяльник				Маяки			
	К-во костей		К-во особей		К-во костей		К-во особей	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Крупный рогатый скот	667	20,2±1,4	42	22,2±5,9	2022	12,0±0,5	129	16,6±2,6
Мелкий рогатый скот	2306	70,0±1,6	111	58,7±7,0	13194	78,4±0,6	545	70,0±3,2
Лошадь	322	9,8±1,0	36	19,1±5,6	1623	9,6±0,4	104	13,4±2,3
Всего	3295	100	189	100	16839	100	778	100

тельство до сих пор не обращали внимания. Другие раскопы Усатово, свободные от "чужих" жилищ, костей свиньи не дали и, надо полагать, этими животными владели обитатели позднейших поселений. Как бы то ни было, целесообразно изъять подсчеты И.Г.Лидопличко [129] из общих данных по фауне Усатово [119, табл. 4] и пользоваться определениями, сделанными В.И.Бибиковой по находкам в раскопах 1940, 1946 и 1948 гг. Правда, результаты, аналогичные исследованиям В.И.Бибиковой, получил по раскопам 1921—1929 гг. А.А.Браунер [19], но его определения менее ценны, так как не для всех видов установлено минимальное количество особей. Что же касается коллекции поселения Маяки, то вместе с великолепной выборкой фауны, опубликованной В.Г.Збеновичем [57], и ее пополнением из наших раскопок 1986 г. (Приложение 2) насчитывается более 17 тыс. костей от 851 особи домашних животных.

Итак, согласно новым данным (табл. 4), статистическая надежность которых проверена известным методом [128], виды сельскохозяйственных животных и их соотношение на поселениях Усатово и Маяки существенно не отличаются. Преобладал, и довольно резко, мелкий рогатый скот — овцы и единичные козы. Лошади и крупный рогатый скот делили в стаде второе место или, быть может, лошадей насчитывалось немного меньше. Кроме того, содержали собак, остатки которых в Маяках встречаются в пять раз чаще, чем в Усатово, составляют 8,6 % домашних животных. Среди забитого на поселениях поголовья много молодняка, особенно высок процент ягнят (Приложение 2) [14, с.55], но это не удивительно, если животноводством занимались прежде всего ради получения мяса и с кормами были затруднения. Основным источником мяса был крупный рогатый скот, а овце-козы и лошади уступали ему (табл. 4); такой результат дает методика В.И.Бибиковой [72], но его можно подтвердить и расчетом по методу Ш.Бекенъи [193].

В.И.Цалкин первым обратил внимание на степной характер животноводства усатовской группы [170, с. 243]. Правда, и в степи соотношение видов домашних животных меняется от культуры к культуре и довольно значительно. Так, в группе Болград первое место занимал крупный рогатый скот, второе, с небольшим отставанием — овцы, третье — лошади, четвертое — свиньи [154, табл. 7], и в этом группа Болград сближается с более поздней Михайловкой II—III [91, табл. 1]. У последней мало общего с животноводством усатовской группы (хотя позднее Усатово и синхронно раннее Михайловке II), но есть как будто сходство с этой же отраслью хозяйства Чернаводы III [206, S. 92], группы Фолтешты [200] и финального Триполья Прутско-Днестровской лесостепи, прежде всего — с Гордишштами [99, табл. 2]. По высокой доле овец в стаде судят о близости животноводческих хозяйств Усатово и более древней Михайловки I [57, с. 117], хотя ее материал явно недостаточен для вынесения окончательного суждения и содержит бесспорные свидетельства свиноводства, которое усатовская экономика, быть может, совсем не знала.

Пожалуй, по особенностям своего животноводства группа Усатово стоит ближе к ямной культуре подвижных овцеводов, чем к группе Михай-

дукции на усатовских поселениях

Выход мясной продукции			
Усатово		Маяки	
кг	%	кг	%
7140	49,1±7,1	21930	45,2±3,5
2553	17,5±5,4	12535	25,8±3,1
4860	33,4±6,7	14040	29,0±3,2
14553	100	48505	100

Н.Я.Мерперт справедливо отвергает возможность объяснить становление усатовского животноводства эволюцией трипольской экономики и видит в нем явное воздействие степной традиции [104, с.118]. Добавим, наложение и смена форм степной пастушеской традиции — Михайловка I, усатовский пласт, ямная культура. Связь с этой же традицией усатовского земледелия проблематична. Впрочем, в культурах Болград-Алдени и Триполье на полях господствовало не просо, а пленчатые пшеницы и ячмени. Просо было излюбленным хлебным злаком именно скотоводческих народов, номадов, по Н.И.Вавилову.

О форме усатовского животноводства единого мнения не существует. Е.Ф.Лагодовская, к примеру, предполагает придомное пастушество и сезонные перекочевки [88, с. 58], В.Г.Збеневич — отгонное или полуотгонное скотоводство [57, с. 113], а Э.Ф.Патоковой принадлежит тезис о сосуществовании в Усатово приселищного и отгонного способов выпаса скота [119, с. 147]. Теперь этот вопрос стоит еще острее, поскольку нам известны целые районы на территории усатовской группы, где не удается обнаружить остатки поселений. Сходную ситуацию мы наблюдаем здесь и позднее — вплоть до возникновения сабатиновской культуры. Но это не позволяет утверждать, что в раннем бронзовом веке Северо-Западное Причерноморье становится зоной кочевого скотоводства. Нельзя не считать с тем, что на высоких террасах не сохранился верхний слой почвы, и если жилища не были основательно заглублены в землю, то их и невозможно обнаружить. Могло быть еще и так, что на большинстве поселений бытовые отходы ссыпались в ямы и на поверхности не оставалось сколько-нибудь значительных участков "культурного слоя", как это имело место в Маяках. Вспомним, что все известные нам усатовские поселения на Днестре обнаружены после плантажной вспашки и других земляных работ. Но как бы то ни было, у нас нет оснований сомневаться в недолговременности поселков многих усатовских общин. Свидетельством тому служат скромные размеры самостоятельных могильников, отличающиеся от обширных кладбищ при постоянных поселениях Усатово и Маяки.

Если на Днестре и в районе Усатово лучшие пастбища находились в основном в поймах, то по межозерьям равнины Дуная и по водоразделам от его устья до Барабож вдоль моря тянется полоса степи шириной до 30 км с многочисленными западинами (блюдами) [109, рис. 1], даже в самую сильную засуху степные блюдища сохраняют богатый травостой. К тому же они лежат в зоне бризовой циркуляции воздуха, заметно смягчающей сухость климата. Поэтому на территории усатовской группы именно Дунайско-Днестровское междуречье отличалось обилием районов с оптимальными условиями для животноводства. Но степные ресурсы не безграничны. К примеру, на 1 км² разнотравного пастбища из года в год можно кормить всего 6—7 голов лошадей и быков [111, с. 185]. Не потому ли здесь, в Буджаке, не удается обнаружить поселения, что общины, хотя и не оставляли земледелия, но периодически меняли места обитания и переносили поселки к новым, еще не истощенным выпасам, а старые пастбища покидали для восстановления растительности?

О существовании здесь в постусатовское время земледелия наряду с довольно подвижным животноводством, возможно отгонного характера, позволяют говорить свидетельства возделывания проса, ячменя и пшениц — карликовой и однозернянки, обнаруженные Н.Н.Кузьминовой и мною на керамике из курганных могил ямной культуры в Беляевке, Новоселице, Нерушае и др. Уже по расположению памятников нижнедунайской группы можно предположить, что периодические перемещения ее населения в основном происходили вдоль речных долин.

Речная сеть в Северо-Западном Причерноморье густая, поэтому даже самые далекие выпасы лежали на расстоянии не более 20 км по прямой от реки. Очевидно, в таких условиях со стадами из поселков уходили только пастухи. Необходимые для крупного рогатого скота сочные луговые травы росли в поймах. Но важную роль играла и растительность степных блюдца, где летом крупный рогатый скот могли пасти вместе с овцами и лошадьми. Надо полагать, пастухи водили скот по ближним и дальним пастбищам, то есть животноводство было приселищным и отгонным. Казалось бы, в условиях относительной засушливости климата зимы были малоснежными и кормить в этот сезон крупный рогатый скот не составляло особого труда, а овцы и лошади в состоянии добыть корм из-под снега самостоятельно. Тем не менее именно нехватка зимних кормов лимитировала усатовское животноводство, это можно утверждать с большой степенью вероятности, основываясь на подсчетах убоя молодняка (Приложение 2). Впрочем, по всей умеренной полосе Европы проблема зимних кормов была лимитирующим фактором для животноводства [162, с. 98].

В Маяках более 60 % овец забивалось в возрасте 4-10 месяцев — то есть, видимо, избыток отъемышей, полувзрослые особи после откорма, обеспечивающего получение наибольшего количества мяса высшего качества и лучших овчин и в более короткие сроки. И в Усатово преобладают кости молодых овец. Ценным дополнительным источником корма здесь могли быть морские водоросли, охотно поедаемые овцами. Уже Г.Кларк предположил важное значение водорослей для прокормления скота и удобрения полей в приморских районах древней Европы.

Охотились усатовцы на всякую дичь [57, с. 115], но в основном — на крупных копытных животных: тура, благородного оленя, дикого осла, кулана, кабана, сайгу. Главным объектом охоты у жителей Усатово (по данным А.А.Браунера и В.И.Бибиковой) был кулан, а в Маяки охотники чаще всего доставляли туши благородных оленей и диких ослов. Интересно сравнить продуктивность охоты и животноводства. Если принять средний убойный вес тура равным 600 кг, оленя благородного — 200, каона — 150 [98, табл. 7], а дикого осла, который морфологически близок онагру [127, с. 160] — 300 кг [12, табл. 5], то охота давала обитателям поселения Маяки почти столько же мясной пищи, сколько овцеводство или коневодство. Оценить аналогичным образом значение охоты на копытных животных в Усатово невозможно, поскольку на этом памятнике не подсчитаны особи тура. Возможно, значительная морфологическая близость тура и домашнего быка в Усатово обусловлена скрещиванием здесь этих животных [19; 129], и охота была не только средством пополнения рациона, но и увеличения поголовья крупного рогатого скота. Хищники и грызуны (лисица, корсак, волк, бобер, заяц и др.) истреблялись в основном ради шкур и меха. Однако масштабы пушного промысла нам неизвестны, так как на поселение порой могли приносить только шкуру зверя. Охота, видимо, была индивидуальной и велась из засады путем скрадывания зверя, подстереганием у водопоев, но не исключаются и эпизодические облавы на стадных животных и опасных хищников. По сравнению с ранним энеолитом (группа Болград) в период Усатово значение охоты в степи возрастает. Хотя усатовское животноводство и удовлетворяло потребности в мясе полнее, чем домашние животные — многие северные трипольские

общины [99, табл. 2], тем не менее уровень этой отрасли экономики был недостаточным. Поэтому охотничий промысел играл важную роль и существенно пополнял мясной рацион.

Пожалуй, не меньшее значение, чем охота, имела в Маяках рыбная ловля. На этом поселении рыба чешуя лежит в зольничных остатках сплошными слоями, а кости рыб составляют около 20 % всех остеологических находок. Интересно узнать приблизительный вес хотя бы части уловов. Минимальное количество рыб можно определить по таблице 9 в книге В.Г.Збеновича [57], приравнивая наименьший процентный показатель к одной особи. Основываясь на данных Л.С.Берга [10^а], пойманная рыба по весу почти не уступала мясу диких животных (около 7 тонн, согласно нашему расчету по таблице 2 в [57]), кости которых найдены в тех же раскопах, что и остатки ихтиофауны. Обитатели Усатово зависели от акваторических ресурсов меньше: находки костей и чешуи рыб здесь исчисляются единицами. И это неслучайно. Постоянные обитатели рек, например щуки, ловцов почти не привлекали. Шла в основном добыча сома, судака, осетра, стерляди, вырезуба, которые обитают в море или слабосоленых водах, а весной и в начале лета поднимаются к верховьям рек для икрометания и вновь появляются в речных устьях только осенью. Эти рыбы предпочитали посещать реки не только с устойчивым водным режимом, но и с каменистым дном в местах нереста, поэтому на Днестре рыболовецкий промысел был продуктивнее, чем на Куяльнике. Ловили рыбу, очевидно, преимущественно в периоды сезонных миграций и пользовались для этого сетями и, возможно, острогами.

Собирательство обеспечивало население плодами дикорастущих яблонь или груш (Усатово, Маяки), терна и лесного ореха (Маяки), съедобными моллюсками. Впрочем, ракушки собирали не только для того, чтобы пополнить пищевой рацион, но и для изготовления посуды. Обитатели Усатово предпочитали есть мидий, чем, пожалуй, и ограничиваются известные нам свидетельства связей этого поселения с морем. Жители удаленного от моря поселения Маяки собирали раковины *Unio*, *Drissena polyotropha*, *Monodaspa cologata*, живущие в пресных и слабосоленых водоемах.

Итак, хозяйство было многоотраслевым. Но именно важная роль по-прежнему поставленного животноводства и, видимо, местные хозяйственно-культурные традиции, установившиеся еще на ранних этапах медного века, отвращали общины от прочной оседлости, столь привычной их западным и северным соседям. Однако продуктивность экстенсивного животноводства вместе с численностью поголовья подвержена сильным циклическим колебаниям (ощутимым и теперь), прежде всего в связи с изменениями солнечной активности (влияние которой на биосферу Земли исследовал А.Л.Чижевский). Возможно, были периоды, когда стада сокращались даже до критического минимума. Впрочем, и экстенсивное животноводство способно давать более или менее регулярный, хотя и нестабильный добавочный продукт. При многоотраслевой структуре хозяйство, наверное, было не только гибким и устойчивым в определенной экологической обстановке, но и автаркичным. Более того, оказалась возможной даже некоторая вариабельность хозяйственно-бытового уклада, выраженной в неодинаковой степени оседлости населения собственно усатовской группы, с одной стороны, и нижнедунайской группы — с другой. Правда, присваивающие промыслы делали связь общин с ландшафтом более непосредственной и разносторонней, чем она могла бы быть при исключительно производящей экономике. Следовательно, усиливалось значение тех факторов, которые приводили к гибели древние культуры в условиях экологических кризисов [36].

И последнее, на что хочется обратить внимание, — это черты архаизма в усатовской экономике. Действительно, ведь впервые еще в неолите люди стали возделывать пленчатые пшеницы и просо и параллельно разводить сра-

зу несколько видов животных, продолжая активно заниматься присваивающими промыслами. Именно неолитическая охота часто была средством пополнения мясного рациона и одновременно средством увеличения поголовья стад [162]. Однако определяющим в экономике усатовцев, как и по всей степной полосе Евразии в эпоху меди и в раннем бронзовом веке, было прогрессивное начало — подвижные формы животноводства [104].

Приведенная выше характеристика группы Усатово, конечно, не является полной и должна рассматриваться как предварительная. Кажется, в дальнейшем именно роль местного энеолита в генезисе усатовского пласта потребует особого внимания. В этой связи уже сейчас представляют интерес два предусатовских погребения. В каждом найдено по желтоглиняному трипольскому сосуду конца периода VII — периода CI, с остатками темно-коричневой росписи. Один такой комплекс — могила 20 Кошар при устье Тилигула (рис. 40, 1, 2), публикуемая с разрешения Э.И.Диаманта [47]. Курган здесь не прослежен или его не было. Могила (120 x 110 см) открыта на глубине 80 см. Череп погребенного, мужчины лет 30—35, протоевропеоида, по К.В.Зиньковскому, окрашен охрой. Слева от черепа и под скелетом — россыпь мелких ракушек. Другой памятник исследован под руководством А.С.Островерхова в 1988 г. — распаханый кург. 6 могильника Хаджидер I в Саратовском районе. Энеолитическими являются основная могила 1 и, возможно, кенотаф 4 при впускных могилах ямной и катакомбной культур (рис. 40, 1). В кенотафе, кроме камней, найдены обломки грубой амфорки с толчеными раковинами в черепке (рис. 40, 6, 7). В могиле (110 x 80 см) глубиной 95 см сохранился тлен от подстилки. Скелет скорчен на левом боку, полуразрушен, кисти окрашены охрой. Сосудик лежал у ног (рис. 40, 4, 5).

Примечательно, что на западе степного Причерноморья такие памятники как Кошары и Хаджидер появляются именно в тот период, когда в степном Побужье возникают поселения с трипольской (конца VI—CI, томашевской), среднестоговской и нижнемихайловской керамикой в культурном слое, а в их ареале — курганы, подобные Серезлиевке [106, рис. 1, 8; 107, с.232].

Закономерно, что при длительном противостоянии и давлении друг на друга Триполья и Степи их культуры взаимообогащались. Смешивались не только этнические традиции, но и гены. В группе Усатово соединились две ветви европейского расового ствола (Приложение 1).

ПРИЛОЖЕНИЕ I
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ МОГИЛЬНИКА МАЯКИ

Важное значение антропологических источников для исследования генезиса усатовской культуры несомненно. Небольшой материал из могильников этой культуры позволил установить принадлежность черепов к двум типам европеоидов — средиземноморскому и протоевропейскому (кроманьонскому) [62; 70; 86, с. 31—34]. Однако полученные сведения не являются исчерпывающими. Как и в случае с культурно родственным Усатово могильником Выхватинцы [28, с. 22], неизвестно, представляло ли усатовское население механическую смесь или же биологическое смешение обоих морфологических типов?

В этой связи важны 16 захоронений, исследованных в 1986 г. в курганах усатовского могильника Маяки. Сохранность скелетов, в особенности их посткраниальных частей, во многих случаях плохая. Значительной реставрации потребовали черепа. Половозрастной анализ выявил 9 мужских скелетов, 4 — женских и 5 — детских. Средний возраст погребенных мужчин составляет 43,8 г., женщин — 31,8 г. Большинство мужчин умерли в зрелом возрасте (старше 40 лет), а большинство женщин — в юном и молодом (17—25 лет). Дети погребены в возрасте от 2 до 8 лет. Младенческие погребения и скелеты подростков в 1986 г. не обнаружены. Средняя продолжительность жизни с учетом деской смертности составляет 30,7 г. Сравнивая эти данные с палеодемографическими параметрами Выхватинцев, следует отметить более низкую среднюю доживаемость в Выхватинской популяции (20,2 г.), что связано с большим количеством погребений детей раннего возраста (до 2 лет) в названном могильнике.

Удалось получить измерительные характеристики 8 мужских и 4 женских черепов (табл. 5). Мужские черепа характеризуются долихокранией (черепной указатель — 73,8) при большом продольном (186,6 мм) и малом поперечном (138,0 мм) диаметрах и средней высоте, измеренной от уровня порионов (115,0 мм), среднешироком лбом (наименьшая ширина — 98,3 мм), значительным развитием рельефа надпереносья (3—4 балла), надбровья (2—3 балла) и слабо выраженным рельефом затылка (наружный затылочный бугор 1,5 балла). По высотно-продольному указателю II (62,0) череп средневысокий, по высотно-

Таблица 5. Основные индивидуальные и средние

Номер по Мартину	Признак	Муж			
		к.7 п.2	к.8 п.2	к.8 п.4	к.8, п.6 ск.1
1	Продольный диаметр	196	175	176	190
8	Поперечный диаметр	149	131	134	136
9	Наименьшая ширина лба	111	93	99	97
11	Ширина основания черепа	—	115	115	116
12	Ширина затылка	110	102	116	111
20	Ушная высота	—	107	113	117
8:1	Черепной указатель	76,0	74,9	76,1	71,6
20:1	Высотно-продольный указатель II	—	61,1	64,2	61,6
20:8	Высотно-поперечный указатель II	—	81,7	84,3	86,0
9:8	Лобно-поперечный указатель	74,5	71,1	73,9	71,3
45	Скуловой диаметр	137	125	135	127
43	Верхняя ширина лица	119	105	109	107
48	Верхняя высота лица	73	61	62	67
47	Полная высота лица	—	107	109	110
46	Средняя ширина лица	—	88	88	77
55	Высота носа	52,0	44,8	47,7	50,0
54	Ширина носа	28,2	20,3	23,8	26,6
51	Ширина орбиты от максилло-фронтале	—	40,1	45,0	44,6
52	Высота орбиты	32,0	35,8	34,0	29,0
	Назо-малярный угол	—	143,9	136,8	—
	Зигмаксиллярный угол	—	131,2	129,5	—
48:45	Верхний лицевой	53,3	48,8	48,9	52,8
52:51	Орбитный I	—	89,3	75,6	65,0
54:55	Носовой	54,2	45,3	49,9	53,2
45:8	Горизонтальный фацио-церебральный	91,9	95,4	100,7	93,4
47:45	Лицевой	—	85,6	80,7	86,6
71a	Наименьшая ширина ветви	46	36	32	30
66	Угловая ширина	—	—	93	107
69(3):69(1)	Указатель массивности	27,0	34,4	33,3	36,7
69	Высота симфиза	39	32	30	—

поперечному II (84,7) высота черепной коробки большая. Лицо, судя по большой верхней ширине (109,2 мм), среднему скуловому диаметру (134,6 мм) и малой ширине (84,4 мм), имеет тенденцию резко сужаться книзу. По абсолютным величинам, как и по указателю, лицо низкое (верхнелицевой указатель 50,2). Нос имеет малую высоту и ширину, а по указателю является среднешироким

Таблица 6. Толщина отдельных костей свода, модуль толщины и трансверзального сечения черепов могильника Маяки*

Погребение	Признак				
	T ₁	T ₂	T ₃	Mt	Mc
2/7	9	8	10	240	292
2/8	8	6	8	128	229
4/8	10	6	10	200	236
6-1/8	8	8	12	256	259
6-II/8	9	6	10	180	232
1/10	8	6	8	128	258
2-II/10	8	7	8	149	308
2/10	7	7	6	98	—
1/6	5	3	7	35	270
8/8	5	6	6	60	234
2-1/10	7	5	7	82	235
3/10	7	5	6	70	—

* Модуль трансверзального сечения, заимствованный у А. Пестрякова [122], использован нами в несколько преобразованном виде: Mc = (продольный диаметр × поперечный диаметр) × 0,01.

(51,0). Орбиты умеренной ширины (от максилло-фронтале — 42,1 мм) и малой высоты (32,4 мм) по указателю низкие (76,1). Величины назо-малярного (137,0°) и зигмаксиллярного (130,4°) углов свидетельствуют о значительной профилированности лица в горизонтальной плоскости. Клыковая ямка глубокая. Нижняя челюсть имеет среднюю высоту и ширину восходящей ветви, умеренную высоту и малую толщину тела. Рельеф при этом развит значительно, углы часто развернуты наружу. Массивность по указателю малая (33,6).

Женские черепа имеют большой продольный диаметр (187,0 мм),

размеры черепов из могильника у с.Маяки

ские				Женские					
к.8, п.6 ск.2	к.9 п.1	к.9, п.2 ск.2	к.10 п.2	М(п)	к.6 п.1	к.8 п.8	к.9, п.2 ск.1	к.9 п.3	М(п)
184	184	205	183	186,6 (8)	193	181	178	196	187,0 (4)
126	140	150	—	138,0 (7)	140—129	129	132	—	133,7 (3)
94	96	—	—	98,3 (6)	98	95	96	—	96,3 (3)
106	140	139	—	121,8 (6)	113	117	—	—	115,0 (2)
107	110	—	—	109,3 (6)	107	99	102	106	103,5 (4)
117	118	118	—	115,0 (6)	116	108	—	123	115,3 (2)
68,5	76,1	73,1	—	73,8 (7)	72,5	71,3	74,2	—	72,7 (3)
63,6	64,1	57,6	—	62,0 (6)	60,1	59,7	—	62,8	60,8 (3)
92,9	84,3	78,7	—	84,7 (6)	82,9	83,7	—	—	83,3 (2)
74,6	68,6	—	—	72,3 (6)	70,0	73,6	72,7	—	72,1 (3)
120	143	155	—	134,6 (7)	120	133	—	—	126,5 (2)
105	110	—	—	109,2 (6)	105	104	102	—	103,7 (3)
60	—	—	—	64,6 (5)	—	68	—	—	68,0 (1)
—	—	—	—	108,7 (3)	—	115	—	—	115,0 (1)
86	—	—	—	84,8 (4)	—	96	—	—	96,0 (1)
42,7	—	—	—	47,4 (5)	—	53,9	—	—	53,9 (1)
22,3	—	—	—	24,2 (5)	24,0	25,2	—	—	24,6 (2)
38,6	—	—	—	42,1 (4)	43,9	43,5	—	—	43,7 (2)
28,8	34,8	—	—	32,4 (6)	37,0	32,5	—	—	34,8 (2)
130,2	—	—	—	137,0 (3)	—	134,0	—	—	134,0 (1)
—	—	—	—	130,4 (2)	—	124,0	—	—	124, (1)
50,0	—	—	—	50,2 (5)	—	51,1	—	—	51,1 (1)
74,6	—	—	—	76,1 (4)	84,3	74,7	—	—	79,5 (2)
52,2	—	—	—	51,0 (5)	—	46,8	—	—	46,8 (1)
95,2	102,1	103,3	—	97,4 (7)	85,7	103,1	—	—	94,4 (2)
—	—	—	—	84,3 (3)	—	86,5	—	—	86,5 (1)
33	—	37	—	35,1 (7)	34	35	25	33	31,8 (4)
91	—	—	94	96,3 (4)	88	96	—	—	92,0 (2)
34,4	—	—	35,5	33,6 (6)	54,2	46,7	—	—	50,5 (2)
30	—	—	31	32,4 (5)	24	33	—	—	28,5 (2)

средний поперечный (133,7 мм) и долихокранную черепную коробку (черепной указатель — 72,7). Высотно-продольный указатель П (60,9) свидетельствует о малой высоте черепа. Рельеф на женских черепах развит незначительно. Лицо умеренной ширины (скуловой диаметр 126,5 мм), средней высоты (верхняя высота лица 68,0 мм), по указателю низкое (51,1). Высота носа большая (53,9 мм), ширина умеренная (24,6 мм), по указателю малая (46,8). Орбиты средневысокие (34,8 мм) и широкие (43,7 мм), по указателю низкие (79,5). Лицо клиногнатное (назо-малярный угол 134,0°, зиго-максиллярный 124,0°). В одном случае отмечен альвеолярный прогнатизм.

Серия в целом характеризуется чертами, присущими представителям большой европеоидной расы. В мужской и женской сериях наблюдается повышенная изменчивость таких важных признаков, как продольный диаметр, поперечный диаметр, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, ширина носа и высота орбиты. Обращают на себя внимание значительные различия мужских черепов по толщине костей свода; имеются черепа с тонкими и толстыми костями мозгового отдела. Грацильность и массивность строения скелета и его костей зависят от уровня минерального обмена, который определяется той экологической обстановкой, в которой формируется раса, и характеризуется географической изменчивостью. На севере ойкумены сосредоточены "утяжеленные", массивные формы, на юге — "облегченные", более грацильные [8, с. 44—50]. В эпоху неолита юг Восточной Европы являлся, видимо, зоной контакта тех и других. Так, представителями массивных форм в это время были приемники надпорожско-приазовского варианта протоевропейского типа — племена ново-

Таблица 7. Мужские черепа усатовской культуры в сравнении

Номер по Мартину	Признак	Куль			
		усатовская			поздний этап Триполья
		Маяки	Усатово	Общая серия	Выхватинцы
		И.Д.Потехина	Г.П.Зиневич К.В.Зинковский	И.Д.Потехина	М.С.Великанова
1	Продольный диаметр	186,6 (8)	186,7 (6)	186,4 (15)	183,4 (5)
8	Поперечный диаметр	138,0 (7)	141,2 (6)	139,2 (14)	132,6 (5)
20	Высотный диаметр	115,0 (6)	118,3 (4)	115,5 (11)	112,4 (4)
9	Наименьшая ширина лба	98,3 (6)	97,4 (5)	97,6 (12)	92,8 (5)
45	Скуловой диаметр	134,6 (7)	139,5 (4)	136,9 (12)	127,8 (4)
48	Верхняя высота лица	64,6 (5)	—	65,2 (6)	68,0 (2)
54	Ширина носа	24,2 (5)	—	24,2 (5)	26,2 (2)
52	Высота орбиты	32,4 (6)	34,4 (5)	33,3 (11)	31,9 (4)
8:1	Черепной указатель	73,8 (7)	75,4 (6)	74,5 (14)	72,3 (5)
48:45	Верхнелицевой указатель	50,2 (5)	—	49,8 (6)	52,1 (2)
54:55	Носовой указатель	51,0 (5)	—	51,4 (6)	50,2 (2)
52:51	Орбитный указатель	76,1 (4)	85,8 (3)	80,3 (7)	74,0 (4)

даниловской культурной группы, отчасти среднестоговской [135] и древнеямной культур [86]. Они унаследовали гиперморфность от неолитического населения днепр-донецкой культуры, которое по обряду погребения относилось к северному евроазиатскому поясу могильников IV—III тыс. до н.э., а в хозяйственном отношении представляло охотников и рыболовов лесов умеренного пояса.

Грацильность, изящное строение черепа, узкое лицо присущи представителям южного ствола европеоидов и доминируют в неолите и энеолите у земледельческо-скотоводческого населения культур Криш, линейной керамики, Хаманджия, Боян, Петрешти, Триполье-Кукутени, судя по материалам из могильников Чипэу, Чернавода, Черника, Фэркашу-де-Сус, Окна Сибилуй, Добошени, Траян, Бильче-Злоте [13, 168, 207, 208]. Учитывая территориальную близость усатовской культуры к ареалу распространения гиперморфных и грацильных европеоидов, представляется целесообразным подробнее изучить толщину свода маякских черепов.

Чтобы избежать субъективной оценки этого признака, был применен предложенный нами модуль толщины $M_t = \frac{T_1 \times T_2 \times T_3}{3}$, где T_1 — толщина лобной кости в области брегмы, T_2 — в области лобного бугра, T_3 — толщина теменной кости в области теменного бугра. Модуль толщины костей свода мужских черепов варьирует от 98 до 256, женских — от 35 до 82, трансгрессия отсутствует и по этому показателю мужские и женские черепа дифференцируются отчетливо (табл. 6). Мужские черепа, в свою очередь, разделились на статистически достоверные (по критерию Стьюдента) группы "толстостенных" и "тонкостенных" с M_t , равным соответственно 219,0 и 125,8. Внутригрупповой анализ маякской серии с учетом модуля толщины позволил выявить комплексы, которые образует M_t с другими расово-диагностическими признаками, а также наметить в серии несколько морфологических компонентов. Первый из них характеризуется небольшой долихокранной черепной коробкой, узким лицом (скуловой диаметр 124 мм) и высокими орбитами. Этот комплект представлен черепами № 1/6, 2/8, 2/9, 6-1/8, 6-2/8, 8/8, которые можно отнести к низколицым вариантам протосредиземноморцев. Противоположный фланг серии составляют черепа (п. 1/9, 2-2/10, 2-1/10, 3/10) с выраженным противоевропеоидным комплексом, характерным для северной ветви древних европеоидов. У них долихомезокранная черепная коробка сочетается с относительно узким лбом и непропорционально широким лицом (143 и 155 мм у мужчин). Фацио-церебральный индекс указывает на негармоничность

тура

древняя		ямная	средний Стог II	кеми-обинская
Плоские могильники	Общая серия	Буджакский тип	Общая серия	Крым
Т.С.Кондукторова, С.И.Круц, Г.П.Зиневич	С.И.Круц	С.П.Сегеда	И.Д.Потехина	С.И.Круц, К.Ф.Соколова
189,0 (7)	191,0 (52)	191,4 (17)	194,7 (15)	194,7 (7)
143,3 (7)	140,2 (51)	139,4 (17)	142,1 (15)	138,0 (8)
—	116,8 (45)	116,8 (14)	118,5 (11)	—
—	99,7 (49)	100,3 (21)	101,1 (15)	94,7 (4)
137,0 (7)	136,1 (37)	133,0 (10)	139,5 (10)	130,2 (5)
64,9 (7)	70,8 (40)	73,3 (16)	70,3 (12)	73,2 (4)
—	24,5 (32)	25,0 (19)	24,9 (12)	—
—	32,2 (38)	33,3 (19)	31,9 (12)	—
75,7 (7)	73,8 (49)	72,8 (17)	72,8 (15)	70,0 (7)
47,4 (7)	52,9 (31)	56,4 (7)	50,2 (10)	56,7 (4)
50,7 (6)	48,3 (38)	47,1 (15)	49,3 (11)	48,3 (4)
75,6 (6)	74,7 (38)	—	73,2 (12)	77,8 (4)

и примитивность строения. Близкий, но менее выраженный комплекс признаков, наблюдается на черепах 2/7 и 4/8. У них мезокранная форма, широкое лицо (135 и 137 мм) с широким лбом. Более гармоничное сочетание широтных размеров мозгового и лицевого отделов несколько отличают эти два черепа от описанных выше гиперморфных противоевропеоидов и придает им черты, характерные для смягченных, мезоморфных вариантов этого типа. Черепа средиземноморского типа отличаются наименьшим значением Мт (165,5). Протоевропеоидные черепа имеют в среднем более массивные кости свода (Мт = 179,3). Вместе с тем, серия не предстает только в виде этих двух дискретных комплексов. Ее структура представляется более сложной: кроме грацильного средиземноморского и массивного протоевропейского компонентов с четкой консолидацией указанных признаков некоторые черепа образуют промежуточные варианты с контрастно-противоположным сочетанием признаков (п.6-1/8, 1/9,2—2/10). Они возникли, видимо, в результате взаимодействия основных типов, унаследовав от одного из них размеры и пропорции черепной коробки и лица, а от другого — типы обмена веществ, определяющие массивность или грацильность костей скелета.

Аналогичное смещение расовых типов произошло и в Усатово [70], причем степень "протоевропеодности" здесь несколько выше, чем в Маяках.

Материалы Усатово и Маяков составляют сводную краниологическую серию усатовской культуры (табл. 7), усредненные параметры которой вычислены нами по данным С.И.Круц, Г.П.Зиневич и К.В.Зиньковско [84, 62, 70, с. 31—34]. Сопоставление этой серии с относительно синхронными материалами выявляет ее промежуточное положение между краниологической серией поздне трипольского могильника Выхватинцы, с одной стороны, и сериями степных неолитических культур Украины — с другой (табл. 7). Средиземноморский компонент усатовской серии генетически, видимо, связан с лесостепным населением Триполья-Кукутени. Черепа средиземноморского типа обнаружены в захоронениях всех периодов этой культурной общности — Лука-Устинская [34], Липканы [196], Траян [208], Бильче-Злоте [217], Выхватинцы [28].

Исключительно сложен вопрос об этнотерриториальных истоках протоевропейского компонента усатовского населения. Черепа этого типа встречаются в неолитических погребениях на территории Болгарии, Румынии и Греции [13; 168; 190], в захоронениях раннего и развитого периодов Триполья-Кукутени — Солончены [34], Веремье [38], Незвиско [39]. В краниологической серии Бильче-Злоте и в мужской серии Выхватинцев

протоевропеоидный компонент отсутствует, а в женской он представлен в "смятченном" виде. По мнению М.С.Великановой, "протоевропейский" компонент существенным образом не изменил "средиземноморской" основы трипольского населения" [28, с. 25]. Как свидетельствуют кра­ниологические материалы усатовской культуры, ее общины испытали более о­щутимое влияние протоевропейского компонента, чем родственное им население лесостепной зоны культурной общности Триполье-Кукутени. Возможно, протоевропейский компонент в среде усатовцев сложным, опосредствованным образом восходит к некоторым группам среднестоговского населения и носителей древнейшей культуры, которые, впрочем, имели в своем составе и более грацильный компонент [86, 135]. Наблюдаемое сходство протоевропеоидных усатовских черепов со среднестоговскими, а также с ямными из нижнеднепровских бескурганых могильников [86, с. 116] само по себе немаловажно. Однако выводы относительно источника протоевропеизации усатовского населения были бы преждевременными до изучения энеолитической серии черепов непосредственно из региона формирования усатовской культуры — Северо-Западного Причерноморья. Е.В.Яровой [146] и В.Г.Петренко наметили здесь особую культурно-хронологическую группу, которая сыграла определенную роль в сложении усатовской культуры. Существенно, что в одном из этих доусатовских погребений обнаружены останки человека протоевропейского типа.

Участие племен кеми-обинской культуры в генезисе Усатово, прослеживающееся на археологических материалах [57], не нашло непосредственного отражения в антропологическом составе усатовцев. Хотя носители обеих культур имели в своем составе выраженный средиземноморский компонент, у населения усатовской культуры не встречаются столь узко и высоколицые формы, как в известной нам серии кеми-обинской культуры, изученной С.И.Круц [86, с. 139]. Как уже говорилось, усатовцы демонстрируют близость с низколицими вариантами средиземноморского типа (Выхватинцы, Винча, Вучедол, Лильяк, Деветашка), а кеми-обинцы — с высоколицыми вариантами этого типа. К кругу последних можно отнести население культур Гумельница и Боян, оставившее могильники Русе, Кубрат, Черника на Балканах, а также энеолитическое население Армении (Шенгавит) и Южной Туркмении (Кара-Депе, Геоксюр).

Сменившее усатовцев население буджакской культуры* относится к средиземноморскому типу. Оно отличается от усатовского более узкой и длинной мозговой коробкой и высоким лицом (табл. 7). Эти признаки сближают буджакскую серию с кеми-обинской и некоторыми группами ямников юга Украины, а значительная высота лица — с лептоморфными кра­ниологическими сериями из энеолитических могильников Балкан, Кавказа и Средней Азии. У лесостепных трипольцев и носителей усатовской культуры столь высоколицые варианты отсутствуют. Видимо, племена буджакской культуры привносят в Северо-Западное Причерноморье лептоморфный морфологический комплекс.

Дальнейшие исследования могильников усатовской культуры должны способствовать углубленному изучению формирования и динамики антропологического состава племен Северо-Западного Причерноморья в начальный период раннего бронзового века.

* Средние данные буджакской серии предоставлены С.П.Сегедей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
НОВЫЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
ПОСЕЛЕНИЯ МАЯКИ

Остеологический материал поселения Маяки представляет несомненный интерес для изучения хозяйства усатовских племен. В результате раскопок, произведенных ОАМ АН УССР в 1986 г., получено и обработано свыше 5 тыс. костей не менее чем от 352 особей млекопитающих животных. Определено 5 домашних (лошадь, крупный рогатый скот, овца, коза, собака) и 8 диких (осел, тур, благородный олень, лисицы — обыкновенная и корсак, заяц, барсук и хорек) видов. Количественное соотношение особей и их костных останков приведено в табл. 8. Кроме того, найдены кости птиц (35 фрагментов), более 800 костей рыб (осетровых, карповых и др.), отдельные кости и фрагменты панциря черепахи (*Emys orbicularis*).

Большинство остатков принадлежит домашним животным (97,9 % по числу костей и 88,4 % — по количеству особей), значительную часть которых занимает мелкий рогатый скот с преобладанием овец. Остатков крупного рогатого скота гораздо меньше (10,4 % от общего числа костей и 13,7 % всего поголовья домашних копытных). Еще меньше лошадей (6,3 % костей и 12,6 % особей). Собаки составляют 3,4 % костей (10,6 % особей) домашних животных.

Значительная часть поголовья крупного рогатого скота (44,7 %) — молодые животные. По размерам маякский скот приближается к серой степной породе, довольно близкой к туру по морфологическим признакам. Коллекция костей овцы — наиболее многочисленная группа материала — содержит рудиментарные роговые стержни, принадлежащие самкам, и обломок рогового стержня барана. Фрагменты черепов комолых особей не найдены. Краниальные остатки коз включают 3 целых и 5 оснований роговых стержней. Целые экземпляры небольшие по размеру, имеют незначительный наклон наружу и легкую скрученность. Один из фрагментов (основание рога) массивен, большого размера и происходит, вероятно, от самца, тогда как остальные стержни принадлежат самкам. Очевидно, коз Маякского поселения можно отнести к типу "prisca". Целые кости конечностей овец не найдены, среди костей коз обнаружена целая лучевая кость, наибольшая длина которой составляет 168,5 мм. Следует отметить, что 66,5 % поголовья мелкого рогатого скота представ-

Таблица 8. Остатки млекопитающих из поселения Маяки

Вид животного	Кол-во костей		Кол-во особей	
	абс.	%	абс.	%
Лошадь	319	6,3	35	12,6
Крупный рогатый скот	521	10,4	38	13,7
Мелкий рогатый скот	4209	83,4	205	73,3
Собака	176	—	33	—
Осел дикий	23	—	12	—
Тур	22	—	6	—
Благородный олень	38	—	10	—
Лисица обыкновенная	15	—	—	—
Корсак	3	—	1	—
Барсук	2	—	1	—
Хорек	3	—	2	—
Заяц	6	—	4	—
Всего	5337	—	352	—

Довольно велико число собак — 10,6 % общего количества особей домашних животных, преобладают остатки молодых и полувзрослых особей.

Говоря о хозяйственном назначении животных, следует отметить прежде всего их использование в пищу. Животные, содержащиеся с целью получения мяса забивались в молодом и полувзрослом возрасте. Особи же, используемые для других целей ("вторичное использование") — получения молока, шерсти или как рабочая сила, обычно достигали взрослого возраста. Изучение соотношения возрастных групп домашних животных из Маяков показало, что такое "вторичное использование" могло быть в основном для лошади и крупного рогатого скота, реже — для мелкого рогатого скота. Количество неполовозрелых особей лошади, крупного и мелкого рогатого скота составляет соответственно 24,2 %, 44,7 % и 66,5 %. Таким образом, взрослые особи овец могли функционировать, по существу, как воспроизводящее стадо, что не исключает использование их молока и шерсти.

Используя данные В.И.Бибиковой [119, с. 146] для подсчета примерного выхода мясной продукции домашних животных, очевидно, что для крупного рогатого скота он составляет 6440 кг (40,8 %), тогда как овца и коза вместе взятые дают около 4660 кг (29,4 %). Применяя предложенный Ш.Бекени [193, р. 32] метод определения относительного количества получаемого мяса, можно констатировать, что крупный рогатый скот давал около 39 % мяса домашних копытных, в то время как более многочисленный мелкий рогатый скот — только 30 %.

Охотились в основном на тура, благородного оленя, плейстоценового осла, то есть крупных копытных животных. Среди охотничьей добычи нет остатков кабана, ранее в Маяках отмеченного в небольшом количестве [57, с. 112]. Возможно, этот вид был более редок. Охота скорее всего зависела от окружающей среды и локально часто встречающиеся дикие животные были первыми объектами охоты. Определенную роль в выборе последнего играл и объем получаемого мяса.

Среди домашних животных, зафиксированных в Маяках, овца предпочитает степную среду, для коз идеальным местом обитания являются

лены молодыми животными, основная часть которых забивалась в возрасте 4—10 месяцев. Такой высокий процент молодых особей позволяет предположить, что овцы разводились преимущественно с целью получения мясной продукции.

Большой интерес представляет проблема появления и распространения в Восточной Европе домашней лошади. Ряд исследователей полагает, что в позднем Триполье лошадь была уже домашней [57; 99; 170]. Кости этого вида частично раздроблены, часть остатков (24,2 %) принадлежит неполовозрелым особям.

небольшие облесненные пятачки. Крупный рогатый скот избирает сходные места обитания с немного большей влажностью. Характерным местообитанием для благородного оленя являются лиственные или смешанные леса с богатым подлеском, однако в летний период он может заходить и в степь. Тур обитал преимущественно в Лесостепи, дикий осел мог обитать в сходной окружающей среде, хотя его наиболее типичным местообитанием являлась степь. Таким образом, виды млекопитающих, найденные в Маяках, позволяют предположить, что поселение в период своего существования находилось в степной зоне с ленточными лесами, приуроченными к долинам рек. Наличие значительного поголовья домашних животных позволяет предположить существование таких форм скотоводства, при которых стада выпасались вдали от поселения, в степи (лошадь, овца). Крупный рогатый скот мог пастись и в непосредственной близости от жилищ. Исследование новых остеологических материалов из Маяков подтверждает наличие здесь ряда особенностей хозяйства, отличных от Уса-тово [119, с. 145, 147]. Овцы представлены в Маяках значительно большим количеством особей, крупного рогатого скота меньше, нет свиньи. Скотоводство могло сочетать в этом случае несколько форм — придомное пастушеское и отгонное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авилова Л.И.* Погребальный обряд земледельческих культур неолита Юго-Восточной Европы: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — М., 1984. — 24 с.
2. *Агульников С.М.* Раскопки курганов у пос.Тараклия // АО 1983 г. — М., 1985. — С.455-456.
3. *Агульников С.М.* Исследование курганной группы у с.Казаклия // АО 1985 г. — М., 1987. — С.512-513.
4. *Агульников С.М., Савва Е.Н.* Курганы эпохи неолита-бронзы у пгт Тараклия // АИМ 1982 г. — М., 1986. — С.34-54.
5. *Алексеев В.П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. — М., 1978. — 283 с.
6. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1978. — Т.2. — 97 с. — (САИ; № Г1 — 12).
7. *Алексеева И.Л.* О древнейших неолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. — 1976. — Вып. 8. — С.176-186.
8. *Алексеева Т.И.* Адаптивные процессы в популяциях человека. — М., 1986. — 283 с.
9. *Антонова Е.В., Раевский Д.С.* "Богатство" древних захоронений // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. — Киев, 1984. — С.153-169.
10. *Балабанов И.П., Кеирквелия Б.Д., Островский А.Б.* Новейшая история формирования инженерно-геологических условий и долгосрочный прогноз развития береговой зоны полуострова Пицунда. — Тбилиси, 1981. — 200 с.
- 10^a. *Берг Л.С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. — М., — Л., — 1948. — Ч.1-II. — 250 с.
11. *Бибиков С.Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. — М., 1953. — 408 с. — (МИА; № 38).
12. *Бибикова В.И.* Животноводство в Северной Месопотамии в V тысячелетии до н.э. // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. — М., 1981. — С.299-307.
13. *Боев П.* Антропологично проучване на неолитичния човек в България: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — София, 1966.
14. *Болтенко М.Ф.* Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков // ВОКК. — 1925. — Ч.2/3. — С.48-66.
15. *Болтенко М.Ф.* Керамика з Усатово // ТКУ. — 1926. — Вып. 1. — С.10-30.
16. *Болтенко М.Ф.* Стратиграфия и хронология Большого Куяльника // МАСП. — 1957. — Вып. 1. — С.24-33.
17. *Болтенко М.Ф.* Итоги раскопок Усатово // Арх. ОАМ АН УССР. — № 59612.
18. *Брагинская Н.В.* Царь // Мифы народов мира. — М., 1982. — Т.2. — С.614-616.
19. *Браунер А.А.* Прошлое степного лиманно-морского ландшафта Правобережной Украины // Арх. ОАМ АН УССР. — № 59268-59269.
20. *Брулюк И.В., Карпов В.А.* Палеогеография северо-западной акватории Понта в античную эпоху // Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья. — Запорожье, 1987. — С.21-22.
21. *Бурдо Н.Б.* Датировка раннетрипольского поселения Александровка и проблема хронологического разделения Триполья-А // МАСП. — 1983. — С.5-16.
22. *Бурдо Н.Б.* Исследования раннетрипольского поселения Слободка-Западная // Новые археологические исследования на Одессчине. — Киев, 1984. — С.24-33.
23. *Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю.* Типы раннетрипольской керамики и ее орнаментации в междуречье Днестра и Южного Буга // Северное Причерноморье. — Киев, 1984. — С.96-104.
24. *Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю.* Раннетрипольские поселения Тимкове в Одесской области // Археология. — 1985. — № 52. — С.78-86.
25. *Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю.* Исследования раннетрипольского поселения Слободка-Западная в 1980 г. // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. — Киев, 1987. — С.5-16.

26. Бутинов Н.А. Первобытнообщинный строй // ПИДО. – 1968. – Кн.1. – С.89–115.
27. Веклич М.Ф. Проблемы палеоклиматологии. – Киев, 1987. – 188 с.
28. Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. – М., 1975. – 282 с.
29. Виноградова Н.М. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. – Кишинев, 1983. – 106 с.
30. Воскобойников В.М., Ротарь М.Ф., Конигов Е.Г. Связь ритмичности строения толщ голоценовых отложений Причерноморских лиманов с колебательным режимом уровня Черного моря // Изменения уровня моря. – М., 1982. – С.264–274.
31. Гамченко С.С. Спостереження над даними дослідів трипільської культури // ТКУ. – 1962. – Вип. 1. – С.31–41.
32. Гожик П.Ф., Мартынов В.С. и др. Донные отложения лиманов. Стратегия и условия залегания // Геология шельфа УССР: Лиманы. – Киев, 1984. – С.44–62.
33. Гожик П.Ф., Карпов В.А. Изменение уровня Черного моря в голоцене. – Киев, 1989.
34. Гохман И.И. Череп ребенка из раннетрипольского поселения Лука-Устинская // Сов. антропология. – 1958. – № 4. – С.127–132.
35. Гудкова А.В. Энеолитический курган с кромлехом в устье Тилигула // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. – Киев, 1980. – С.87–95.
36. Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии // Вестн. ЛГУ. – 1965. – № 18. – С.112–120.
37. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – Киев, 1974. – 175 с.
38. Дебец Г.Б. Палеоантропология СССР // ТИЭ. – 1948. – Т. 4. – С.38–65.
39. Дебец Г.Б. Антропологическая характеристика черепа из Незвиско // МИА ЮЗ СССР и РНР. – 1960. – С.91–95.
40. Дергачев В.А. Позднетрипольские курганы Тираспольщины // АИМ 1973–1974. – Кишинев, 1975. – С.249–267.
41. Дергачев В.А. Выхватинский могильник. – Кишинев, 1978. – 75 с.
42. Дергачев В.О. Півдньотрипільські могильники Данку в Молдавії // Археологія. – 1978. – Вип.28. – С.56–65.
43. Дергачев В.А. Раскопки в Данчанах и некоторые вопросы изучения памятников позднего Триполья и катакомбной культуры // АИМ 1976. – Кишинев, 1979. – С.56–66.
44. Дергачев В.А. Памятники позднего Триполья. – Кишинев, 1980. – 205 с.
45. Дергачев В.А. Курганы у с.Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии. – Кишинев, 1984. – С.3–36.
46. Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. – Кишинев, 1986. – 222 с.
47. Дьямант Э.И. Раскопки античных памятников в районе Одессы // АО 1980. – 1981. – С.244.
48. Дорофеев В.В. Охранные раскопки в Приазовье // АО 1980 г. – М., 1981. – С.245.
49. Дорошев П.Е. Оценка скорости почвенно-грунтовых масс задернованных склонов // Вестн. МГУ. – 1972. – № 7. – С.89–95.
50. Драко О.Ф. Анализ усаатовских металлических изделий // Арх. ОАМ АН УССР. – № 322.
51. Езеро. Раннобронзово селище. – София, 1979. – 546 с.
52. Есипенко А.Л. Археологічні розвідки Одеського музею у 1950–1951 рр. // АП. – 1956. – Т.4. – С.203–204.
53. Есипенко А.Л. Раннетрипольское поселение Александровка // МАСП. – 1957. – Вип.1. – С.10–23.
54. Есипенко А.Л. Археологічні розвідки 1952 р. в районі Кодима-Котовськ-Рибниця // МАСП. – 1959. – Вип.2. – С.102–117.
55. Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Петренко В.Г. Каролино-Бугазский могильник // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1987. – С.99–108.
56. Заец И.И. Трипольское поселение Клищев на Южном Буге // СА. – 1974. – № 4. – С.180–200.
57. Збенович В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. – Киев, 1974. – 175 с.
58. Збенович В.Г. Періодизація і хронологія раннього Трипілья // Археологія. – 1980. – Вип.35. – С.3–25.
59. Збенович В.Г. Поселение Бернашевка на Днестре. – Киев, 1981. – 178 с.
60. Збенович В.Г. Раннетрипольские племена в междуречье Днестра и Южного Буга: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – Киев, 1985. – 56 с.
61. Збенович В.Г. Прогресс в развитии древнеземледельческих обществ Юго-Запада СССР // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. – Ашхабад, 1987. – С.19–23.
62. Зиневич Г.П. Палеоантропологический материал из усаатовского могильника // КСОГАМ 1962 г. – Одесса, 1964. – С.124–128.
63. Зиневич Г.П. Краниологические материалы эпох энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья // МАСП. – 1970. – Вип.6. – С.156–157.
64. Зиньковская Н.Б. Антропоморфная пластика раннетрипольского поселения Александровка // Там же. – 1976. – Вип. 8. – С.161–170.
65. Зиньковская Н.Б. Черпаки, глиняные ковши и ложки раннетрипольского поселения Александровка // АИ СЭП. – Киев, 1977. – С.205–209.
66. Зиньковская Н.Б. Кухонная керамика раннетрипольского поселения Александровка // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1981. – С.12–22.
67. Зиньковский К.В. Некоторые итоги раскопок раннетрипольского поселения Александровка // Тези пленар. і секційн. доп. XV наук.конф. ІА АН УРСР. – Одеса, 1972. – С.92–95.
68. Зиньковский К.В. До проблеми трипільського житлобудування // Археологія. – 1975. – Вип.15. – С.13–22.
69. Зиньковский К.В. К процедуре исследования проблемы домостроительства трипольских племен // МАСП. – Киев, 1983. – С.16–22.
70. Зиньковский К.В. Антропологическая характеристика материалов из второго грунтового могильника у с.Усаатово // Новые археологические исследования на Одессчине. – Киев, 1984. – С.34–43.
71. Зиньковский К.В., Зиньковская Н.Б. Раннетрипольское поселение Александровка в свете новых исследований // 150 лет ОАМ АН УССР. – Одесса, Киев, 1975. – С.48–50.

72. Зиньковский К.В., Зиньковская Н.Б. К вопросу о стратиграфии раннетрипольского поселения Александровка // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. – Киев, 1980. – С.27–41.
73. Зиньковский К.В., Патокова Э.Ф. Исследование Маякского могильника в 1974 г. // АИ СЭП. – С.134–144.
74. Зиньковский К.В., Петренко В.Г. Погребения с охрой в усатовских могильниках // СА. – 1987. – № 4. – С.24–39.
75. Зиньковский К.В., Полищук Л.Ю. Новые данные о памятниках среднего и позднего Триполья на Опесчане // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. – Киев, 1980. – С.63–70.
76. Золотун В.П. О происхождении лессовых отложений на юге Украины // Почвоведение. – 1974. – № 1. – С.33–37.
77. Иванов Вяч.Вс. История славянских и балканских названий металлов. – М., 1983. – 196 с.
78. Квита Х. Към хронологията на пластовега на Троя от раннобронзовата ера // Троя и Тракия. – София, 1982. – С.21–29.
79. Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1974. – 24 с.
80. Ковалева И.Ф. Погребения животиловского типа в Присамарье // Курганные древности Степного Поднестровья. – Днепропетровск, 1978. – С.45–54.
81. Кольцова Л.В. Металлографическое исследование металлических изделий из памятников усатовского типа // Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. – Киев, 1979. – С.161–176.
82. Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л., 1987. – 319 с.
83. Крокос В.И. Предварительный отчет о геологическом исследовании стоянки доисторического человека побережья Хаджибейского лимана // Журн. науч.исслед. каф. в Одессе. – 1924. – Т.1, № 5. – С.62–67.
84. Круц В.А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. – Киев, 1977. – 158 с.
85. Круц В.О., Рыжов С.М. Фазы развития памятников томашівсько-сушківської групи // Археологія. – 1985. – Вып.51. – С.45–56.
86. Круц С.И. Население территории Украины эпохи меди-бронзы – Киев, 1972. – 190 с.
87. Лагодовская Е.Ф. Дневник раскопок в Усатово в 1932 г. // Арх. ОАМ АН УССР. – № 59117.
88. Лагодовська О.Ф. Проблеми усатівської культури // Наук. зап. Ін-ту історії і археології УРСР. – 1943. – № 1. – С.53–66.
89. Лагодовська О.Ф. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України // Вісн. АН УРСР. – 1948. – № 6. – С.48–57.
90. Лагодовська О.Ф. Усатівська експедиція 1948 р. // АП. – 1952. – Т.4. – С.124–130.
91. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. – К., 1962. – 246 с.
92. Макаревич М.Л. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури // АП. – 1952. – Т.4. – С.89–95.
93. Макаревич М.Л. Исследования в районе с.Стена на Среднем Днестре // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып.10. – С.23–32.
94. Максименко В.Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // СА. – 1973. – № 1. – С.249–254.
95. Манганари Е. Атлас Черного моря. – Николаев, 1841. – 22 л.
96. Маркевич В.И. Трипольское поселение Варваровка VIII // Первый симпозиум по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. – Кишинев, 1964.
97. Маркевич В.И. Многослойное поселение Новые Русецы I // КСИА АН СССР. – 1970. – № 123. – С.56–68.
98. Маркевич В.И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. – Кишинев, 1974. – 174 с.
99. Маркевич В.И. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. – Кишинев, 1979. – 193 с.
100. Маркевич В.И. Далекое-близкое. – Кишинев, 1985. – 168 с.
101. Массон В.М. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология – поиски и находки. – Киев, 1980. – С.204–212.
102. Мелюкова А.И. Курган усатовского типа у с.Тудорова // КСИА АН СССР. – 1962. – № 88. – С.74–83.
103. Мелюкова А.И. Работы Западно-Скифской экспедиции // АИМ 1973 г. – Кишинев, 1974. – С.53–77.
104. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М., 1974. – 152 с.
105. Мовша Т.Г. Локальные черты антропоморфной пластики выхватинского типа // 150 лет ОАМ АН УССР. – Одесса, Киев, 1975. – С.59–60.
106. Мовша Т.Г. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1984. – С.60–83.
107. Мовша Т.Г. Петренська регіональна група трипільської культури // Археологія. – 1984. – Вып.45. – С.10–23.
108. Мовша Т.Г. Средний этап трипольской культуры: Поздний этап трипольской культуры // Археология УССР. – 1985. – Т.1. – С.206–263.
109. Молодых И.И. Грунты полов и степных блюдец субареального покрова Украины. – Киев, 1982. – 186 с.
110. Монах Д. Послание из глубины тысячелетий // Румын. лит. – 1984. – № 9.
111. Нечитайло А.А. О сосудах майкопского типа в степной Украине // СА. – 1984. – № 4. – С.127–137.
112. Николов Б. Заминец. – София, 1975.
113. Николаева А.В., Рассмакин Ю.Я. О позднеэнеолитических памятниках правобережья Днестра // СА. – 1985. – № 3. – С.37–56.
114. Островерхов А.С. Стежляные бусы в памятниках позднего Триполья // НМА СЭП. – С.174–180.
115. Отрощенко В.В. Исследование курганов в Запорожской области // АО 1983 г. – М., 1985. – С.335–336.

116. Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений. — М., 1949. — 245 с. — (МИА; № 10).
117. Пассек Т.С. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре // ИМФ АН СССР. — 1955. — № 5/25. — С.15—29.
118. Пассек Т.С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. — М., 1961. — 203 с. — (МИА; № 84).
119. Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. — Киев, 1979. — 184 с.
120. Патокова Э.Ф. Новый могильник усатовского типа у с.Маякя // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. — Киев, 1980. — С.71—87.
121. Патокова Э.Ф. Антропоморфная пластика Маяцкого могильника // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1986. — С.5—20.
122. Пестряков А.П. Дифференциация большой монголоидной расы по данным генерализованных тотальных размеров черепной коробки // Историческая динамика расово-этнической дифференциации населения Азии. — М., Наука, 1987.
123. Петренко В.Г. Об ориентировке позднетрипольских погребений Северного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1982. — С.32—44.
124. Петренко В.Г. Архитектурные особенности некоторых курганов Усатово // МАСП. — Киев, 1983. — С.22—32.
125. Петренко В.Г. Каменная плита с изображениями из Усатово // Северное Причерноморье. — Киев, 1984. — С.14—22.
126. Петренко В.Г. Новые находки памятников искусства в Усатово // Памятники древней истории. — Киев, 1985. — С.8—15.
127. Петров А. Равна история и эволюция на домашних животных. — София, 1986. — 260 с.
128. Писларий И.А., Пожидаев В.Ф. О применении метода процентных соотношений // Методологические и методические вопросы археологии. — Киев, 1982. — С.178—187.
129. Підолітко І.Г. До питання про свійські тварини трипольських поселень // Наук. зап. ін-ту історії матеріал. культури. — 1937. — Т.2. — С.111—120.
130. Пожожеев А.П. Антропоморфная пластика Триполья. — Новосибирск, 1987. — 144 с.
131. Полищук Л.Ю. Раскопки трипольского поселения // АО 1983 г. — М., 1985. — С.344—345.
132. Полищук Л.Ю. Поселение Черкасов Сад II // АО 1984 г. — М., 1986. — С.294.
133. Полищук Л.Ю. Пластика трипольского поселения Черкасов Сад II // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1986. — С.21—26.
134. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. — М., 1979. — 232 с.
135. Потехина И.Д. О носителях культуры Средний Стог по антропологическим данным // СА. — 1983. — № 1. — С.144—154.
136. Радунчаева А. Доисторическое искусство в Болгарии VI—II тыс. до н.э. — София, 1973.
137. Рассмакин Ю.Я. Энеолитические погребения бассейна р.Молочной // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — Киев, 1987. — С.31—43.
138. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. — 1965. — № 1. — С.24—47; № 2. — С.13—33.
139. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981. — 606 с.
140. Рындина Н.Э. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. — Москва, 1971. — 142 с.
141. Рындина Н.В., Конькова Л.В. О происхождении больших усатовских кинжалов // СА. — 1978. — № 2. — С.30—42.
142. Савва Е.Н. Исследование курганов в Тирасполе // АО 1983 г. — М., 1985. — С.460—461.
143. Сайко Э.В. Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // SP. — 1984. — № 7. — С.131—152.
144. Селинов В.И., Лагодовская Е.Ф. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. // СА. — 1940. — № 5. — С.245—257.
145. Семенов А.Л., Романова Е.Н., Долуханов П.М. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // СА. — 1969. — № 1. — С.251—261.
146. Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григориопольские курганы. — Кишинев, 1987. — 152 с.
147. Скакун Н.Н. Функционально-трассологическое изучение материалов из трипольского поселения Александровка // 150 лет ОАМ АН УССР. — Одесса, Киев, 1975. — С.50—51.
148. Скакун Н.Н. Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка // СА. — 1978. — № 1. — С.15—23.
149. Скакун Н.Н. Орудия труда и хозяйство болгарградской (Алденя II) энеолитической культуры // SP. — 1986. — № 8.
150. Скрыбина Н.Г. Особенности стратиграфии отложений новейшей черноморской трансгрессии и история ее развития в пределах Прикавказского шельфа. : Автореф. дис. ... канд. геологич. наук. — Одесса, 1981. — 23 с.
151. Сорокин В.Я., Манзура И.В. Курган у с.Спея // АИМ 1982 г. — Кишинев, 1986. — С.20—28.
152. Станко В.Н., Зиньковская Н.Б. Разведка памятников эпохи энеолита в северных районах Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. — Киев; Одесса, 1976. — С.130—150.
153. Стемпковский И.Я. Дневник раскопок, произведенных в 1896 г. // Арх. ЛОИА АН СССР. — Ф.1. — № 214/1895.
154. Субботин Л.В. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. — Киев, 1983. — 137 с.
155. Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М. Курганы у с.Отгородное // МАСП. — 1970. — Вып.6. — С.130—155.
156. Субботин Л.В., Петренко В.Г. Об архитектуре усатовских курганных сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1986. — С.26—43.
157. Субботин Л.В., Шмаглий Н.М. Болгарградский курганный могильник // МАСП. — 1970. — Вып.6. — С.116—129.
158. Телегін Д.Я. Дніпро-донська культура. — К., 1968.
159. Телегін Д.Я. Радіокарбонне і археомагнітне датування Трипільської культури // Археологія. — 1985. — Вып.52. — С.10—22.
160. Титов В.С. Раскопки на Кремневом холме и на Болотном городище // АО 1974. — М., 1975. — С.363—364.

161. *Титов В.С.* К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. — М., 1982. — С.89—145.
162. *Титов В., Габори М., Эрдели И.* Археология Венгрии : Камен. век. — М., 1980. — 418 с.
163. *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. — София, 1981. — 104 с.
164. *Тодорова Х.* Каменно-медная эпоха в Болгария. — София, 1986.
165. *Третьяков Д.К.* Кістяні останки людини з устатівських могил // Арх. ОАМ АН УРСР. — № 59359.
166. *Трифонов В.А.* Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы // Автореф. канд. дис. — Л., 1983. — 24 с.
167. *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазовских связей майкопской культуры // КСИА АН СССР. — 1987. — № 192. — С.18—26.
168. *Хаас Н., Максимилиан К.* Антропологическое исследование окрашенных костяков из комплекса могил с охров // Сов. антропология. — 1958. — № 4. — С.133—146.
169. *Хотинский И.А.* Три типа изменения климата Северной Евразии в голоцене // Колебания увлаженности Арало-Каспийского региона в голоцене. — М., 1980. — С.5—12.
170. *Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. — М., 1970. — 280 с. — (МИА; № 161).
171. *Цвек О.В.* Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутєнської спільності // Археологія. — 1985. — Вип.51. — С.31—45.
172. *Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. — София, 1978.
173. *Черных Е.Н.* Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции // Античная балканистика. — М., 1987. — С.136—147.
174. *Черныш К.К.* Раннеотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. — К., 1959. — 108 с.
175. *Черныш Е.К.* Место поселений борисовского типа в периодизации трипольской культуры // КСИА АН СССР. — 1973. — № 134. — С.3—11.
176. *Черныш Е.К.* Основные направления расселения племен культуры Кукутени-Триполье в ранний период // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. — М., 1976. — С.90—102.
177. *Черныш Е.К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. — 1982. — С.177—252.
178. *Черняков И.Т., Тошев Г.Н.* Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // НМА СЭП. — С.5—31.
179. *Черняков И.Т., Тошев Г.Н.* Культовые зольники сабатиновской культуры // ИА СЭП. — С.115—138.
180. *Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В.* Холмские курганы // Там же. — С.53—96.
181. *Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю.* Раннетрипольское поселение Гребенюков Яр у с.Майданецкое // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1987. — С.87—99.
182. *Шмаглий Н.М., Рыжов С.Н., Дудкин В.П.* Трипольское поселение Коновка в Среднем Поднестровье // Археология. — 1985. — Вип.52. — С.42—52.
183. *Шмаглий Н.М., Черняков И.Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. — 1970. — Вип.6. — С.5—115.
184. *Шмаглий Н.М., Черняков И.Т.* Курганы Нижнего Днестра // НМА СЭП. — С.47—91.
185. *Шнитников А.В.* Многовековой ритм развития ландшафтной оболочки // Хронология плейстоцена и климатическая стратиграфия. — Л., 1973. — С.7—38.
186. *Шумова В.А.* Про одну з категорій кераміки пізньотрипільських пам'яток межиріччя Південного Бугу і Дніпра // Тези доп. третьої Вінниць. обл. конф. істориків-краєзнавців. — Вінниця, 1985.
187. *Якушевич З.В.* Культурные растения Северного Причерноморья. — Кишинев, 1986. — 90 с.
188. *Яровой Е.В.* Охраняемые раскопки кургана у с.Бурсучены // АО 1978 г. — М., 1980. — С.491—492.
189. *Яровой Е.В.* Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. — Кишинев, 1985. — 122 с.
190. *Angel L.I.* Troy. The human remains // Cincinnati. — 1951.
191. *Banner J.* Die Pecelet Kultur // AN. — 1956. — Vol.35. — 286 p.
192. *Barag D.P.* The origin of glass // Communications artistiques et historiques : IX Congr. intern. du verre Versailles, 1971. — Paris, 1972. — P.183—189.
193. *Békényi S.* Early neolithic vertebrate fauna from Lanishok-Egettmaom // AAN. — 1981. — Vol.33. — P.21—34.
194. *Clark R.M.* A calibration curve for radiocarbon dates // Antiquity. — 1975. — N LIX. — P.251—266.
195. *Dinu M.* Quelques remarques sur la continuité de la céramique peinte du type Cucuteni durant la civilisation Horodistea-Erbiceni et Gorodsk // La civilisation de Cucuteni en contexte European. — Jasi, 1987. — P.133—143.
196. *Donici A.* Note surum crane neolithique provenant de Bessarabie // Communication presentee au Congres d'Anthropologie. — Paris, 1931.
197. *Dragomir T.I.* Eneoliticul din Sud-estul Romaniei. Aspectul cultural Stoicani-Aldeni. — Bucuresti, 1983. — 250 p.
198. *Dumitrescu H., Dumitrescu V.* Santierul arheologic Traian // MCA. — 1970. — Vol.2. — P.39—58.
199. *Gimbutas M.* The beginning of the bronze age in Europe and the indo-europeans 3500—2500 B.C. // JIEK. — Vol.1, N.2. — P.163—214.

200. *Haimovici S.* La faune-fossil decouverte a Fotești // *Dacia*. - 1974. - T.18. - P.73-75.
201. *Hartuche N., Anastasiu F.* Brailița. - Braila, 1968. - 220 p.
202. *Hirner M.* Etude sur la civilisation premyceniennne dans le bassin de la Mer Noire apres des fouilles personnelles // *Swiatowit*. - 1933. - T.14.
203. *Jastrzebski S.* Uwagi o chronologii i periodyzacji culture Cucuteni-Tripolie // *AP*. - 1983. - T.28, N 1. - P.99-113.
204. *Marinascu-Bilcu S.* Culture Precucuteni pe teritoriul Romaniei. - București. - 1974.
205. *Mellaart J.* The chalcolithic and early bronze ages in the Near East and Anatolia. - Beirut, 1966. - 212 p.
206. *Morintz S., Roman P.* Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niede-Donau // *Dacia*. - 1968. - T.12. - S.45-128.
207. *Necrasov O., Cristescu M.* Etude antropologique des squelettes de Dridu (culture Gumelnitza) // *ASUL*. - 1961. - T.7.
208. *Necrasov O., Nicolaescu-Plopsor D.* Etude antropologique des squelettes neolithiques appartenant a la culture de la ceramique peinte Cucuteni-Tripolie decouverte a Traian // *ASUL*. - T.3. - N 1/2. - Sect. 2.
209. *Nemejcova-Parukova V.* Periodisierung der Badener Kultur und ihre chronologischen Beziehungen zu Südosteuropa // *TPSP*. - 1982. - N 3. - P.150-176.
210. *Paszek T.S.* La ceramique tripolienne // *M.; L.*, 1935.
211. *Petrescu-Dimbovița M., Marin D.* Nouvelles Fouilles Archeologique a Fotești // *Dacia*. - 1974. - Vol. 18. - P.19-72.
212. *Petrescu-Dimbovița M., Marin D.* Noi cercetari archeologice la Stoicani // *SCIVA*. - 1974. - Vol.25/1. - P.71-97.
213. *Quitta H., Kohl C.* Neue radiocarbon daten zum neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und Sovietunion // *ZA*. - 1969. - B 3, N 2. - S.247-250.
214. *Roman P.* Cultura Coșofeni. - București, 1976. - 180 p.
215. *Roman P.* Forme de manifestare culturala din eneoliticu tîrziu si perioada de tranzitie spre epoca bronzului // *SCIVA*. - 1981. - T. 32. - N 1. - P.21-42.
216. *Starckel L.* Paleogeographira Holocenu. - Warszawa, 1977. - 150 p.
217. *Stojanowski K.* Antropologia prehistoriczna Polski // *PMA*. - 1948. - T.2, N 1.
218. *Talgren A.M.* Etudes sur le Caucase du nord // *ESA*. - 1929. - N 4. - P.22-40.
219. *Vulpe R.* Izvoare. - București, 1957. - 396 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
АИ СЭП	— Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985
АО	— Археологические открытия. Москва
АП	— Археологічні пам'ятки. Київ
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва
ВОКК	— Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса
ЗГО	— Записки Географического Общества. Москва
ИА СЭП	— Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986
ИМФ АН СССР	— Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИА ЮЗ СССР и РНР	— Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев
НМА СЭП	— Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985
ОАМ АН УССР	— Одесский археологический музей АН УССР
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ. Москва
СА	— Советская археология. Москва
САИ	— Свод археологических источников. Москва
СЭ	— Советская этнография. Москва
ТИЭ АН СССР	— Труды института этнографии АН СССР. Москва
ТКУ	— Трипільська культура на Україні. Київ
ААС	— Acta Archeologica Carpatica, Krakow
ААН	— Acta Archeologica Hungarica, Budapest
АН	— Archaeologia Hungarica, Budapest
АР	— Archeologia Polski, Warszawa
ASUI	— Analele științifice ale Universității "Al. I. Cuza" din Iași, Iași
Dacia	— Dacia, București
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
JIES	— Journal of the Indo-European Studies, Los Angeles
MCA	— Materiale și cercetări arheologice, București
PMA	— Prace i materialy antropologiczne, Krakow
SCIVA	— Studii și cercetări de istorie veche și arheologie, București
SP	— Studia Praehistorica, Sofia
TPSP	— Thracia Praehistorica, Supplementum Pulpudeva, Sofia
ZA	— Zeitschrift für Archäologie, Berlin

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ, 3

ТРИПОЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ ЛЕСОСТЕПНОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕСТРА И ЮЖНОГО БУГА, 5

**Александровская группа раннетрипольских памятников
(Н.Б.Бурдо), 5**

Памятники развитого Триполья (Л.Ю.Полищук), 30

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ НА ЗАПАДЕ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ, 50

**Усатовский могильник Маяки
(Э.Ф.Патокова, В.Г.Петренко), 50**

Усатовская локальная группа (В.Г.Петренко), 81

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА МАЯКИ (И.Д.Потехина), 125

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. НОВЫЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ МАЯКИ (Е.П.Секерская), 131

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, 134

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, 140

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ПАТOKOVA Эмилия Федоровна
ПЕТРЕНКО Владислав Григорьевич
БУРДО Наталья Борисовна
ПОЛИЩУК Людмила Юрьевна**

**ПАМЯТНИКИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ**

*Художник обложки Н.И.Казюкова
Художественный редактор И.П.Савицкая
Технические редакторы Л.Н.Муравцева, И.Ю.Александрова
Оператор Т.Н.Шевченко
Корректоры Е.С.Коваль, А.Л.Палищук*

ИБ № 9951

Сдано в набор 22.03.89. Подп. в печ. 24.08.89. Формат 70x108/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Сенчури.
Офс. печ. Усл.печл. 12,78. Усл.кр.-отг. 13,31. Ул.-зд.л. 13,02+вкл. 0,11 = 13,13. Тираж 660 экз.
Заказ 9-237. Цена 2 р. 70 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4,
ул.Решня, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул.Решня, 4.